

В. БУЛАТОВА Л. МАНЬКОВСКАЯ

Памятники зодчества Ташкента

XIV-XIX ВЕКА

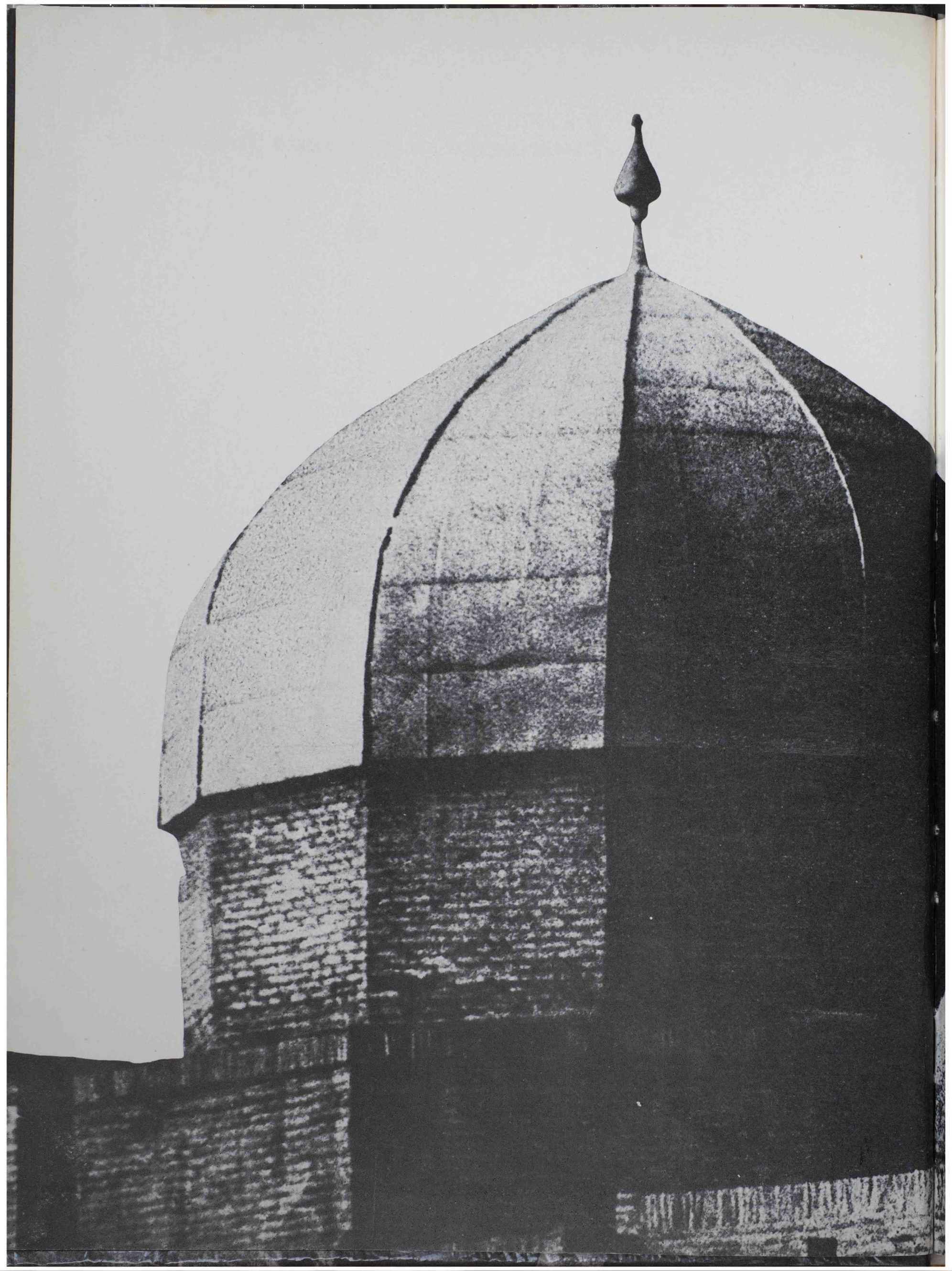
В. А. БУЛАТОВА, Л. Ю. МАНЬКОВСКАЯ

Памятники зодчества Ташкента

XIV—XIX вв.

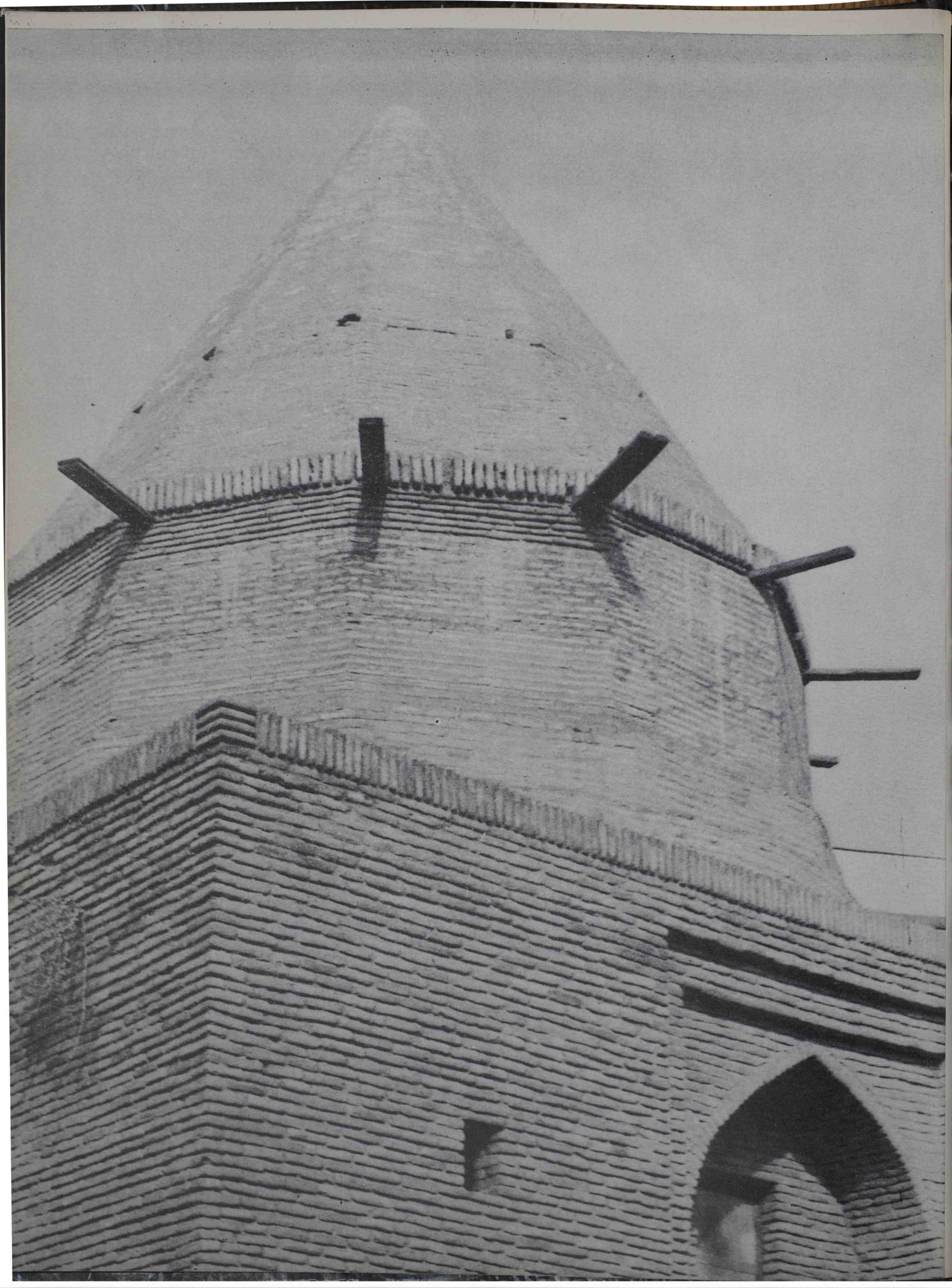
*2000-летию
Ташкента
посвящается*

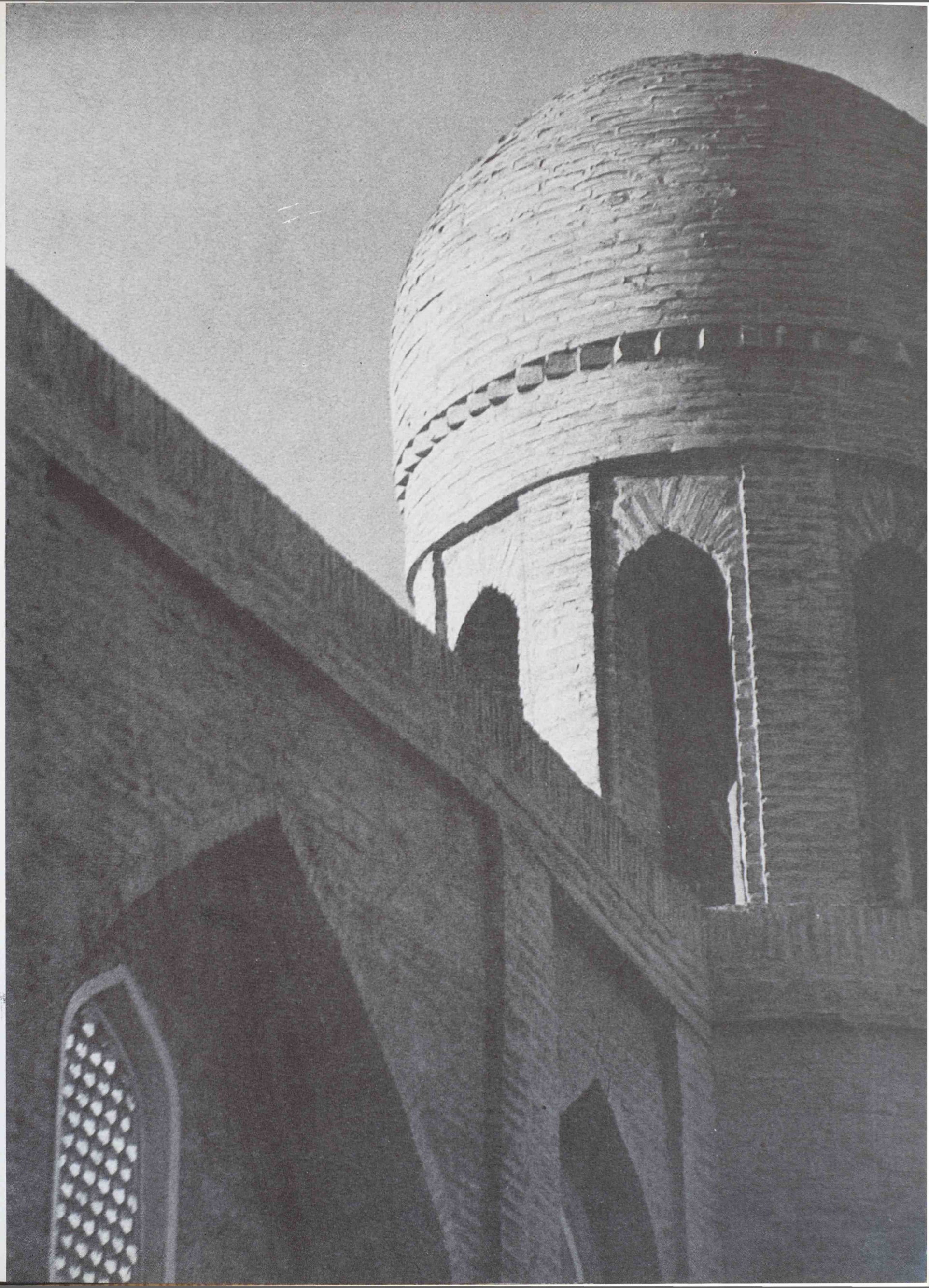

Выслушай несколько превосходных замечаний,
Послушай описание царства Ташкента,
Страны, прелесть которой повсеместно
Известна понимающим людям...
...Всякий, поселившийся в этой стране,
Больше не вспомнит о рае.
Умереть там — гораздо лучше,
Чем быть живым в другом мире.
Земля там такая, что сколько нужно
Туча милость на нее проливает.
Ветер пыль ее уносит на небо,
Чтобы ею лечили глаза ангелы...
...Вода ее такова, что вода жизни
Спряталась от стыда во мраке...

Зайнабдин Восифи. «Ода Ташкенту», XVI век.

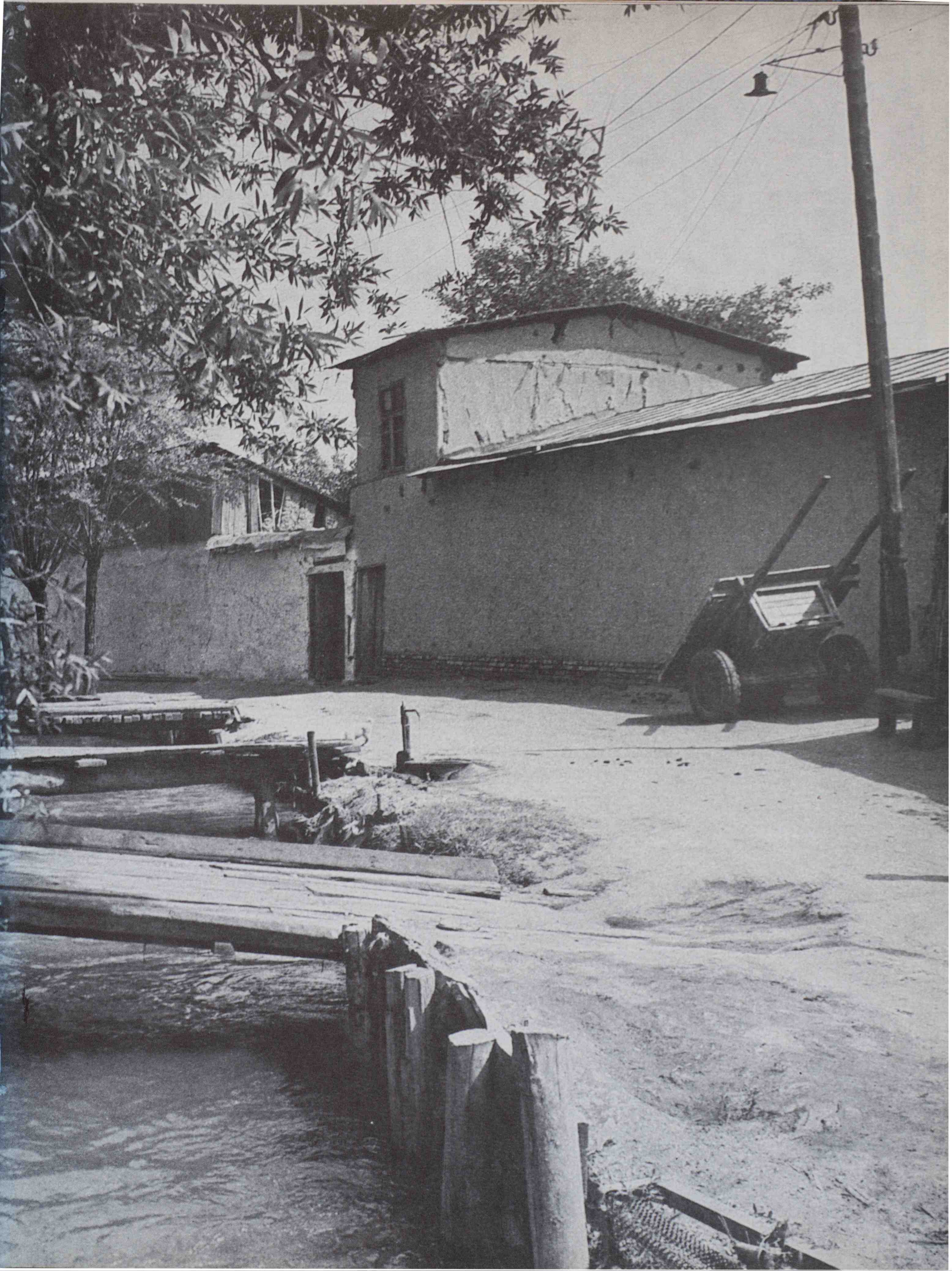

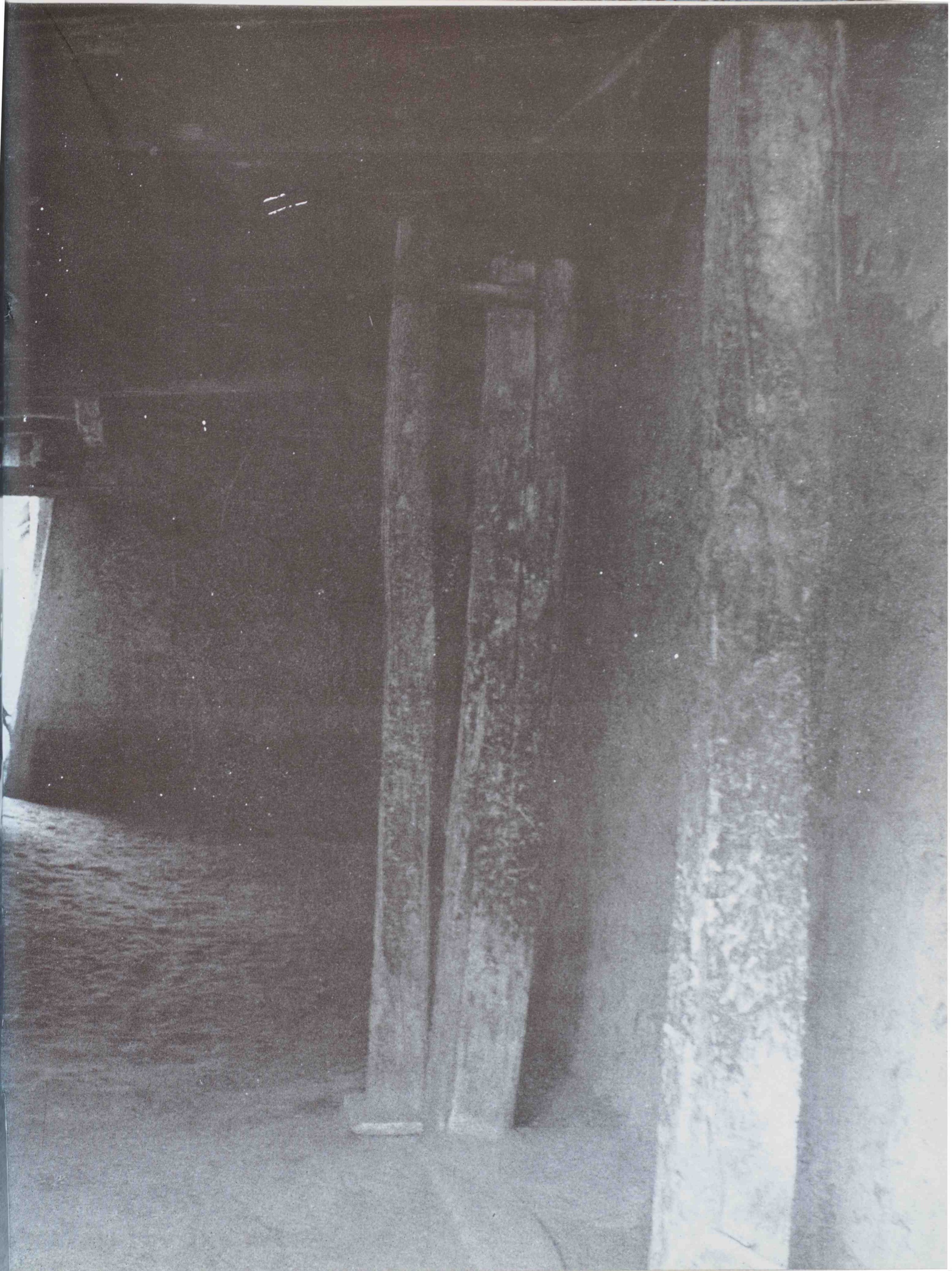

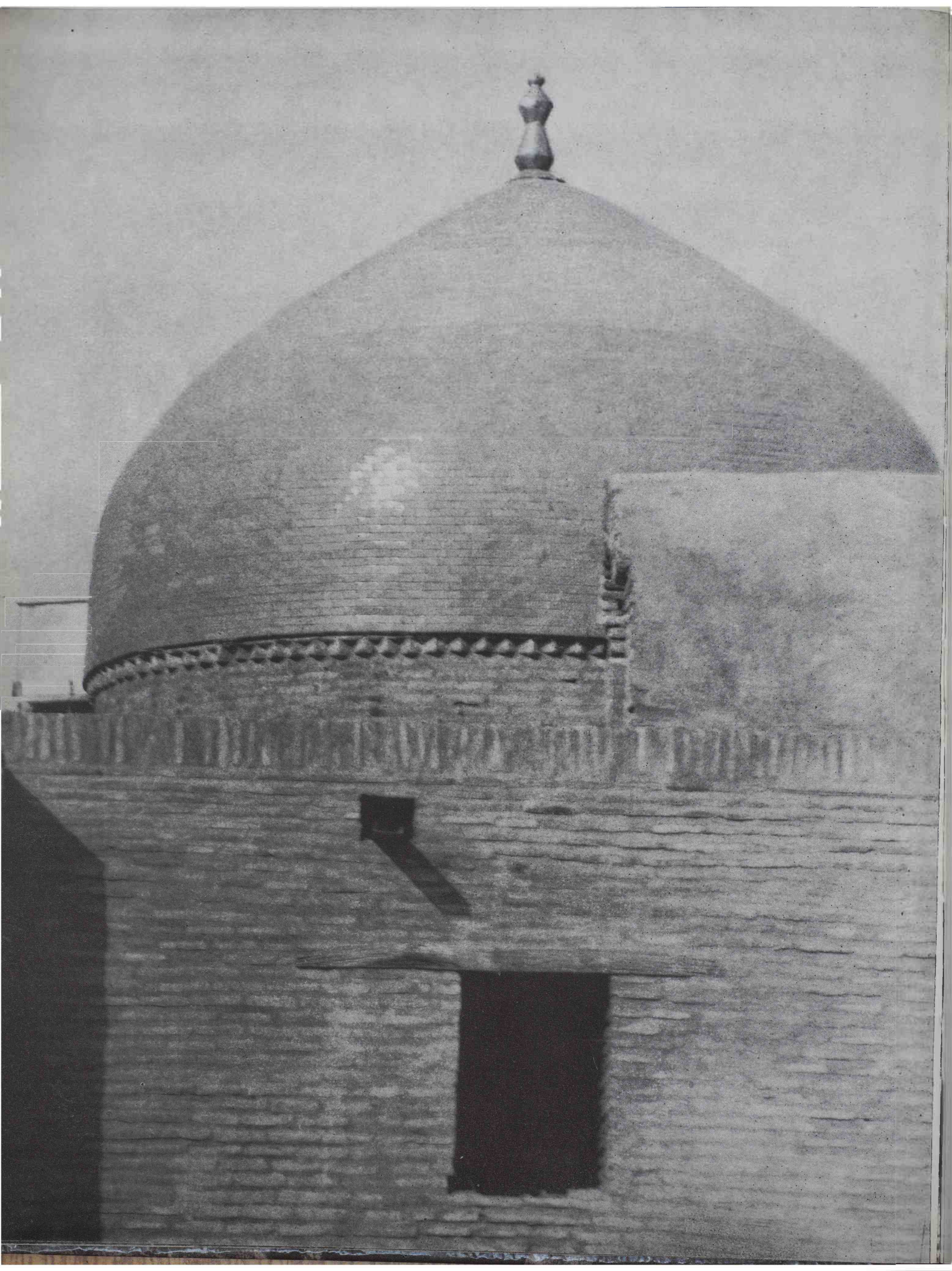

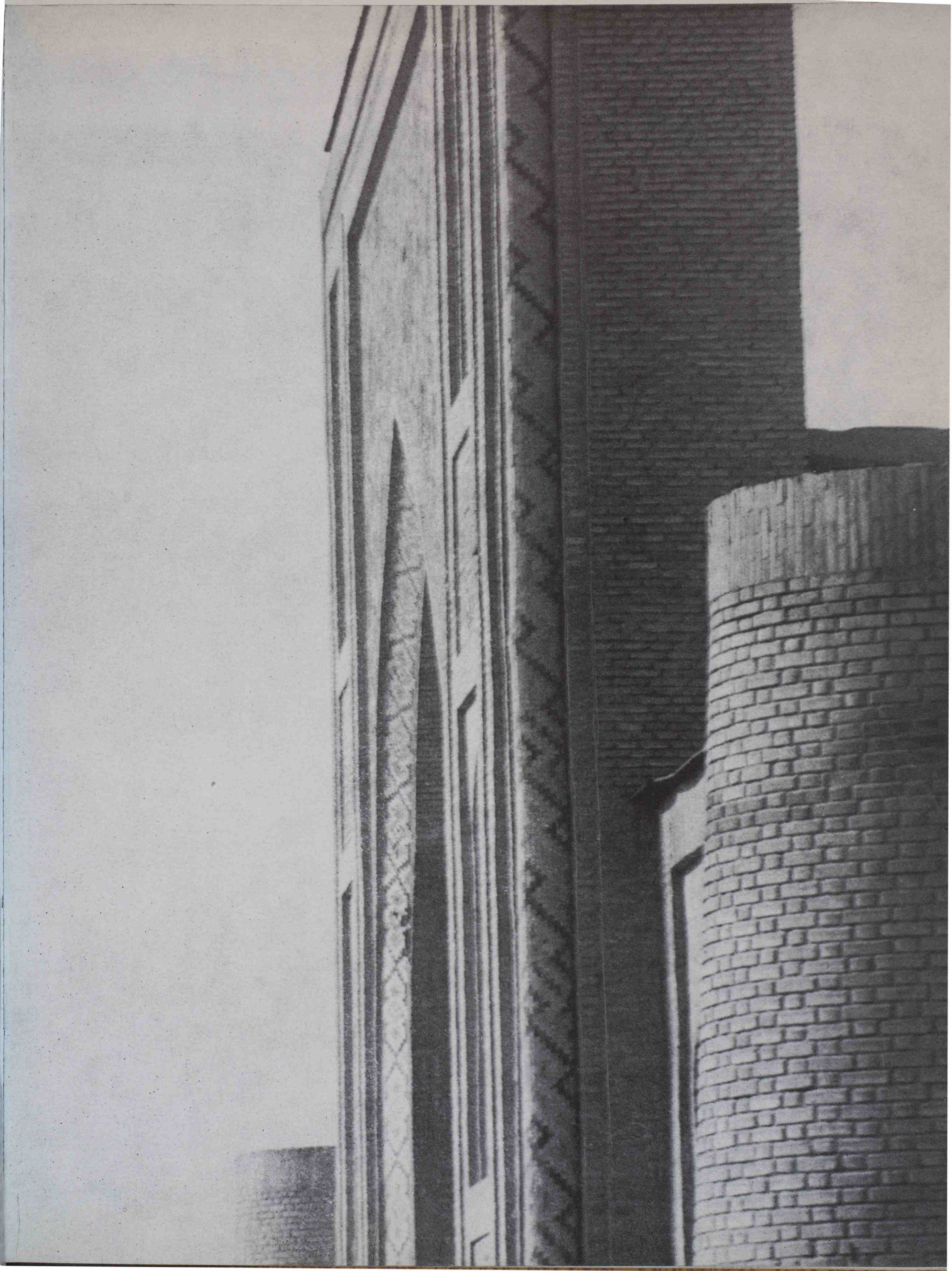

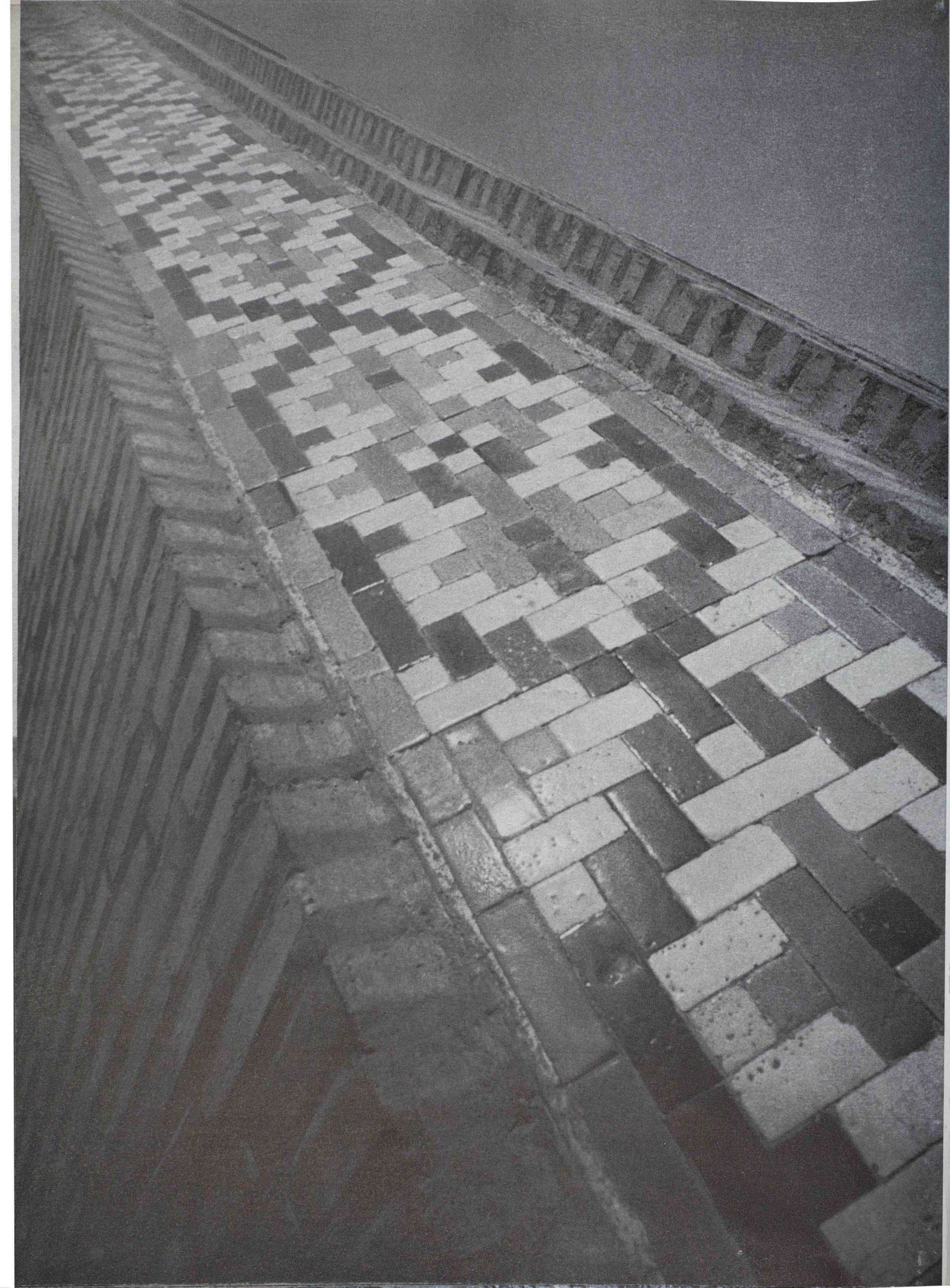

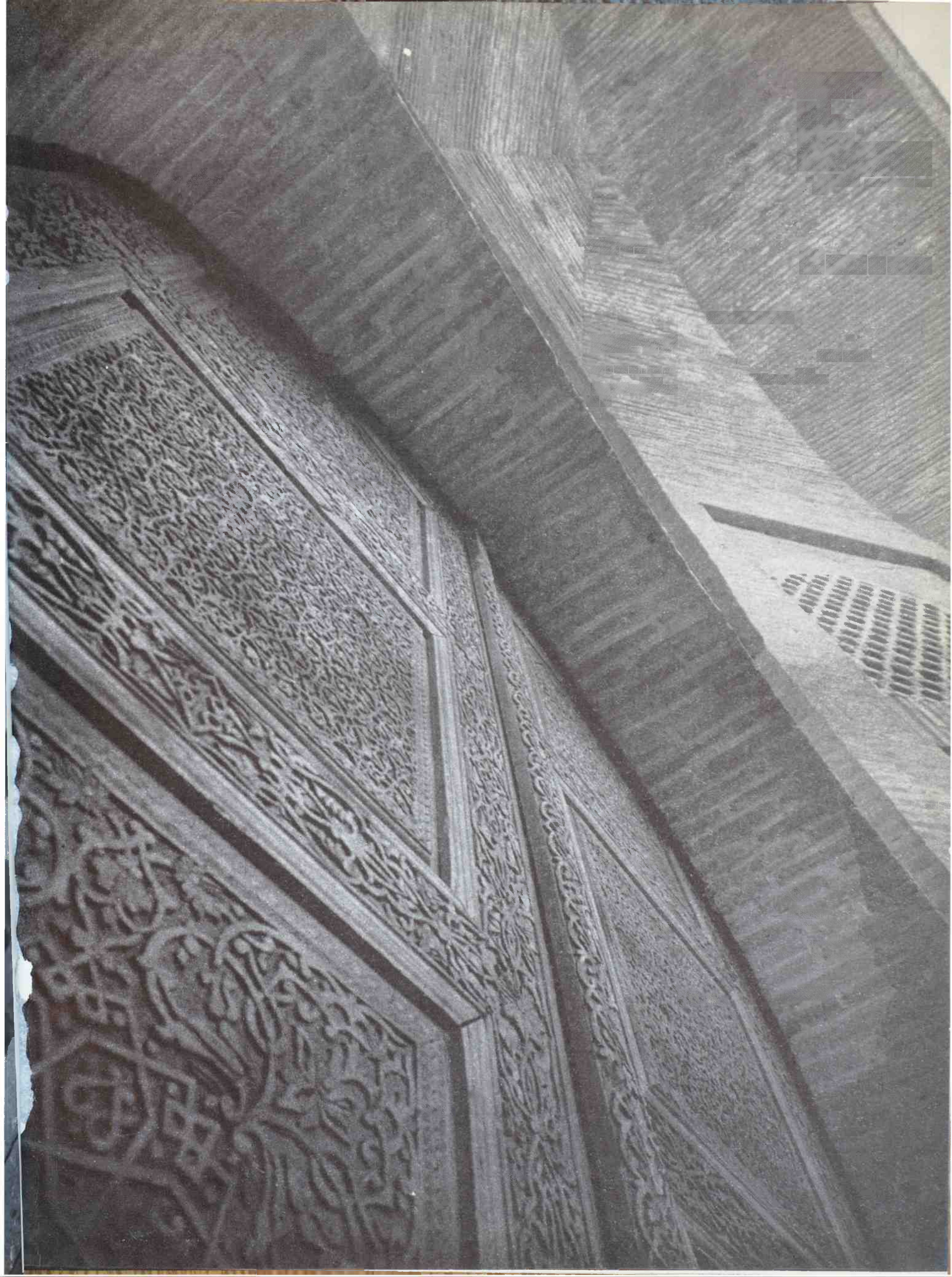

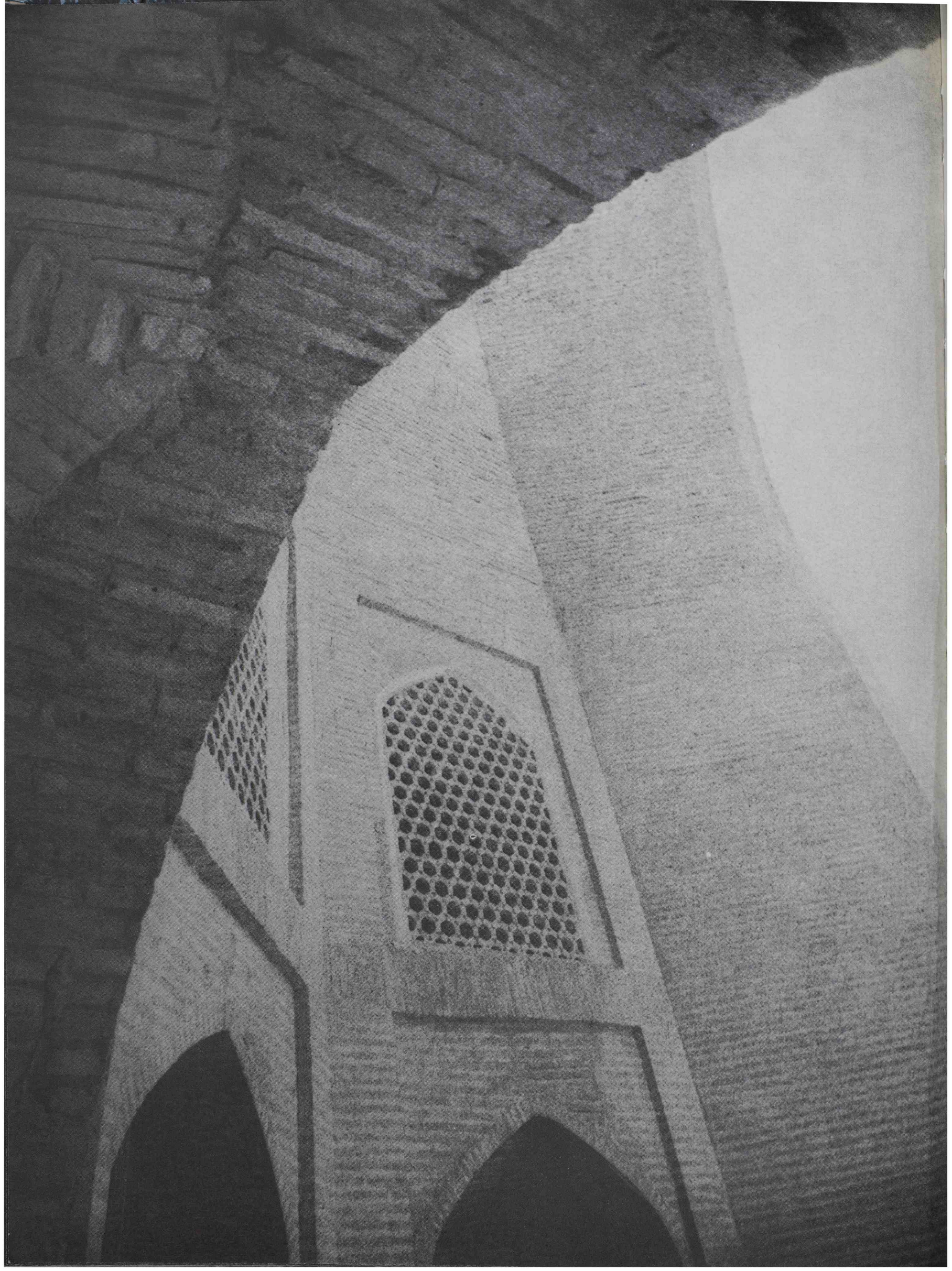

В. А. БУЛАТОВА, Л. Ю. МАНЬКОВСКАЯ

Памятники зодчества Ташкента

XIV—XIX вв.

КНИГА ПОДГОТОВЛЕНА ОБЩЕСТВОМ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА, ИНСТИТУТОМ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ ИМЕНИ ХАМЗЫ ХАКИМ-ЗАДЕ НИЯЗИ

Рекомендована Ученым советом Института искусствознания имени Хамзы
Хаким-заде Ниязи

Научный редактор — член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР,
доктор искусствоведения, профессор Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

Б—М $\frac{4900300000 - 105}{М 352(04) - 83}$ 187—83

© Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1983 г.

ВВЕДЕНИЕ

Столица Узбекистана Ташкент — самый крупный город Советской Средней Азии, маяк социализма на Востоке, как называли его в годы первых пятилеток. Последнее десятилетие выдвинуло Ташкент в число самых интересных городов мира; он стал лабораторией градостроительства после землетрясения 1966 г., одним из наиболее притягательных центров культуры и туризма в Средней Азии, местом проведения международных и всесоюзных форумов в разных отраслях деятельности. Гостей Ташкента знакомят с достопримечательностями города, отдавая особую дань памятникам архитектуры. Отношения к памятникам — показатель культуры общества. Все, что делается в этом отношении в столице Узбекистана, имеет широкий резонанс в других республиках и за рубежом.

Отношение к архитектурному наследию города менялось исторически, в зависимости от этапа, который переживало Советское государство. Сегодня оно должно рассматриваться с позиций всесоюзного закона об охране памятников, определяющего политику градостроительства в отношении исторических городов.

Что с этой точки зрения представляет собой наследие Ташкента?

Ташкент — древний город, которому пора отметить свое двухтысячелетие. Он входит в число исторических городов с особо ценным архитектурным наследием; здесь сохранились древнее планировочное ядро и интересные памятники архитектуры эпохи средневековья и позднефеодального времени, относящиеся к народному зодчеству.

Деятельность человека здесь впервые проявилась в эпоху бронзы (II—1 тысячелетие до н. э.): в IV—V вв. тут были центры земледельческих районов. На территории города разбросаны многочисленные тепе — археологические памятники на месте поселений и замков раннего средневековья. В IX—X вв. в районе Чорсу — Иски Джува образуется крупная торгово-ремесленная агломерация с базарами, кварталами ремесленников и кладбищами. Захоронения распространителей ислама стали основой более поздних монументальных архитектурных ансамблей. После упадка, последовавшего за нашествием монголов (начало XIII в.), город возродился в XIV в. как важная крепость на границе с кочевой степью. В эпоху Тимура и тимуридов (конец XIV—XV вв.) здесь были построены самые старые из сохранившихся памятников —

мавзолей в ансамблях Регистан, Шейхантаур, мечеть Джамии, мавзолей Калдыргач-бия, Юнус-хана и Зенги-ата.

Наиболее крупные памятники старины относятся к XVI в., периоду расцвета города (медресе Кукельдаш на Регистане, памятники ансамбля Хазрет Имам — медресе Барак-хана, мавзолей Суюнидж-хана и Каффаль Шаши). К тому времени сложилась планировка города. Вокруг шахристана и арка, по ходу караванных дорог, выросли тесно застроенные улицы, проходившие через два кольца городских стен (рабады дахиль и харидж — внутренний и наружный) и подводившие к воротам, названным по имени городов, к которым вела дорога. За воротами складывались кладбища, посвященные местным святыням. События истории запечатлены в названиях улиц и мест. В исторической топографии сложилась радиально-кольцевая планировочная структура старого города, как отзвук жизненных факторов — торговли и обороны.

Сеть городских магистралей пронизывала, подобно артериям, ткань города, его жилую застройку, имевшую внутреннюю структуру микрорайонов — махалля со своими общественными центрами. Бесконечные поиски средств защиты от землетрясений, жаркого, резко-континентального климата привели к находкам интереснейших типов жилья с крытыми двухсветными дворами, раздвижными ставнями (ровон) типа «кашгарча». Жилая застройка с плоскими крышами составляла органическую по масштабу, цвету и формам среду, в которой воспринимались памятники архитектуры. В 60-х годах XIX в., после присоединения Ташкента к России, рядом с феодальным исторически сложившимся городом выстроен новый, в традициях русского градостроительства, с иным составом и назначением зданий, присущими иной общественной формации — капитализму: доходные дома, банки, аптеки, гимназии, военные училища, цирк, городская дума, вокзал... Архитектура этого периода отмечена единством «кирпичного» стиля во всех городах Средней Азии.

На основе этого двухчастного города стал развиваться в 1920—1930 годах социалистический Ташкент, столица крупнейшей среднеазиатской республики. Улицы его пополнили здания, порожденные задачами нового общества. В них — все этапы и поиски собственного стиля, которые прошла советская архитектура: конструктивизма, попыток решать новые темы в формах феодальной архитектуры и более осознанного подхода к созданию своеобразного облика южного восточного города в предвоенном и послевоенном строительстве 40—50-х годов. Качественно новым этапом в жизни города был переход к массовым индустриальным методам строительства в конце 50—60-х годов. Город стал расти вширь, появились крупные жилые образования. А центр и старый город подверглись коренной реконструкции лишь после землетрясения 1966 года. Памятники архитектуры, еще мало изученные (и не всегда по достоинству оцененные), входят в современные ансамбли. Ташкент решает, таким образом, одну из острейших проблем современной архитектуры — сочетания седой и уважаемой старины с молодым, новым городом. Город без прошлого, как и человек без прошлого, — неинтересен. Остатки материальной культуры, топонимика города (названия местностей, связанные с историческими событиями), его историческая топография позволяют «озвучить» новый город романтикой его многовекового существования.

Архитектурное наследие Узбекистана составляет национальную гордость республики. Это богатейшее хранилище памятников, каменная летопись судеб народов Средней Азии и Казахстана. Статья 68 Конституции СССР провозглашает охрану памятников долгом каждого советского гражданина. Всесоюзный Закон об охране памятников истории и культуры народов СССР, принятый Верховным Советом СССР в 1976 году, и согласованное с ним зако-

подательство союзных республик — объявляют все памятники старины всенародным достоянием, находящимся под охраной и заботой государства.

Общество охраны памятников истории и культуры Узбекской ССР развернуло широкую пропаганду памятников добиваясь, чтобы каждый школьник, подобно ленинградским, мог провести экскурсию по городу. Архитекторы, археологи, историки, искусствоведы, студенты вузов, специалисты проектных и научно-исследовательских институтов, музеев, художественных училищ, сосредоточенных в Ташкенте, связаны с архитектурным наследием, важной проблемой современного проектирования — проблемой сочетания исторической и современной частей города.

Внимание к памятникам Ташкента все глубже и значительнее. Это выдвигает очень актуальную задачу: всемерно усиливать научно-популярную пропаганду. Ведь до сих пор нет ни одного издания, посвященного средневековому зодчеству Ташкента, в то время как архитектура современного социалистического города уже нашла монографическое освещение и оценку в литературе.

Авторы предлагаемой читателям книги стремятся восполнить пробел, публикуя первую сводку известных сведений по истории древнего и средневекового города и его памятников, определить место архитектурного наследия Ташкента в истории зодчества Средней Азии.

Памятники, о которых идет речь в книге, отнюдь не исчерпывают всего наследия. Это наиболее значительные творения зодчих, охраняемые государством; республиканского или местного значения. Включено и несколько примечательных объектов, расположенных на территории Ташкентской области, тяготеющих по архитектурным концепциям к ташкентской школе зодчества.

Историко-топографический очерк Ташкента написан бывшим начальником Ташкентского археологического отряда Института археологии Академии наук Узбекистана, кандидатом исторических наук В. А. Булатовой по результатам раскопок, широко развернувшихся в связи со строительством на территории старого города после землетрясения 1966 года. Введение и историко-архитектурная глава, посвященная оценке места ташкентских памятников в истории зодчества Средней Азии, подробное описание каждого памятника принадлежат перу архитектора, доктора искусствоведения Л. Ю. Маньковской, много лет посвятившей обследованию и изучению их.

Авторы благодарят за содействие Главное научно-производственное управление памятников Министерства культуры Узбекской ССР, Общество охраны памятников истории и культуры Узбекистана, в содружестве с которыми написана эта книга.

...И среди областей, которые находятся на территории Туркестана, нет ни одной области более значительной, чем Чач. (В ней) имеются обширные постройки и в большом количестве; в каждом дворце проточная вода и зелень. Все строения из глины. Главный город этой области называют Бинкет...

...Бинкет... имеет кухендиз за пределами шахристана; стены кухендиза и шахристана переходят одна в другую. (В городе) имеется рабад, и у рабада есть стена, а вне ее — другой рабад, в нем бустаны и дворцы. И этот рабад также обнесен стеной. У кухендиза двое ворот, одни в сторону рабада, а другие — в сторону шахристана. Вокруг шахристана тянется городской вал, и в нем трое ворот.

...В первом рабаде — 10 ворот... и в наружном рабаде находится семь ворот.

...Дворец эмира и тюрьма находятся в кухендизе, и пятничная мечеть расположена у стены кухендиза. Во внутреннем шахристане есть небольшой базар, а большие базары помещаются в рабаде.

Длина города, (считая) от третьей наружной стены через весь город вплоть до наружной стены, — один фарсанг.

Истахри. Китаб масалик ал-мамалик. X век (45).

ИСТОРИЯ ГОРОДА

Город является первой ступенью совершенного общества и находится на определенной части той местности, которую населяет тот или иной народ.

Фараби (IX в.)

Уже давно сказано, что город необходимо изучать не только по письменным источникам, но и привлекая всю совокупность его материальных проявлений прежде всего (121, с.3). Археологические изыскания дали ученым большой материал. Комплексный метод применялся и при изучении Ташкента.

Скудные данные письменных источников (11, с. 228) пополнялись археологическими, историко-топографическими, нумизматическими и топонимическими материалами многие годы, что позволило наметить общие контуры развития города, а затем уточнить его историческую топографию, определить динамику развития селитебного пятна и тяготеющих к нему поселений, уточнить периоды его расцвета и спада и общую хронологию (4; 18; 19; 20; 21; 37; 37а; 61; 62; 65; 76; 77; 78; 78а; 100; 108а; 115).

Ташкент — современная столица Узбекской ССР — расположен в Чирчик-Ангренской долине на равнинной местности. Система каналов Салар, Каракамыш, Чаули, Бурджар и Нижнее Бозсу — обеспечивает его стабильное орошение. Западная часть современного города, отделенная от восточной каналом Анхор, текущим с северо-востока на юго-запад, расположена в зоне каналов Каракамыш — Нижнее Бозсу и имеет общее падение рельефа к западу от Анхора. Ирригационная сеть представлена системой оросительных каналов: Калькауз, Кукча, Анхор, Шахар, Танышахар и сбросов: Лабзак, Чорсу, Чукурсай, Жангоб и других.

Плодородные лессовые почвы долины и обилие воды, близость гор Ангрена и Илака с их полезными ископаемыми (железо, серебро, свинец, бирюза и другие) способствовали раннему заселению оазиса Чач (долина реки Чирчик). Древний культурный субстрат, предшествующий образованию развитых городских агломераций на территории собственно города, достаточно активен.

Обращаясь к историко-топографической карте Ташкента, мы увидим названия Афрасиаб и Чильдухторан-тепе, Зах и Калькауз (Кейкавус), уводящие нас к сюжетам древнего эпоса. Эти объекты дали археологические материалы, которые позволяют с полной убежденностью говорить об освоении какой-то части территории собственно Ташкента уже в эпоху поздней бронзы. Чильдухторан-тепе таил в себе захоронения этого времени, сопровождавшиеся некоторым погребальным инвентарем (37, с. 5). Холмы

Алтын-тепе, исследовавшиеся еще до революции членами Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА), оказались некрополем I в. н. э. с большим количеством оссуариев и бытовой керамики, характерной для этого времени (100, с. 5—9; 7, с. 154—171). На южной окраине современного Ташкента есть городище Шаш-тепе, исследовавшееся много раз в течение столетия. Раскопки 1980—1982 гг. дали возможность выявить три этапа его жизни, начиная с VI—IV вв. до н. э. и до II—I вв. до н. э. Это первое наиболее раннее урбанизированное поселение на территории Большого Ташкента (108а, гл. III, с. 91, 93, 122, 124)*.

Древнейшее упоминание о городе в долине Чирчика содержится в исторических записках и относится ко II—началу I вв. до н. э. Ранее допускалось, что этот город располагается где-то на территории Ташкента, однако археологическими работами последних лет на территории Минг-Урюка не выявлено каких-либо признаков слоев или даже отдельных находок такого времени.

Археологические работы, проведенные в последние годы, были столь обширны, что позволили достаточно уверенно сделать выводы и обобщения об истории сложения города и его исторической топографии. Оказалось, что предлагавшаяся ранее локализация раннесредневековой столицы Чача на месте «старого Ташкента» (территория Октябрьского района) (12, с. 195; 37, с. 84), не подтверждается археологическими исследованиями, которые свидетельствуют, что самые ранние культурные наслоения здесь датируются IX—X вв. (37, с. 14).

Однако исследования территории «большого Ташкента» выявили материалы, позволяющие судить о большой древности культурного субстрата, подготовившего почву к развитию городской культуры в бассейне Салара — Бозсу.

Чач с его городами и селениями находился на краю земледельческого оазиса и граничил с бескрайними степными просторами. Экономические, политические и культурные контакты кочевых скотоводов и оседлых земледельцев были естественны и необходимы. Направление ремесленного производства городов оазиса диктовалось во многом не только собственными запросами, но и потребностями скотоводов степи. Развитие городов стимулировалось торговым обменом, отсюда и интенсивная урбанизация Чача. Города были центрами ремесла, торговли и культуры, а в случае опасности становились убежищем для жителей самого города и его округа. Крепкие стены и башни были достаточной защитой при набегах врага.

О планировке города этого времени на территории Ташкента, где все исследования и находки фрагментарны, мы можем судить по аналогии с другими городами Чача и Илака того времени, которым присущ прямоугольный план (Ханабад, Канка, Улькантой-тюбе, Имлак). Цитадель этих городищ находится или в углу или в середине продольной стены и заключена также в прямоугольник стен.

На территории собственно Ташкента много раннесредневековых городков (Минг-Урюк, Кугаит-тепе, Ханабад, Ак-ата в Юнус-абаде), поселений (Чач-тепе, Фазыл-тепе, Тешик-купрюк-тепе, Ак-тепе Сагбанское, Ак-тепе у Абразивного завода), замков (Буг-тепе, Ак-тепе Чиланзарское, Ак-тепе на арыке Кукча). Облик памятников этой поры достаточно красноречиво свидетельствует об активном освоении территории города.

В нижних слоях городища Минг-Урюк (он же Афрасиаб), расположенного в привокзальной части современного города, были обнаружены культурные остатки III—IV вв.** (20, с. 142). Это городище, как показали исследования (78 а, с. 42, 43, рис. 24, с. 49, рис. 26, с. III, рис. 53), сложилось в виде поселения при замке в IV—V вв. и развивалось как довольно крупный город с ци-

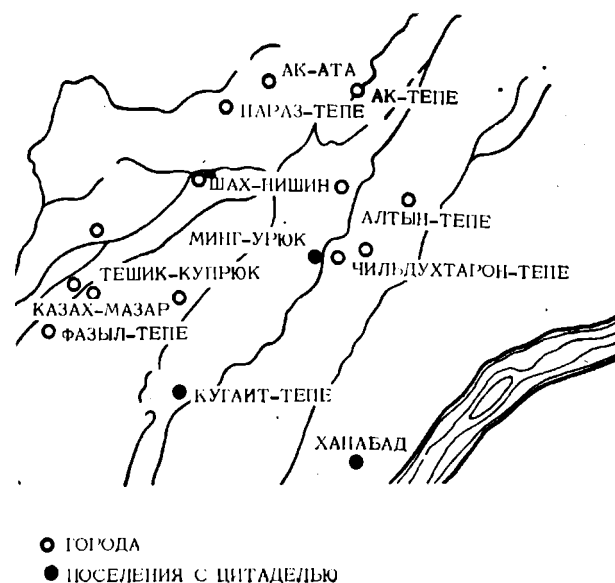

Схема расположения тепе доарабского времени.

* По данному вопросу см. следующую литературу: Буряков Ю., Филанович М. Становление городской культуры и этапы ее развития на территории Ташкента. ОНУ, № 3, Ташкент, 1979; Филанович М. И. Археологические комплексы Шаш-тепа в Ташкенте и вопросы периодизации ранних этапов развития оседлоземледельческой культуры Чача. «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (тезисы). Ташкент, 1979; Аскарлов А. А., Филанович М. И. Новые данные о зарождении городской культуры на территории Ташкента. ОНУ, № 6, Ташкент, 1980; Филанович М. Тетюхин Г. В., Касимов М. Р. Истоки древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982. Последней работой (108а) мы воспользовались в своей исторической справке, поскольку она является итоговой.

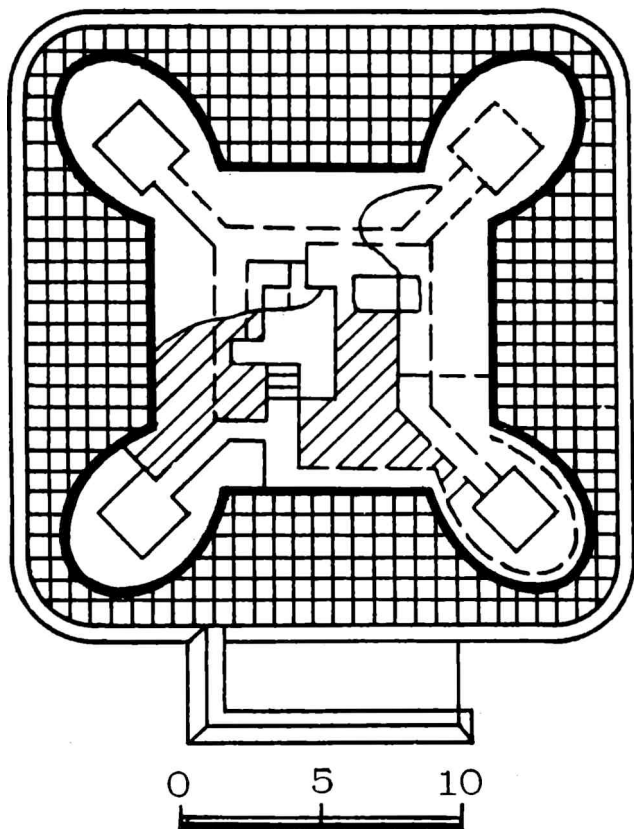
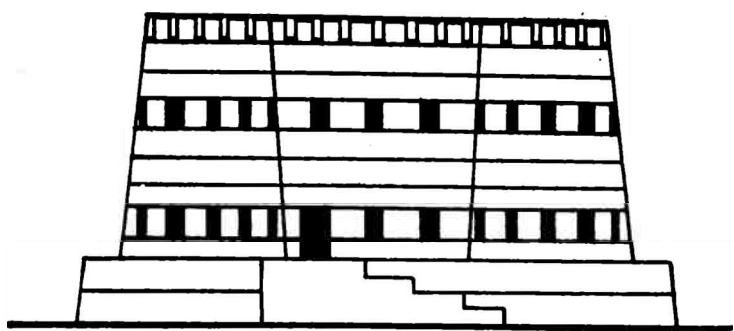
** К настоящему моменту есть также некоторые основания отнести начальную дату Минг-Урюка к I в. н. э.—Ред.

таделью в VI—VII вв. (48, с. 34—35; 37а, с. 44—71). Несомненно, наличие мощной крепостной стены V в. и подстилающих культурных наслоений конца III—V вв.

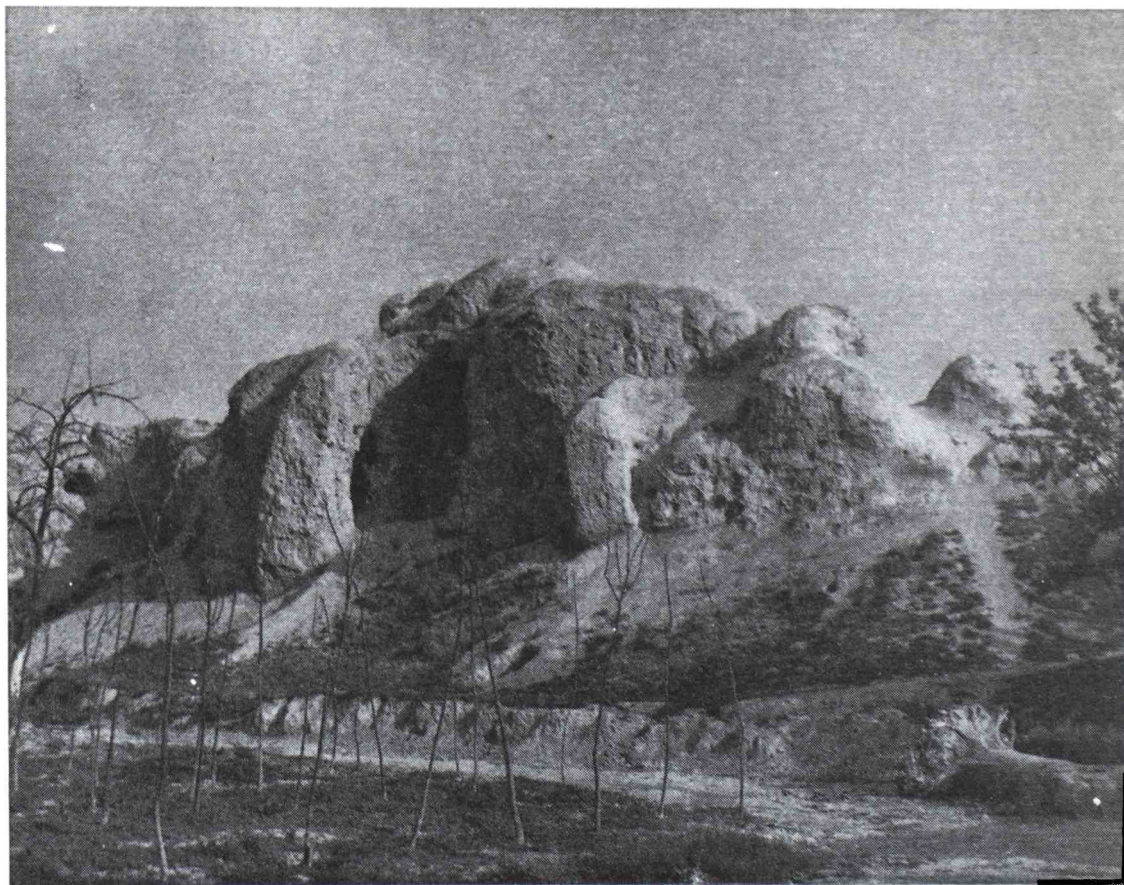
В цитадели Минг-Урюк жил правитель и там же было культовое помещение (119, с. 32; 37а, с. 68). К юго-востоку от цитадели развивался собственно город (шахристан) с плотной застройкой. На его территории обнаружены следы ремесла VI—VII вв. — гончарного и металлообрабатывающего (43, с. 34—35; 37а, с. 44—71). Границы города примерно совпадали с контурами городища, зафиксированного на плане 1870 года. Как и многие города этого периода, он жил интенсивной жизнью, будучи центром ремесленного производства и торговли. Соседние земли составляли сельскохозяйственную округу, где трудились помимо земледельцев и горожане. В пределах стен жили не только городская знать, но и ремесленники, купцы. Жилье, торговые лавки и мастерские представляли одно целое, только узкие улочки разделяли массивы кварталов, в которые вкрапливались открытые пространства с храмами. Таким образом, городище Минг-Урюк можно рассматривать как довольно крупный феодальный город VI—VII вв.

Политическое положение Чача было достаточно устойчивым. Его представители, наряду с послами и торговыми гостями других областей, едут ко двору согдийского правителя, что отражено в настенной живописи дворца на Афрасиабе (Самарканд). А последний направляет своих послов в Чач с дипломатическими миссиями (63, с. 92). В пору арабского завоевания (VIII в.) в анти-арабской коалиции Чач выступает наравне с Согдом и Ферганой. Дружины его золотопопых рыцарей самоотверженно встали против захватчиков.

Оазис Чача сильно пострадал от неоднократных нашествий. Арабы, стремясь сломить непокорных жителей, разоряли селения, разрушали ирригационную систему, оставляя после себя дымящиеся пенелища. Захирел и Минг-Урюк, оставаясь в руинах вплоть до X—XI вв., когда он возрождается, но уже в меньших размерах и на недолгое время; окончательно гибнет он в начале XIII в. при хорезм-шахе Мухаммеде, еще до нашествия монголов. В период недолгого возрождения Минг-Урюк существовал как рядовое поселение Чача.

Замок Ак-тепе Чиланзарское. План, фасад.

Замок Ак-тепе. Общий вид.

Культурное освоение территории послеарабского города, начавшееся в зоне Салара, расширилось на запад к водной системе Бозсу. На этих вновь освоенных площадях в конце IX—X вв. возник ряд городских ремесленных поселений. Они известны сейчас как тепе Шаар-Нишан, Кухча, Калляхона, Танышахар (Танхшахар, т. е. отдельный город. — В. Б.), Сибзарское Шаш-тепе, расположившиеся на холмах среди естественных источников. Интенсивная урбанизация Чачского оазиса была естественным следствием общего подъема экономики Средней Азии, когда ремесло, сельское хозяйство и торговля достигли небывалого до того расцвета.

В этот период арабские источники (Истахри, Макдиси) красноречиво описывают столицу оазиса Бинкет, как самый большой его город.

Вот что пишет Истахри (X в.) об оазисе и его городах:

«Чач и Илак. Площадь обеих областей — два дня пути на три дня пути. И во всем Мавераннахре* нет области, равной по населенности и застроенности. Одной границей (эта область) доходит до долины (реки) Чач, (в том месте), где она впадает в Хорезмийское море; другая граница тянется до железных рудников у пределов Сафиджаба; и еще одна граница — до тех самых гор, которые (соприкасаются) с областями Чач. И (еще одна граница) распространяется до Вингерда христиан. И все эти земли представляют собой равнину. И среди всех областей, которые находятся на территории Туркестана, нет ни одной области, более значительной, чем Чач... Главный город этой области называют Бинкет, а другие города такие: Денфангкет, Джинанджкет, Неджакет, Бенакет, Харашкет, Ашбингу, Арделанкет, Худейнкет, Кенкерак, Келенджик, Гардженд, Ганнадж, Джебузан, Вердук, Кеберна, Гандранек, Нуджкет, Газак, Андукет, Багумкет, Беркут, Хатункет, Джигукет (Джабгукет), Фаранкет, Кедак, Некалик. Это все города Чача.

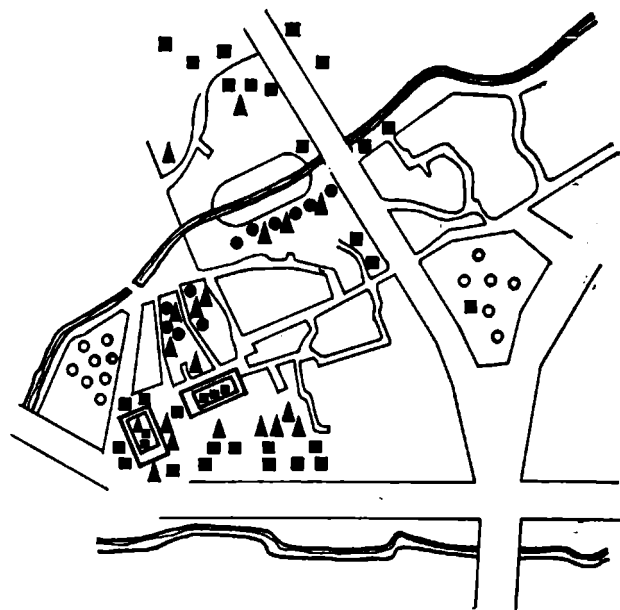
...И протянута великая стена от горы, которую называют Сафлаг, до долины Чача: она образует преграду перед Туркестаном, чтобы нельзя было (оттуда) проникнуть. Эту стену приказал построить Абдаллах ибн Хамид. И если и эту ограду миновать, то перед стеной вырыт огромный ров (который тянется) от горы до долины, по всей протяженности стены. От горы до рва — один фарсанг.

Есть еще одна река, эту реку называют Барак (Парак — Чирчик. — В. Б.). Она берет свое начало из Бискама (Пскем) и частью из области Чакал (Чаткал. — В. Б.) и, когда достигает города Неджакета, впадает в долину Чача.

Бинкет больше всех городов Чача. Такие города, как Харашкет, Сутуркет (Шутуркет) и остальные города Чача, меньше его» (45, с. 28—29).

Это описание относится к началу X века, когда область Чача уже оправилась от последствий арабского нашествия (54, с. 197). Описание Бинкета, которое имеется в источниках, конечно, не может дать точного представления о его планировке. По Макдиси и ибн Хаукалю, город был окружен двумя рядами стен (имеются в виду территории внутреннего и внешнего рабадов). Во внешней стене было семь ворот, во внутренней — десять. Шахристан и цитадель были обнесены стенами. В шахристане было двое ворот: одни — в шахристан, другие — в рабад. Дворец и тюрьма размещались в цитадели, соборная мечеть — рядом с цитаделью. Базары по преимуществу были в рабаде (11, с. 228).

В историко-топографическом плане интересны некоторые названия ворот рабада — ворота Эмира, ворота улицы Хакана и ворота замка Дихкана, которые указывают на расположение близ ворот кварталов с дворцами эмира и замками дехкан — знатных вельмож. Особенно любопытно название — ворота Степной улицы, которые, очевидно, если в те степные просторы, граничившие

- НАХОДКИ X ВЕКА
- ▲ НАХОДКИ XI-XII ВВ.
- НАХОДКИ XV ВЕКА
- НАХОДКИ XIX ВЕКА

Схема распределения археологического материала на территории Кухча-шахар и Иски Джува.

* Мавераннахром (Междуречье) арабы называли область между Амударьей и Сырдарьей.

с оазисом Шаша, которые были и основой благосостояния и причиной беспокойств.

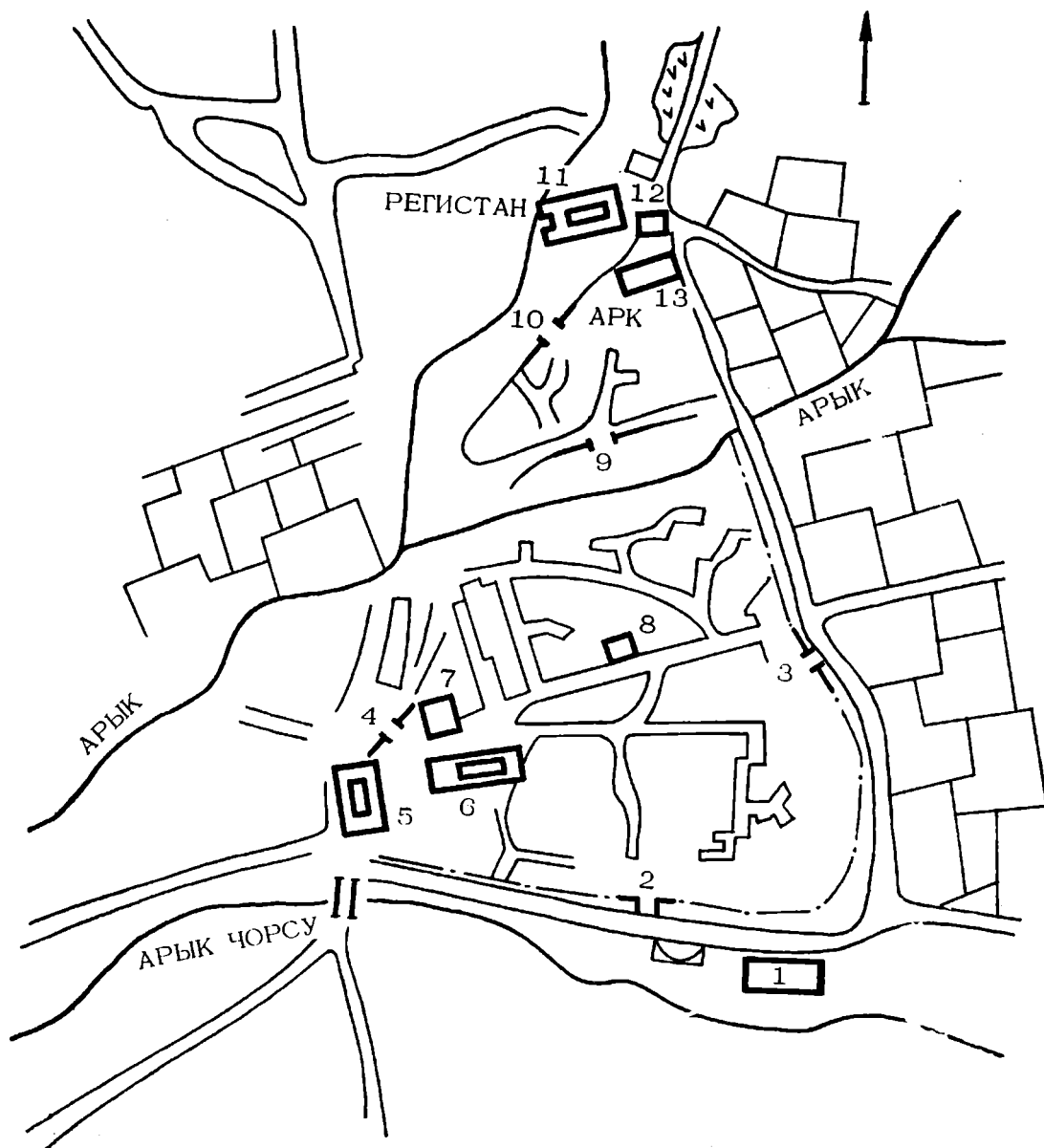
Есть прямое указание на обилие ирригационных каналов, протекавших через город (шахристан и рабады) (1, с. 23).

Размеры (города), сообщенные Ибн Хаукалем, исчислены в один фарсах (6 км) по каждой стороне, что составляет 3600 гектаров (1, с. 23; 45, с. 29). Очевидно, в пределы «фарсах на фарсах» включены и сельские угодья, загородные дворцы и некрополи окрест города, что давало право на обложение налогами и учет других доходов в этих условных границах. Такие условные размеры были возможны, видимо, для каждого более или менее значительного города, потому что в источниках это определение встречается довольно часто (11). Так, например, в бухарском трактате XVIII в. размеры рабада Бухары определяются в один фарсанг: «Что касается садра, то он ведет учет и проверку вакфов, находящихся внутри рабада Священной Бухары (на пространстве) до одного ф а р с а н г а (подчеркнуто мною. — В. Б.). Судур же ведет учет и контроль вакфов, находящихся в н е с е г о» (96, с. 141). Надо полагать, что это какие-то отголоски давно сложившихся порядков налогового обложения, диктовавшие и размеры облагаемых территорий.

Раскопки на территории шахристана Ташкента в разных местах дали остатки жилых построек, своеобразную керамику ташкентской керамической школы, изящные изделия из стекла, железные изделия, керамические кабуры для водоснабжения и отвода сточных вод, монетные находки.

Чач-Илакский оазис в X—XI вв. был в зените могущества, произведения его ремесленников снабжали не только кочевую степь,

Ансамбль Регистан. Генплан: 1 — календархона, 2 — место кешских ворот, 3 — место восточных ворот мадины, 4 — место западных ворот мадины, 5 — медресе Кукельдаш, 6 — мечеть Джамп, 7 — медресе Ходжа Ахрара, 8 — мечеть Гульбазар, 9 — место шахристанских ворот арка, 10 — место рабадских ворот арка, 11 — медресе Бекляр-бека, 12 — Хатун-мечеть, 13 — джувахона.

но ценились и в других областях Мавераннахра. Макдиси сообщает, что из Шаха вывозили седла, колчаны, прекрасные луки, палатки, плащи, ножницы, иголки, молитвенные коврики, наплечники, хлебное зерно, хлопчатобумажные ткани... Славу Шаху составила его посуда (11, с. 228).

Первые известные науке монеты чекана Бинкета связаны с именем саманидских правителей Согда-Нуха и Ахмада ибн Асада и правителя Шаха Яхьи ибн Асада*. Самый ранний из них датируется в пределах 819—841 гг. (122, с. 104; 30, с. 38; 94, с. 30—31; 108а, с. 192—194).

Название Бинкет из арабских источников, видимо, сосуществует со старым названием столицы Чача — Ташкент. Очевидно, и местное население и тюрки в обиходе употребляли это название, привычное для них издавна.

В дорожниках, иногда на монетах и в официальных документах мы видим Бинкет. Бируни (973—1048), говоря о Бинкете, отмечает и традиционное наименование города: «Разве ты не видишь, что «Шах» взято из названия этого города на тюркском языке, а именно: «Таш-канд...» (13, с. 271).

Сосуществование в топонимике тюркских и согдийских терминов отмечается в названиях ворот и улиц Бинкета, на что обратил внимание еще Н. Г. Маллицкий (11, с. 228; 66, с. 161—162).

Махмуд Кашгарский (вторая половина XI в.), отмечая процесс ассимиляции в среде согдийских колонистов, пишет, что людей, которые говорили бы только по-согдийски, не было (46, с. 348). Это явление правомерно не только для согдийских колоний в разных частях Средней Азии и Восточном Туркестане, но и для такой области, как Чач, которая издавна была в контакте с тюрками. Взаимопроникновение культур было постоянным, и это отмечается не только лингвистами, но и археологами.

Саманиды — правители Чача, Ферганы, Самарканда, Исфиджаба, — хоть и были жалованными владетелями, всячески старались обеспечить политическую и экономическую независимость от сюзерена — главы династии. Это вызывало противодействие центральной власти, но безуспешно, так как процесс феодализации шел неотвратимо. Могущество саманидского государства достигло своей кульминации при Исмаиле ибн Ахмеде (874—907 гг.), который покончил с внутренними распрями, укрепил внешнеполитическое положение государства. Его зависимость от халифата стала номинальной. Однако сепаратистские тенденции феодалов усиливались, распри и мятежи охватывали все большие территории. Начались финансовые затруднения, народные восстания. На ослабевшее государство стали нападать тюрки-караханиды. К этому времени Бинкет уже утратил свое главенствующее положение, и на какой-то период оно перешло к Бенакету (8а, с. 501). Феодальные усобицы ослабили государство, и в его пределы вторгаются сначала сельджукиды, а затем каракитаи, которые в 1140 году разбивают сельджукско-караханидскую коалицию, и караханиды становятся вассалами каракитаев.

В XII в. возвышается Хорезм и становится силой, противостоящей халифату. Мухаммед хорезмшах с помощью монгольского племени найманов вытесняет каракитаев из Мавераннахра и уничтожает династию караханидов. Чтобы развязать руки для похода на Иран и Афганистан, он хотел обезвредить Кучлука-хана найманов, для чего оставил в его руках восточную часть империи каракитаев и отказался от владений на правобережье Сырдарьи, прежде опустошив их.

Обратимся к свидетельству Ибн-аль-Асира: «...Хорезмшах... приказал жителям Шаха, Ферганы, Исфиджаба, Касана и других городов вокруг них — более здоровых и более процветающих (городов) в этом мире не было — выселиться из них и присоединиться к мусульманским областям, затем он их (города) все разрушил

* Известны монеты правителя Чача Яхьи ибн Асада (умер в 856 г.) После него правителем Чача был назначен Якуб ибн Ахмед, который правил более 30 лет и тоже чеканил монету от своего имени.

из страха, что татары (т. е. найманы) завладеют ими» (10, с. 55; 44, с. 75—76). Эта акция хорезмшаха, произведенная в 1209—1210 гг., привела к окончательной гибели Бинкета.

Если сделать скидку на некоторую пристрастность Ибн-аль-Асира, все равно историческая судьба Чача была в этот период нелегкой. Даже беглый перечень политических событий, который заполнили период правления караханидов и хорезмшахов, показывает, что для Чача они не были благоприятны и не способствовали процветанию. Из-за своего географического положения он, в первую очередь, страдал от набегов каракитаев, караханидов. Через него транзитом шли войска, на его территории происходили стычки, его облагали поборами и свои владетели, и вражеские военачальники. Земледельческий оазис наводнили тюрки-кочевники, что привело к запустению пашен и садов, к разрушению ирригации — упадку сельского хозяйства.

Города Чача и Илака, процветавшие в IX—XI вв., во второй половине XII в. идут к упадку, а многие другие уже запустели, что подтверждается археологическими материалами.

К тому времени в Чаче и Илаке погибло около 50 населенных пунктов, а также большие города Харашкет, Шутуркет, Джабгукет, Нукет, Намудлыг (21, №№ 264, 370, 502, 528, 602, 643, 739 и другие). Тогда-то и исчезает название Бинкета, города, пышный расцвет которого столь красноречиво описывают источники X века. Во второй половине XI и XII вв. монеты чеканили в Бенакете, расположенном на правом берегу Сырдарьи и, как полагает В. В. Бартольд, возможно, что Бенакет имел в этот период большее значение, чем Бинкет (8, с. 501)*. Судя по всему, так оно и было.

Экономическому спаду в области Чач в XII веке способствовало и истощение серебро-свинцовых рудников Илака, которые были основой быстрого возникновения и расцвета многих городов Шаш-Илакского региона. Все это ослабило могущество Шаша, подготовило почву для победоносного шествия войск Чингиз-хана в начале XIII в.

Оазисы Чача и Илака подверглись такому же разорению и запустению, как и другие районы Средней Азии. Упадок земледелия и городской жизни, гибель ирригационных систем — вот последствия монгольского нашествия, которые фиксировались вплоть до начала XIV века (112, док. № 1).

Названия «Бинкет» и «Ташкент» не фигурируют при описании монгольского нашествия, так как разрушенный хорезмшахом город еще не успел возродиться и приобрести политическое и экономическое значение, чтобы стать объектом захвата.

Чингизиды ввели более тяжелые формы феодальной зависимости и высокие нормы эксплуатации крестьянства. Беспощадная налоговая политика была главной причиной невозможности восстановления разрушенной экономики страны. К тому же чингизиды вели междоусобные войны за обладание троном, которые сопровождались грабежами и разорением городов и сельской округи. В связи с монгольским нашествием в оседлые оазисы в большом числе проникло кочевое население, и за счет сокращения посевных площадей началось увеличение пастбищ. В Семиречье особенно четко выявился упадок земледельческой культуры (10, с. 66).

Ташкент как город упоминается в 1270 году, когда возле него произошла битва, развязавшая в дальнейшем борьбу чагатаидов за господство в Средней Азии (6, с. 509—512).

При монголах в Ташкенте существовал монетный двор, что подтверждается находками монет (38, с. 20)**.

Денежное обращение неизменно вызывало к жизни и подделку — под Ташкентом обнаружена мастерская с утварью фальшивомонетчика (77, с. 6).

Размеры города этого периода не устанавливаются, но, вероятнее всего, он размещался на холме Кухча-шахар.

* Вкладах монгольского времени изредка встречаются монеты с надчеканом Бинкет — это свидетельство использования старых типов монет, что, как отмечают нумизматы (38, с. 203), делалось с целью сохранить традиционный облик монет, чтобы обеспечить доверие населения к деньгам новых выпусков (30а, с. 118—119).

** М. Е. Массон. Сообщение на кафедре о находке медных дирхемов XIV в. у мед-ресе Кукельдаш и местности Уч-тепе в Ташкенте, 18 мая 1956 г.

При Тимуре и тимуридах Ташкент обрел значение города-форпоста на стыке оазиса с кочевой степью. В Ташкенте XV в. была цитадель, его окружала стена с воротами. По преданию, при Тимуре этим воротам были даны названия по улусам, племенам и родам, из чьих рядов набирали отряды для охраны (64, с. 112). Одно из таких обозначений запечатлено в названии ворот и местности Чагатай-дарваза. Рабад этого времени расширился на северо-восток, и очень незначительно — на юг. Пятно селитьбы приобрело компактную форму и заняло территорию примерно в 100—120 гектаров.

За пределами города оформились и расширились мемориальные комплексы Хазрет Имам и Зайнабдин Куи Арифони. А в XV в. за пределами города с восточной стороны сложился ансамбль мемориальных и культовых сооружений у могилы шейха Хавенди Тахура (умер в XIV в.) (в современной этимологии — Шейхантаур).

Если от предыдущих периодов жизни города время не сохранило ни одного наземного памятника архитектуры, то XV—XVI вв. оставили по себе такие зримые вехи историко-топографического значения, которые дают представление о значимости отдельных районов города, о его архитектурных доминантах.

На территории шахристана в квартале Гульбазар в XV веке построены мечеть Джами* и медресе, связанные с именем Ходжа Ахрара — главы реакционного духовенства, способствовавшего убийству Улугбека — просвещенного правителя Мавераннахра. Хотя убранство этих зданий не отличалось пышностью, однако объемы были достаточно значительны, чтобы повлиять на организацию пространства внутри шахристана. Эти здания, возвышаясь на холме, просматривались с далеких подступов к нему.

В загородном ансамбле шейха Хавенди Тахура в конце XV в. отстроен мавзолей над могилой Юнус-хана — владельца Ташкента.

Все эти сооружения схожи набором форм и конструкций, присущим подобным сооружениям во всех областях Мавераннахра, разница была в своеобразной их трактовке, размерах и степени декорировки. Здесь, на окраине империи Тимура и тимуридов, все было скромнее.

В XVI в. под натиском «государства кочевых узбеков» пала ослабленная феодальными распрями империя тимуридов. Ташкент, которым владели чингизиды Моголистана**, тоже был захвачен Шейбани-ханом и отдан в удельное владение его дяде — Суюнидж-хану. Власть шейбанидов упрочилась, города Бухара, Самарканд и Ташкент становятся центрами политической и культурной жизни.

Суюнидж-хан и его потомки правили Ташкентским уделом с 1508 г. и почти до конца столетия. Правители Мавераннахра, в зависимости от состояния казны и в меру талантливости придворных зодчих, возводили здания медресе, мечетей и мавзолеев, ибо «жизнь человека бременна, а дела его вечны». К их дворам в надежде на славу и деньги стекаются ученые, художники, музыканты и поэты. И ко двору Суюнидж-хана прибывает поэт Восифи, уроженец Герата, которому поручают обучение наследника Науруз Ахмад-хана. Восифи поднес Суюнидж-хану панегирические стихи, восхваляющие прелести Ташкента, его фруктовые сады и его крепость с метательными машинами (сангандоз) (14, с. 246).

Размеры Ташкента XVI в. не превышали тех, которых он достиг в предыдущем столетии. Наибольшее количество памятников архитектуры осталось именно от этого периода.

Комплекс Хазрет Имам к концу XVI в. стал очень живописным ансамблем. Он хорошо орошался из канала Калькауз и напоминал тщательно ухоженный парк, где среди зелени тенистых чинар

* Археологические вскрытия, выполненные на территории мечети в 1975 году (Ташкентский археологический отряд), показали, что культурные наслоения под мечетью не содержат материалов ранее XV века. Фундаменты мечети XV в. использованы как основа для восстановления в XIX веке.

** Моголистаном назывались в средние века области Семиречья и Восточного Туркестана (Кашгар).

в зеркала водоемов гляделись живописно расположенные мавзолеи, чилляхона, мечети и медресе. Во времена ташкентских шейбанидов возле Калькауза располагались сады с летними резиденциями ханов. «Сад Кейкавус» был местом собраний (междлисов) ученых, поэтов и просвещенных людей Ташкента, проводились диспуты на литературные и богословские темы, состязались певцы, музыканты и острословы (14, с. 257). Однако место это не было заселенным, и люди побаивались ходить там в одиночку (8, с. 219—220). Городская стена проходила южнее по границам улицы, которая называлась ранее Джин-куча, и этот комплекс был уже за ее пределами. Такими же загородными были некрополи Ходжи Зайнаддина Куи Арифони и шейха Хавенди Тахура.

Как отмечает Убайдулла Накшбанди Самарканди, автор XVI в., места эти были малолюдными (61, с. 78).

Комплекс шейха Хавенди Тахура с мавзолеями тимуридского времени при шейбанидах отошел на второй план и не пополнялся новыми сооружениями, если не считать скромного мавзолея над могилой самого шейха и ремонта портала Юнус-хана (78, с. 121), хотя вообще шейбаниды для усиления авторитета поддерживали потомков Ходжа Ахрара (80, с. 39—40). В центре города (Кухча-шахристан) тоже возводились монументальные сооружения.

В середине XVI в. везирь ташкентских шейбанидов — Кукельдаш построил большое медресе к юго-западу от медресе и мечети Ходжа Ахрара. Это здание встало на самом краю шахристана.

Границы интенсивного обживания городской территории в этот период хорошо прослеживаются по керамическому материалу, который особенно обилен на южной части Кухча-шахара и на холме Танхо-шахара. В стратиграфии южной и северной частей Кухча-шахара наблюдается очень любопытная картина перемещения центра городской жизни с севера, где особенно интенсивное обживание происходит в X—XII вв., на юг, который обживается в XV—XVI вв. На южной окраине сосредоточено в это время и монументальное строительство.

Территория Иски Джува и Танхо-шахара также дает обильный материал XV—XVI вв. Возможно, в этот период территория Иски Джува и была использована под цитадель.

По главному западному фасаду городской стены, объединявшему цитадель и шахристан, располагались, вероятно, Регистанские и Кухчинские ворота. На южном фасе — Самаркандские, а на восточном — Паркентские (названия ворот сообщает Хафиз Таныш). Других ворот, видимо, не было (8, с. 220).

По устным преданиям, Мухаммед Ташкенди сообщает о 12 воротах конца XVI в. и перечисляет их: шесть носят названия племен — Киет, Турк (Узбекон), Найман, Чагатай, Дуглат, Канглы, другие шесть имеют названия, известные по списку XIX в., — Тахтапул, Карасарай, Сагбониен, Бешагач, Камалон* (81, с. 108 б).

Здесь речь идет, конечно, о внешней стене города, но такого количества ворот в XVI в. и быть не могло, так как еще в XVII в. и в начале XVIII в. Ташкент имел то шесть, то восемь ворот (102, с. 34—36). Скорее всего в XVI в. их и было шесть, а за ними были закреплены для охраны улусы, названия которых сохранила память старожилов (78, с. 112). Предместья, хоть и заключенные в стены, были обжиты слабо.

Как уже отмечалось выше, в XVI в. возникли новые ворота — Регистанские. Возможно, это было связано с возникновением торгового рынка на пониженной площади вдоль арыка, получившего название Регистан. Эта торговая площадь была вне стен шахристана, за Регистанскими и Кухчинскими воротами, и как бы объединяла северную и южную части города. Возле нее организовывались улицы и кварталы, где сосредоточивались гостиницы для приезжих купцов, жилье ремесленников, харчевни, бани и прочая обслуга. Названия улиц Ленгер до сих пор папоминают о

* Эти сведения сообщила Р. Г. Мукминова, за что ей приносится искренняя благодарность.

караван-сараях, ханака, которые были приютом торговым караванам.

Жизнь города сосредоточивалась на базаре — здесь происходили торговые сделки, зачитывались фирманы, устраивались литературные и богословские диспуты. Торгово-ремесленные слои городского населения принимали активное участие в общественной жизни города.

Ташкентские правители постоянно участвовали в феодальных распрях за первенство, которые кипели в удельных государствах шейбанидов. Титул главы государства одно время был у ташкентского Науруз Ахмед-хана, затем перешел к Абдаллаху, который собрал все уделы под свою руку.

В этот период Ташкент неоднократно подвергался осадам. Хафиз Таныш описывает осаду 1580 г., когда по приказу Абдаллаха была построена плотина у западной стены крепости, где выходил канал (очевидно, Жангоб). Эта военная хитрость обернулась, однако, против осаждавших — вода затопила подступы к городу, и перед приступом нужно было разрушить плотину, чтобы высушить почву. Но подмокшие стена и башня были затем легко разрушены (8, с. 220). Судя по описанию, это место — ничто иное, как холмы Кухча и Иски Джува и лощины арыков Жангоб и Регистана. По приказу Абдаллаха Ташкент был лишен стен и подожжен (78, с. 113). Здесь речь идет опять-таки о центре города на холме Кухча.

Каковы были границы его предместий, его рабада, мы можем судить только по степени насыщенности слоев остатками материальной культуры того времени. А этот показатель дает возможность фиксировать границы обживания с запада в пределах арыка Падахана, с юга — арыка Танышахар, с востока — на 200—250 м от фаса шахара, с севера — до ул. Джинкуча (наши исследования этого района подтверждают наблюдения М. Е. Массона) (78, с. 124). В общем его площадь не превышала 150—200 гектаров.

Строительство в столице Ташкентского удела велось как бы вопреки общему положению в стране. Налоговый гнет и обезземливание приводили к тому, что крестьяне уходили от феодалов и становились изгоями — группой населения, которая таила потенциальную опасность для зажиточной верхушки (80, с. 39—40). Непрерывные феодальные войны вели к поборам на содержание войск, разорению городов, уничтожению посевов.

Попытки правителей расширить посевные площади и ирригационную сеть не устраняли разницы между площадями вновь орошаемой земли и огромными массивами пустовавших территорий, конфискованных у тимуридов или оставшихся под пастбищами еще со времен монгольского нашествия. Шейбаниды щедро раздавали эти земли приближенным. Так Науруз Ахмед-хан пожаловал рудники и пустоши Ташкентского вилайета сейиду Шамсаддину Мухаммеду Хорасани (14, с. 246).

Абдулла-хан (1557—1588) вел упорную борьбу за консолидацию государства шейбанидов, однако удельные правители Ташкента, Дештикипчака, Хисара, Самарканда оказывали ему сопротивление. Непрерывные походы разоряли города и уничтожали мирное население. И хотя Абдулла-хану удалось подчинить Хорезм и даже Хорасан, эти успехи не были продолжительными — на севере выступает новый противник — казахский хан Тевеккель, а в Хорасане началось вытеснение узбеков.

Конец XVI в. был концом и династии шейбанидов, и эфемерной целостности государства — началось отпадение иранских территорий, а Тевеккель из района Ташкента повел наступление на Самарканд и Бухару.

Настало самое тревожное время в жизни города, коротких периодов покоя становилось все меньше. Борьба казахов, киргизов

и бухарских аштарханидов за власть над Ташкентом приводила к разорению крестьян и ремесленников, страдавших от грабежей, поборов и всяческих повинностей, связанных с ведением войны. Ташкентское население нередко восставало против меняющихся правителей. Особенно памятно восстание 1613 г., когда жители Ташкента, возмущенные поборами и притеснениями, убили наместника Имамкули-хана бухарского, его сына Искандер-хана. Взбешенный Имамкули-хан осадил Ташкент, отдав приказ: «...как перстнем припечатать крепость». «Они со всех сторон, установив на валах тараны, применили (такую жестокую блокаду), что, даже заведя муравья, который полз внутрь крепости, пригвождали его стрелой... При таком положении население (города) оказалось в крайне тяжелом положении. Однажды на утренней заре осаждающие подожгли (одни из городских) ворот, и те сгорели. Войска шли через них в город и приложили (усилия) мечей к истреблению (всех) от старого до малого... В тот день до полуденной молитвы базар смерти был весьма оживлен и столетний старец шел по одной цене с однолетним младенцем...» (82, с. 87). Это случилось после месячного сопротивления.

Политическая история Средней Азии XVI—XVII вв. — собственно история непрерывных феодальных войн, которые нарушали экономику страны и ее политические и торговые связи. Войны за овладение Кашгаром и Ташкентом привели к тому, что почти прекратилась караванная торговля, так как из-за безвластия караваны грабили. «Таким образом, в течение трех лет до нашего пребывания здесь ни один караван не прошел и не поддерживал торговли между бухарской и китайской стороной», — писал англичанин Дженкинсон, посетивший в 1558 г. Хиву и Бухару в качестве посла русского царя. (Цит. по 120, с. 18). Набеги кочевых племен — казахов и джунгар, обострение борьбы за Хорасан между узбеками и сефевидами привели к тому, что караванная торговля пошла через Герат и Кандагар, минуя Мерв, Фергану и Кашгар. Войны и грабежи казахов прервали караванный путь на Китай через Семиречье, а война Бабура с узбекскими ханами перекрыла путь на Индию. В поисках внешних рынков Средняя Азия пошла на сближение с Московским государством (120, с. 19—20).

В этих условиях соперничества между казахскими и узбекскими феодалами Ташкент приобретает значительную самостоятельность, освобождаясь фактически от подчинения Бухаре с ее ханами. Слабая власть бухарских наместников была не в счет.

Ханы, то бухарский, то казахский, нужны были ташкентским феодалам для безопасности как самого города, так и торговых караванов от нападений кочевников. Группа местных феодалов приобретала в городе большую власть и военную силу. В этом плане очень показателен мятеж ташкентского феодала Баба-Султана против Абдулла-хана II, который длился с 1579 по 1582 гг. В первой четверти XVII в. бухарский хан Имамкули предпринимал несколько походов против казахских ханов и феодалов Ташкента, но безуспешно. В свою очередь, и казахские ханы хотели подчинить Ташкент и выступали против его владетелей.

Дело осложнилось еще и тем, что на политической арене появилось кочевое государство калмыков, так называемое Джунгарское, с центром в долине Или. Джунгары, воспользовавшись ослаблением Казахского ханства, весной 1723 г. вторглись в Семиречье и вытеснили казахов за Сырдарью. Около 1725 г. джунгары захватили Ташкент и Туркестан. Однако наместниками в Ташкенте по-прежнему оставались казахские ханы Старшего жуза. Наряду с этим, в городе было и самоуправление, состоявшее из местной знати и духовенства (113, с. 149—160).

Вот что сообщает о Ташкенте этого времени его уроженец Нур-Мухаммед, посланный городским магистратом в 1735 г. в гор.

Уфу на разведку по вопросу о протекторате России над Казахской Ордой: «(Ташкент)... окружен стеною кирпичной на 4 угла, в него въезжих ворот с башнями 32... Городовая стена толстая... Длинной тот город от ворот до ворот езды от обеда до вечерен и поперек тоже... Мечетей соборных в городе 40... Вода проведена (из Чирчика) от гор во весь город... В том же городе Ташкенте в середине Кремль также имеет особую каменную стену крепкую, в него во все стороны шесть ворот, называют тот Кремль — Старый Ташкент; жилье тесное, а живут духовники их, также школы и магистратский суд у ворот, называемых Кукча, при мечети. И в тот Кремль ханов никогда не пускают, да и сами ханы не входят, боясь, чтобы их не засадили (39, с. 54).

«Градодержателей» всего 10 человек. Они живут в Кремле у ворот Кукча, судят главные дела и посылают своих послов в орды самостоятельно без ведома ханов. Для прочих судных дел определены у ворот старшины. Казни горожан производятся с ведома духовного главы, но не хана».

По описанию поручика Миллера, ездившего с купеческим караваном из Оренбурга в Ташкент к хану Джульбарсу в 1738—1739 гг., «...Ташкент построен на ровном месте, в длину и ширину версты по четыре. В городе 8 больших улиц, которые у границ города заканчиваются деревянными или кирпичными воротами. Названия ворот: 1. Самарканд, 2. Бешагач, 3. Терсерек, 4. Шихин-Таугер, 5. Тахтакус, 6. Тарсхан, 7. Капкан, 8. Кечки. Городская стена глиняная, сажени 2 высотой. Главный базар (Игистан) в середине города, там есть водоем, обложенный диким камнем. Кроме того, есть и другие малые базары...

...В городе было самоуправление, но потом усилились киргизы и стали притеснять население. Медресе Барак-хана, как и другие старинные здания, были в большом небрежении» (36, с. 16, 17, 20, 21).

Видимо, к этому времени город приобрел те размеры, которые фиксируются на планах 1890 г. Его площадь в этот период равняется 2450 га. Основные направления улиц повторили направление караванных путей, оформилась радиально-кольцевая планировка и сеть мелких внутриквартальных проездов и тупичков. Город концентрировался вокруг центрального рынка Чорсу — Регистан, вытянувшегося с севера на юг более чем на полкилометра. К рынку направлена была вся сеть улиц и улочек, и в каком бы конце города вы ни были, улицы приведут вас к рынку, который являлся центром общественной, экономической, административной и религиозной деятельности. На рынке сосредоточивались все главные общественные здания города — мечеть, судилище, медресе, бани и другие.

Ташкентские купцы торговали со степью и даже с Сибирью, ездили с товарами в Казань. В Ташкент из Оренбурга послан первый русский караван (Миллер). Сохранялось даже городское самоуправление. Однако постоянные притеснения горожан казахами и джунгарами привели к взрыву. В 1740 году они убили джунгарского ставленника, хана Большой Орды Джульбарса.

В этот период ослабления центральной власти кочевники-киргизы повели себя очень агрессивно, грабили город, караваны, брали в плен жителей и захватили даже пригородные территории Ташкента под свои пашни и пастбища.

Ирригационная система пришла в упадок. Заболоченные, заросшие камышом места появились даже в городе. Изустные предания сообщают, что камышовые заросли подступали к холму «шахара», особенно с западной и юго-западной сторон. Земледелие и торговля пришли в упадок, город переживал тяжелый кризис. Даже видимость централизованного управления исчезла и город распался на четыре части (даха) — Шейхантаур, Бешагач, Кукча и Сибзар. Каждой самостоятельно правил хаким. Между

ними шла борьба за верховную власть. Весь город, таким образом, представлял собой четыре враждующих военных лагеря.

В конце XVIII в. дело дошло до открытого столкновения, и место сражения, находящееся в овраге близ городского базара, доныне известно, как Джангоб — ручей битвы (65, л. 31—32).

Юнус-ходжа — глава Шейхантаурской даха — вышел победителем. Сделавшись правителем Ташкента и Ташкентского вилайета, он поселился в укреплении на возвышенности по берегу Чорсу. После создания кокандской крепости, приблизительно в 1810 г., разрушенную крепость Юнуса-ходжи стали называть Иски Урда (место это и сейчас выделяется в рельефе и известно под названием Караташ).

Выглядело оно следующим образом: «Домы владельца и других лучших чиновников также не имеют ничего особенного и отличаются одной только обширностью. Они обнесены глиняными стенами, имеющими в высоту от 20 до 30 и в толщину до 3 футов (от 6 до 10 м и толщиной до 1 м). В этих укреплениях у владельца — денежное дело и другие ремесла производятся, сверх того живут, как у него, так и у чиновников каракизани (под их знаменем служащие люди)» (36, с. 25).

Из этого описания видно, что стены цитадели Юнуса-ходжи по высоте были чуть ниже городских и охранялась она личной гвардией ходжи и других сановников. Ее расположение в квартале Караташ диктовалось близостью к Шейхантаурской дахе, где были сторонники Юнуса-ходжи, и возможностью быстрого удара по центральной части города.

Дружины караказанов* имели вооружение, лошадей и даже артиллерию. Это постоянное войско города насчитывало от 2000 до 6000 человек и являлось как военно-полицейской силой, так и ядром вооруженных сил, где основную роль играло ополчение города и кочевых племен (102, с. 42—43).

Некоторое представление о Ташкенте того периода дает описание Т. С. Поспелова и М. Бурнашева, сделанное ими в 1800 г. Они отмечают, что он окружен глиняной стеной, высотой в 26 футов (до 8 м), толщиной внизу 6 футов (до 2 м), а сверху — 3 фута (до 1 м), в окружности 18 верст (19 км). В стене 6 ворот, бастионы сделаны «без воинских правил», рвов и внешних укреплений нет. Улицы чрезвычайно узки и неровны, по ним ездят только верхом. В середине города большой по площади базар со специализированными рядами (36, с. 24—25). Поспелов и Бурнашев обратили внимание на ремесленную направленность занятий горожан. «Хотя в Ташкентском владении урожай хлеба всегда бывает изобильный и в посеве оного многие упражняются, однако же таковых, кои занимаются другими ремеслами, гораздо более, и потому большого запаса в том не производится, чтобы более 10.000 посторонних людей долгое время могли продовольствоваться» (36, с. 30). Есть упоминание о памятниках архитектуры, разрушенных во время смут: две мечети с синими куполами.

Ко времени посещения Ташкента Поспеловым и Бурнашевым город еще не оправился от последствий разрухи, хотя прошло уже 20 лет. И все же при Юнус-ходже произошла некоторая экономическая стабилизация: налаживалась безопасная караванная торговля, зарождались медеплавильный и железоделательный промыслы, возрождались и умножались площади посевов и садов, укреплялся город. Однако эти положительные тенденции не получили развития, так как военно-феодалная верхушка кочевых племен, с которой союзничал Юнус-ходжа, требовала новых походов, вопреки желанию горожан и городской знати.

Неудачный поход на Коканд (1800 г.) обнаружил не только всю глубину противоречий, но и обоюдную слабость и незрелость этих двух группировок. После смерти Юнуса-ходжи (1800 г.) кокандский хан Алим (1800—1807) направил все усилия на подчи-

* «Каракизани» — транскрипция XVII в. Правильно караказане — землячества около одного котла (консультация этнографа Р. Рассудовой).

нение Ташкента. Семь лет продолжались систематические набеги на ташкентские земли. Вот когда полностью проявился антагонизм, возникший между военно-феодалной верхушкой кочевых племен и городской знатью! Ни те, ни другие не приходили на помощь друг другу, и кокандцы безнаказанно грабили то город, то кочевья. Разорив районы Курамы, Алим-хан обеспечил себе свободное продвижение к Ташкенту. Прежде всего была захвачена крепость Ниязбек, стоявшая у начала головных оросителей города, и воды Бозсу отведены в Чирчик. Таким образом, ташкентцы были лишены воды и пользовались некоторое время хаузами и колодцами.

Осада длилась недолго: применив артиллерию, кокандцы сделали проломы в стенах и пошли на штурм. Сопротивление было сломлено, и Ташкент подчинен Кокандскому ханству. Наместником был поставлен Хамид-ходжа (сын Юнуса-ходжи), однако его независимое поведение повело к новому походу на Ташкент, к новым грабежам и разрушениям. Самостоятельность Ташкента кончилась, теперь им управляли назначаемые из Коканда беклярбеки*.

Произошли и некоторые планировочные преобразования — военно-административный центр города — ставка Юнуса-ходжи (Иски Урда) была разрушена и новый центр — Урда Кокандская — возник на левом берегу Анхора. Там располагались кокандский гарнизон и беклярбек. Кокандская цитадель стояла на берегу Анхора, напоминая ташкентским жителям о необходимости повиновения и подчинения кокандскому беку. Урда располагалась на востоке от города, разорвав в этом месте городскую стену своими укреплениями.

Время возникновения кокандской цитадели — Урды было связано с порой кокандского владычества, окончательно наступившего примерно с 1810 года. Так, Филипп Назаров, посетивший Ташкент в 1813 г., сообщает, что Ташкент «был прежде независимым и служил резиденцией владельца, а ныне, по покорении, сделался провинцией Кокандии. Замок прежнего владельца разрушен до основания».

Новая Урда (Кокандская) располагалась, как указывалось выше, на северо-восточной окраине города за арыком Анхор на его левом берегу. Она занимала территорию между улицами Лахути и Кашгарской с севера и юга и Чемпиона и Хорошинской с востока и запада**. Современный рельеф города еще сохранил кое-где остатки того, что было грозной Урдой, и теперь осталось только в названиях трамвайных и троллейбусных остановок. Что же представляла собой эта «твердыня» Кокандского ханства?

Весьма примитивное в фортификационном отношении сооружение из глины и сырца, могущее противостоять только пешему и конному войску с таким же примитивным вооружением, вроде фитильных ружей, луков, копий и артиллерийских орудий, вид и действие которых весьма образно описаны у Пospелова и Бурнашева: «На войну берутся какие есть и большие пушки, их везут на телегах и как не умеют сделать лафетов и к оным укрепить, то, когда дело дойдет до сражения, снимают на землю, и, полагая на возвышенное место, стреляют. При каждом выстреле пушку с места сбрасывает, которую паки тут же переносят»... (36, с. 32).

Вот как описывает эту крепость Филипп Назаров, побывавший в Ташкенте в 1813 г.: «В $\frac{1}{4}$ версты от города находится укрепление, помещающее в себе до 10.000 войска, укрепление сие обнесено со стороны Кокандии двумя высокими каменными (? — В. Б.) стенами и двумя глубокими рвами, а к городу одной стеной и глубоким каналом, имеющим до 50 сажень ширины (Анхор. — В. В.). Въезд в укрепление сие по узкой тропинке. В середине сего укрепления на возвышенном месте построен замок, обнесенный высокими стенами и тремя рвами, имеющими по 7 сажень глубины.

* «Бек над беками», наместники кокандских ханов.

** При реконструкции города в 1967—1970 гг. ул. Лахути была расширена и стала продолжением ул. Навои, при этом большая часть возвышенности Урды была спланирована и попала под полотно дороги.

В сем замке живет главнокомандующий, имеющий полную власть — казнить смертью без доклада владетелю. Ташкент был прежде независимым и служил резиденцией владетеля, а ныне, по покорении, сделался провинцией Кокандии. Замок прежнего владетеля разрушен до основания, а мы видим на том месте одне груды камней. Через город беспрестанно проходят караваны» (83, с. 36—38, 90—92).

Кокандская Урда, зафиксированная на генплане 1866 г., не претерпела особых изменений, если не считать урона в ходе военных действий. Строилась она по типу многих среднеазиатских крепостей — типу, сложившемуся в средневековье и дожившему до конца XIX века без особых изменений, выполняя скорее таможенные, нежели оборонные функции.

Прямоугольный в основе план крепости нарушен только в юго-западном углу, где выступает сильно развитый бастион. Стены цитадели (внешние), как сообщают старожилы, были несколько выше стен города, стены, сделанные из глины, имели широкое основание до трех саженей, высоту от 5 до 7 саженей и верхнюю, суженную по отношению к основанию, площадку шириной две сажени. Верхняя площадка была прикрыта с внешней стороны парапетом с бойницами, а с внутренней — открывалась на город. Полукруглые башни делили стены на короткие куртины, замыкали углы и фланкировали ворота. Всего этих башен было 33.

Более соответствовало требованиям фортификации решение западного фаса, где далеко выступающий бастион с тремя башнями обеспечивал безопасность стен и ворот, выходящих в город. Двое других ворот, обращенных на юг и восток, фланкировались только башнями.

Подобное положение подсказывает вывод, что больше всего обитатели цитадели заботились о необходимости защиты от города, который был отделен от крепости еще и каналом Анхор. Пушки бастиона держали под обстрелом большую часть территории города, над которой доминировала Урда, расположенная выше его. Общее падение рельефа на этом участке идет с востока на запад.

Хорошо было налажено водоснабжение Урды, в западной ее части охвачен стенами большой отрезок арыка Гадраган, почти параллельно ему выстроена западная крепостная стена. Из канала Анхор был выведен второй арык, который через центральные ворота (западные) проходил к восточным, разрезая территорию Урды на две неравные части: меньшую — северную и большую — южную. На случай отвода арыков*, чтобы не было перерыва в водоснабжении, выкапывали хаузы, их отмечено девять — пять в южной и четыре в северной частях цитадели. В цитадели размещался гарнизон, некоторое количество частных жителей, очевидно, приближенных кокандского бека, и сам бек со свитой и слугами. Часть военных (сарбазы) и их семейства помещались в Кашгарском квартале, тоже отделенном от города стенами, обширные сараи служили казармами и конюшнями. Дворец и службы кокандского бека размещались на участке в юго-западном, наиболее укрепленном углу крепости. По всей территории разбросано довольно много (около 50) частных домов, были, конечно, и казармы для размещения войск.

Как можно судить по плану города, составленному военными инженерами в 1866 году, застройка осуществлялась по традиционному принципу замкнутых дворов, кое-где были сады. Застройка была довольно редкой. Как отмечает А. И. Добросмыслов, большая часть территории представляла собой пустырь, с довольно редкими деревьями.

Но не кокандская крепость определяла общий облик архитектуры и планировки города. Ташкент в XVIII и XIX вв. был центром караванной торговли Средней Азии с Россией, чему способ-

*Отводы арыков во время военных действий — явление обычное, и для таких виртуозов-ирригаторов, какими испокон веков были узбеки, не составляющее никаких трудностей.

ствовало и его географическое положение. Город был ближайшим к России торговым пунктом и в основном через него проходил поток товаров для Средней Азии. В 30-х годах XIX в. на рынки Ташкента поступало 44 процента, а в 50-х — 46,5 процента товаров среднеазиатского ввоза (102, с. 114). Это неизбежно влекло и рост населения: если сопоставить данные «организационной комиссии», то с 1868 г. (76.053) по 1887 г. (105.860) население города увеличилось на 30.000 человек, причем, преобладали торговцы и промышленники (3, с. 127—129).

Город по-прежнему делился на четыре части, каждая имела свое ворота в городской стене. За Сибзарской даха были Лабзак, Тахтапуль и Карасарай, за Кукчинской — Сагбан, Чагатай и Кукча, за Бешагачской — Самарканд, Камелан и Бешагач, за Шейхантаурской — Коймас, Кашгар и Коканд.

Город интенсивно застраивался. Во всех четырех частях города появлялись медресе, мечети, школы и бани из жженого кирпича. В экспликации к плану 1890 г. перечисляется 66 капитальных сооружений на кладбищах, в махаллях и гузарах. В архиве ГлавНПУ есть список, может быть, и не сохранившихся к настоящему времени 94 памятников архитектуры Ташкента, не отнесенных к охраняемым государством. Среди них — 71 мечеть, семь медресе, две бани, 13 мавзолеев.

Архитектор Т. С. Страмцова, обследовавшая в 1937 г. памятники зодчества Ташкента, отмечала разнообразную по планировочным решениям и богатую по художественному декору архитектуру жилых домов и квартальных мечетей, в которых можно встретить великолепные резные двери, панджара, колонны, подбалки и расписные потолки, панно и тончайшую резьбу по ганчу (104, с. 40—76).

Богатое купечество и чиновничество не жалело денег на оформление и расширение издавна сложившихся мемориально-культурных комплексов — Хазрет Имам, Шейхантаур, Зайнабдина-бобо и других. Самый древний комплекс города — Хазрет Имам стали благоустраивать при кокандских правителях. В 1859 г. отремонтировано медресе Барак-хана. Напротив него в 1856—1857 гг. построены медресе Муй-Мубарак, соборная мечеть Тилля Шейха и множество мелких строений — шипанги, чортаки, чилляхона, зиаратхона, мавзолей, дахма (78, с. 130—131). Живописно расположенные среди деревьев, они и монументальные сооружения создавали неповторимо своеобразные ансамбли, выделявшиеся среди городской застройки.

Таким же кладбищем-парком был Шейхантаурский комплекс памятников. Вход в него, оформленный купольным чортаком (построил в 1842 г. ташкентский усто Абд-ал-Рахим), начинался от улицы Ташкуча (теперь ул. Навои). С востока к чортаку примыкало здание медресе Ишанкула-дадхо-кокандского, наместника, сына Беклярбека (в 40—50-х гг. в нем размещалась киностудия, а в 70-х годах на этом месте построено здание Узгоспроекта, ныне — УзНИПИ градостроительства).

Новые постройки появились у некрополя шейха Зайнабдина-бобо: у входа возник чортан, налево от него — мечеть, в разных местах участка ошхона, шипанги, зиаратхона, помещения для похоронных носилок и сформованных и высушенных комьев глины для закладки могил. Мавзолеев был подвергнут ремонту.

Генеральная переделка осуществлена в медресе Кукельдаш в 1830—1831 гг.: второй этаж разобран, видимо, тогда же сняты купола над мечетью и дарсхоной*.

Незаурядными произведениями деревянного зодчества были мечеть Хатун и мечеть Балянд, расположенные в старом городе.

Центром городской жизни был базар Чорсу-Регистан, куда съезжались караваны, где не только совершались торговые сделки, но и протекала вся общественная жизнь города. Это был своеобраз-

* Кирпичи после разборки пошли на строительство медресе Беклярбека, возведенного в те же годы.

разный городок со специализированными ремесленно-торговыми рядами, вокруг которых концентрировались караван-сарай для купцов, бани, чайхоны, ошхоны, пекарни... Торговые ряды-пассажи перекрывались сверху легкими навесами, открытыми с боков: такое устройство защищало от солнца, способствовало вертикальному проветриванию (104; 102, с. 115—116). Второй базар был на границе с Урдой (крепостью).

В период кокандского владычества политическое положение Ташкента было весьма шатким — Кокандское и Бухарское ханства вели упорную борьбу за его подчинение. Больше всего от этих распрей страдало городское население, которое не единожды восставало в надежде на твердую власть или самоуправление.

Освобождение Ташкента от кокандской зависимости произошло после присоединения Средней Азии к России с целью создания «независимого, но подконтрольного России» ханства с центром в Ташкенте.

Вскоре после присоединения Ташкента к России начал строиться новый город, где жили на первых порах военные, выходцы из эмирата и местные жители. Началом строительства можно считать возведение новой крепости и первой улицы, соединившей кокандскую Урду, где расположился отряд Черняева, с крепостью.

Приспособление кокандской Урды в очень малой степени устраивало русские власти. Поэтому под укрепление была намечена возвышенная территория у Кайтмасских ворот, расположенная южнее кокандской Урды на восточном берегу канала Ракатсу (Бурджар). К сентябрю 1865 г. крепость была построена.

Многоугольный план укрепления с мощными бастионами повторял идеальные планы крепостей со сложной системой куртин и бастионов, которые были вызваны к жизни развитием артиллерии и оборонительной техники в XVII в., и дожили до XIX века. Подобного рода идеальные крепости известны нам в практике русского градостроительства, яркими образцами могут служить Таганрог (план конца XVII в.), Петропавловская крепость (1717), Ростов (план 1779 г.) (196, с. 119, р. 93; с. 133, р. 100; 42, с. 16). Ташкентская крепость имела четыре мощных бастиона на фасах, обращенных к северу, югу и востоку, с западной стороны бастионов не было, так как крепость примыкала к каньону реки Ракатсу, который служил естественным препятствием.

Крепость должна была иметь трое ворот, названных именами офицеров — участников похода Месяцева, Обуха и Шмелева.

Проектом предусматривалось устройство рва по периметру крепости, но он так и не был осуществлен. Несколько позже русское укрепление было дополнительно обнесено стеной из кирпича-сырца высотой 4 м, толщиной 1,1 м, она была снабжена бойницами. Фундаменты, обрамление бойниц и детали, завершающие стену, были сложены из жженого кирпича.

К моменту составления проекта на площадке, выбранной под строительство, существовали солдатские землянки («слободки»), намеченные к сносу. Площадь внутри крепости образовала компактный шестигранник, который был разбит несколькими пересекающимися под прямым углом улицами на кварталы, в центре которых была соборная площадь, она же плац. Храм на площади так и не был построен.

В пояснении к проекту указаны конкретные объекты строительства: военный госпиталь, казармы, пороховой погреб, здание военной администрации, мастерские, кухни, склады. Некоторые выстроены из жженого кирпича.

К югу от укрепления проектировался русский город с лучевым расположением улиц. Широкая, ничем не застроенная эспланада должна была отделить укрепление от города. Кроме того, проектом предусматривалась возможность обстрела улиц огнем бастионных батарей.

На генеральном плане Ташкентского укрепления есть по этому поводу весьма примечательная надпись, сделанная карандашом:

«В этом проекте необходимо:

1) фланки возле отдельных укреплений расположить под тупым углом к куртинам, дабы фланк не действовал против смежного фланка:

2) подвести улицы русского города под выстрелы цитадели — это кажется возможным, так как город еще не существует».

По проекту предусматривалось обнести город стеной с шестью бастионами. Однако план, составленный военными инженерами, остался на бумаге. Планировали город в дальнейшем по плану, составленному топографом-инженером Колесниковым. На первом этапе территория, занятая под жилые кварталы, ограничивалась Ташкентским укреплением с юга, рекой Анхор с запада, Кокандской Урдой с севера, арыком Чаули с востока и была разбита улицами на сетку прямоугольных кварталов, примыкавших к радиально-кольцевому сектору.

Планировка русской части Ташкента — генплан 1866 г., охватывавший территорию от Анхора до Чаули, генплан 1875 г., сочетающий уже сложившуюся прямоугольную планировку с радиально-кольцевой планировкой в зачаулинской части, генплан 1883 г., охватывающий окрестности Ташкента, — выгодно отличалась от средневековой планировки старого города. После присоединения Туркестана к России сюда были перенесены прогрессивные традиции русского градостроительства, получившие развитие в XVIII в. Теперь военно-административный центр города переместился на восток, хотя в собственно Ташкенте были созданы институты «народного» управления.

Деление на «старый» и «новый» город сохранялось долгое время и только реконструкция города при Советской власти стерла эту социально-политическую границу.

Узбекистан исключительно богат шедеврами исторической архитектуры. Особое внимание до сих пор уделялось наиболее эффективным творениям Самарканда, Шахрисябза, Бухары, Хивы, Термеза. Памятники зодчества Ташкента были незаслуженно обойдены — существовало даже предубеждение о некой их «второсортности». Между тем, наследие это представляет значительный исторический и историко-архитектурный интерес. Памятники старины Ташкента заслуживают внимания художественными достоинствами, местом, которое они вправе занять в историко-культурном наследии Средней Азии.

В Ташкенте сосредоточена своеобразная, интересная «коллекция» зданий, представляющих все основные типы монументальных общественных построек средневековья. Здесь и важнейшие типы мавзолеев — однокамерных и многокамерных, в том числе двухкупольные продольноосевые композиции и мавзолей-ханака (опорные в понимании эволюции зодчества Средней Азии), здесь и образцы самых крупных в Средней Азии высших учебных заведений — медресе, всех типов мечетей, начиная от соборной городской дворового типа и праздничной (намазгох) и кончая разнообразнейшими композициями квартальных. Конструкции и архитектурное убранство этих памятников иллюстрируют все этапы становления форм архитектуры Средней Азии.

К концу XVI века Ташкент сложился как типичный торгово-ремесленный позднефеодальный город, в планировке которого отразились напластования предшествующего развития. Центральным ядром его по-прежнему была территория бугра на перекрестке караванных дорог и торговых улиц, называемого до сих пор — Чорсу. Здесь разместился центральный городской базар. Древние направления радиально расходящихся от него дорог превратились в тесно застроенные магистрали, ведущие к городским воротам, названным по имени городов, к которым вела дорога. Ворота были встроены в глинобитную крепостную стену, с зубчатым парапетом поверху, высотой 8—10 м, с ритмически расставленными круглыми крепостными башнями. Стена ограничивала территорию торгово-ремесленных пригородов (рабадов), которые были обнесены крепостной стеной только в 30-х гг. XIX века, при кокандском хане Беклярбеке.

К этому времени город Ташкент, объединенный кольцом стены и центральным базаром, фактически состоял из четырех от-

дельных поселений (даха). Границы их проходили по арыку Бозсу, пересекающему город с юго-запада на северо-восток, и по диаметру север-юг, образованному городскими улицами. К каждому из четырех даха (на востоке — Шейхантаур, на юге — Бешагач, на западе — Кукча и на севере — Сибзар) относилось по трое городских ворот, ныне сохранившихся лишь в названиях улиц. В шейхантаурскую часть входили ворота Кашгарские (по имени прилегающего к ней квартала, заселенного выходцами из Кашгара; название квартала «Кашгарка» сохранилось в Ташкенте вплоть до землетрясения 1966 года), Кокандские (у входа в Урду — крепость кокандского хана; название Урда сохранилось за районом у пересечения современной улицы Навои с арыком Анхор) и Коймас — южнее Кокандских, вблизи от места, где во второй половине XIX века была построена русская крепость (по ул. Узбекистанской, на берегу Анхора). К бешагачской части вели ворота Бешагач (у нынешнего Комсомольского озера), Камалан, место которых отмечает сейчас только известное кладбище Ходжа Аламбардор, и Самаркандские, название которых до сих пор носит улица Самарканд-дарбаза.

В кукчинской части ворота были одноименны с подходившими к ним магистралями — Кукча, Джагатай (Чигатай) и Сагбан. Въезд в сибзарскую часть вел через ворота Карасарай (по современной улице Карасарайской), Тахтапуль (ныне ул. С. Рахимова, ранее — Тахтапульская) и Лабзак (ныне ул. Хуршида).

За городскими воротами возникали кладбища. По мере разрастания города первое их кольцо оказалось в гуще городской застройки. Среди них древние культово-мемориальные ансамбли — Шейхантаур, Хазрет Имам в сибзарской части, Зайнабдин-бобо на Кукче, Аламбардор у старых Камаланских ворот на Бешагаче. Затем за воротами рабада образовалась новая цепь кладбищ, действующих по сей день — Сагбан, Чигатай, Лабзак, Карасарайское и, кроме них, — вошедшие ныне в черту города кладбища на выселках: от сибзарской части — Ибрагим-ата и Чала-Казак, от бешагачской части — Катартал и загородный ансамбль — Зенги-ата по янгиюльской дороге. Эти места отмечены сохранившимися по сей день монументальными памятниками архитектуры.

В расселении города отразился, прежде всего, классовый состав жителей старого Ташкента, среди которых преобладали дехкане-садоводы, мелкие ремесленники — с одной стороны, и феодальная знать, крупные землевладельцы, купцы и духовенство — с другой. Как в большинстве средневековых городов, в Ташкенте образовалась своеобразная структура — махалля, заселенных по классовому, производственному и национально-религиозному признакам, являющихся отдельными самостоятельными административно-общественными единицами. В шейхантаурской части в середине XIX в. были зарегистрированы 52 махалля; здесь селились литейщики чугуна (изготовление казанов и другой посуды), седельщики, маслобойщики, ткачи маты. В махалля сибзарской части, которых было 38, жители занимались сапожным производством на вывоз, в мастерских на Иски Джува изготавливали арбы, здесь жили ткачи и красильщики тканей, хлебопашцы, сеявшие люцерну на выселках, зажиточные гуртовщики скота и крупные торговцы. По главной водной артерии района — арыку Кейкаусу — размещались мельницы и базары.

В Кукче, расположенной на холмистой местности, покрытой садами и оврагами и орошаемой арыками Кейкаус и Каракамыш, было 33 махалля. Жители их были в основном кочевники, гуртовщики скота и керамисты. В Бешагаче такое же количество махалля, но жителей — меньше: здесь преобладали земледельцы, уголья и сады которых располагались за городом. Среди ремесленников преобладали гишторцы — выделявавшие и обжигавшие кирпич (104).

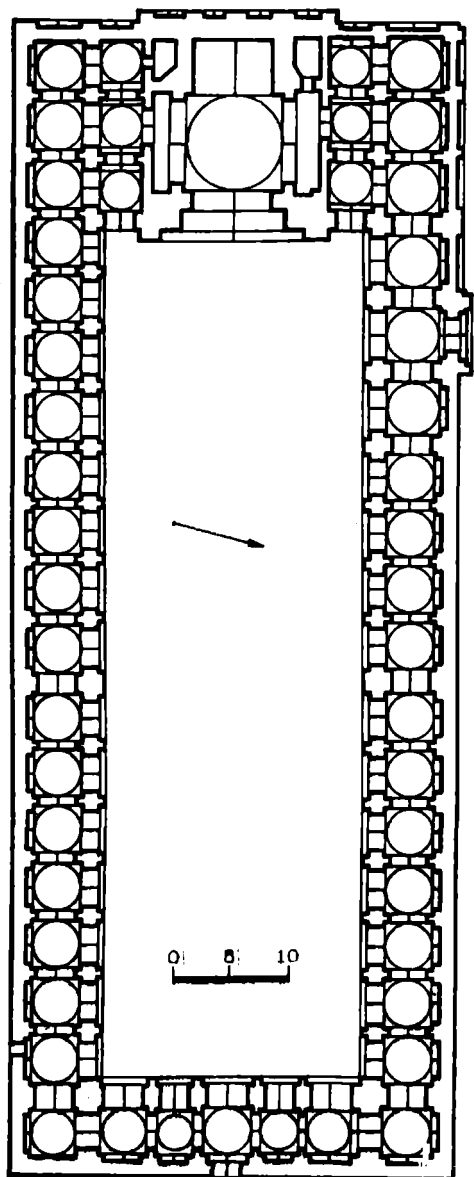
Планировочные границы кварталов (махалля) проходили по улицам, различавшимся по значению: от крупных городских магистралей ответвлялись второстепенные, более узкие и извилистые внутриквартальные проезды, от которых, в свою очередь, в глубь жилой застройки вели тупики, зачастую перекрытые на отдельных участках застройкой второго этажа так, что образовывались «крытые улицы». Этот тип поселений — древнейший в Средней Азии.

На перекрестках улиц располагались общественные центры. Они содержали в себе полный комплекс всех известных типов общественных зданий, воплощенных в монументальных постройках. Главный городской форум в районе Чорсу в квартале Гульбазар концентрировал в себе все виды общественной деятельности. Как и в древнейших городах средневековой Средней Азии, описанных арабскими географами, в Ташкенте соборная мечеть помещалась «среди базаров». До сих пор это сочетание — главной мечети и центрального рынка — сохраняется в городах-памятниках Узбекистана, Самарканде и Бухаре.

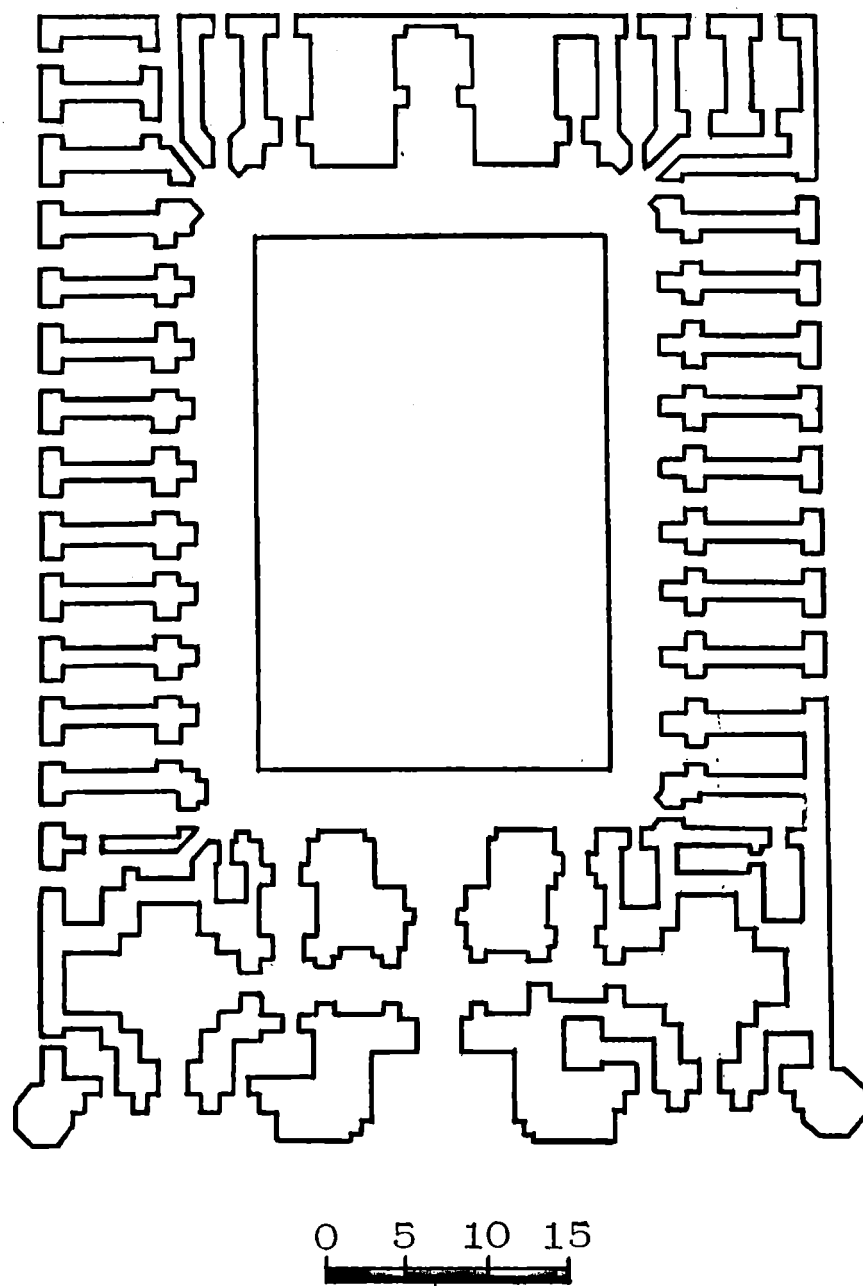
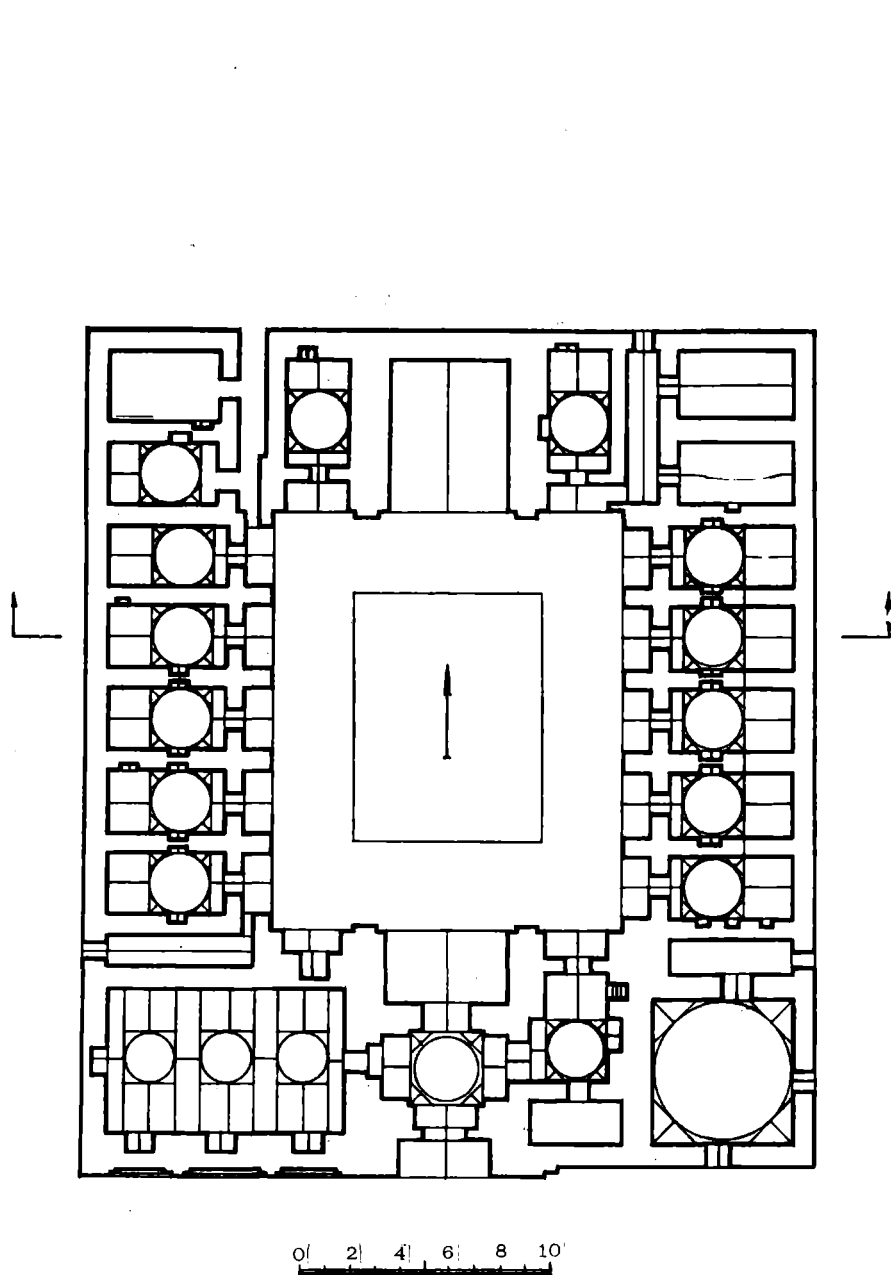
Главный ташкентский базар начинался задолго до его главной площади, на подходящих к нему улицах, обстроенных с обеих сторон лавочками и ремесленными мастерскими под сплошным крытым навесом. Как во всех средневековых городах, торговые ряды специализировались: «...А во всяком базаре один товар; в коем хлеб, в том другого ничего нет, бумага хлопчатая, шелк, кафтаны, сапоги, выбойки, шелковые парчицы и прочее — все по разным рынкам», — свидетельствует ташкентец Нурмухаммед Мула Алимов в 1734 г. (39, с. 54). На Хадре была крытая базарная улица Чапан-базар, где торговали халатами. Базарные строения на самом базаре устраивали также в виде крытых улочек-рядов, в которых были представлены многочисленные виды ремесел. Вдоль рядов шли разделенные перегородками лавочки с полками для товаров, открытые на базар, с уютно застланными перед ними суфами и айванами. Улицы базара поверху перекрывались, как это видно на старых фотографиях, уложенными поперек деревянными прутьями, камышовыми матами, накрывались берданом так, что приподнятая над лавками крыша не мешала освещению и проветриванию улиц. Среди базарных строений на улицах и площадях располагалось 29 караван-сарая (всего в городе их было 45), многочисленные чайхоны, бани, торговый пассаж для продажи готового платья; в основном, это были каркасные и сырцовые строения, которые дошли до нас лишь в описаниях. Среди них были и караван-сарай, которые вообще играли важнейшую роль в общественной жизни средневековых государств (здесь встречались караваны из разных стран, заключались крупные сделки, шел обмен новостями международной жизни). Они строились в позднем Ташкенте в виде обширного двора, обнесенного по периметру айванами-навесами с балочным перекрытием для размещения вьючных животных и мелкого и крупного рогатого скота с кормушками у стен, складами и помещениями для сторожей и приезжих, с чайхоной в одном из айванов. На втором этаже устраивались крытые болохона для хранения сена.

«Среди базаров» располагался и главный идеологический центр города — пятничная мечеть.

Соборная мечеть Ташкента — Джами, перестроенная в XIX в. на фундаментах конца XV века, — относится к характерному типу дворовой мечети, но вытянута по продольной оси больше обычного (кат. 11). По размерам она — третья из самых больших пятничных мечетей Узбекистана: размеры самаркандской мечети Биби-Ханым в плане — 167×109 м, Калян в Бухаре — $126,5 \times 81,4$ м, ташкентской Джами — $91 \times 36,5$ м. Первые построены раньше, в эпоху Тимура и Улугбека, это шедевры мирового зодчества, облик той и другой неповторим по остроте силуэта, богат-

Мечеть Джами. План.

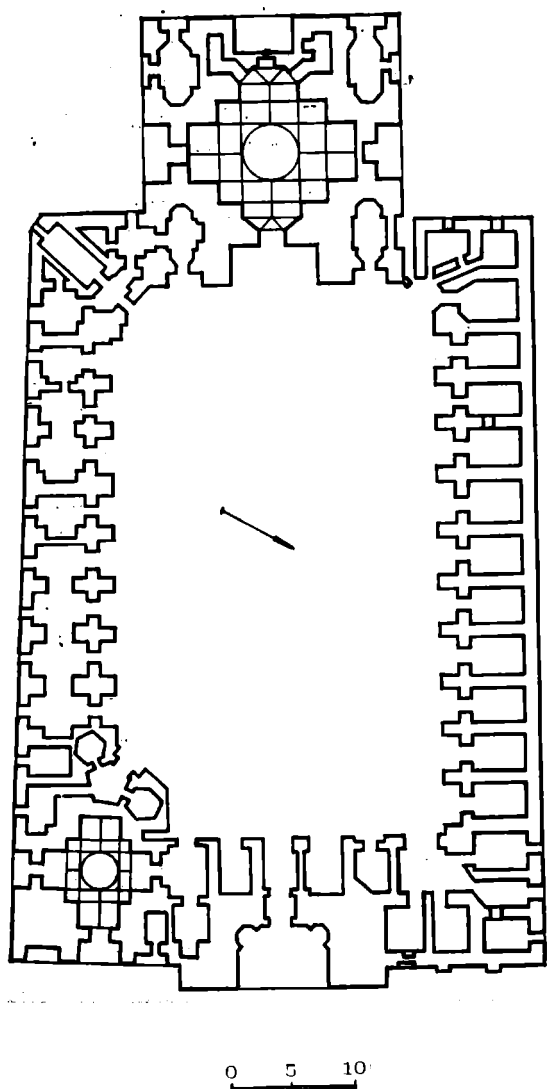

ству красок, оригинальности. По сути, они — разновидность одного и того же типа архитектурной композиции — развитого дворового комплекса, вытянутого по продольной оси, обведенного по периметру арочно-купольными галереями.

Трудно судить о пластической проработке форм мечети Джамии в Ташкенте, так как она сильно перестроена. Но динамика основной идеи дворовой мечети подхвачена в ее решении, хотя и с упрощениями: отпал парадный вход, галереи по периметру двора сократились до одного пролета, оставляя минимум удобств, при сохранении их композиционной роли — мерного ритмического ряда, подводящего к главному объекту — купольному зданию с михрабом. Если пропорции двора мечети Калян составляют два квадрата, создавая достаточно острое решение, с перебивкой ритма поперечной осью, то в ташкентской Джамии это соотношение еще более утрировано, до трех квадратов.

Очевидно, что, отталкиваясь от существующих «типовых» схем, зодчие Ташкента в конце XV века сделали шаг в том направлении, что и их предшественники, но своеобразно, исходя из условий Ташкента. Не исключено, однако, как полагает Г. А. Пугаченкова, что чрезмерно вытянутый двор был удлинен при перестройке в XVIII в. (74, с. 59).

Среди массивов жилья в каркасных, не дошедших до наших дней строениях и частных домах размещались школы начального обучения — мактабы; они были довольно многочисленны (в

Медресе Ходжа Ахрара. План.

Медресе Кукельдаш. План.

Медресе Барак-хана. План.

шейхантаурской части их было 42). А высших учебных заведений — медресе в Ташкенте было сравнительно немного (пять в Шейхантауре, три — в Сибзаре, два — на Кукче, три — на Бешагаче, причем, располагались они в больших городских общественных центрах) (104).

Ташкентские медресе были самыми крупными зданиями главных ансамблей — Чорсу (медресе Ходжа Ахрара 1451 г., Кукельдаш середины XVI в.), площади Регистан у Арка (медресе Беклярбека), комплекса Хазрет Имама (медресе Барак-хана 30—50-е годы XVI в., Муй Мубарак XIX в., Кудават), Шейхантаура (Ишанкул-датха 40-х годов XIX в., Хазрети Юнусхана), Бешагача (Сеид Абулькасым середины XIX в.).

Если сравнить медресе Ходжа Ахрара* со всемирно известными медресе XV в. эпохи Тимура и Улугбека, то окажется, что по размерам оно близко к самому меньшему из них, медресе Улугбека в Гиждуване (размеры гиждуванского — 34×29 м, ташкентского — $32,5 \times 29$). Каждое может уместиться во дворе медресе Улугбека в Самарканде (общие размеры — 81×56 м, двор 30×30 м).

Нетрудно заметить, что независимо от размеров, сложности и насыщенности, тип композиции здания неизменен в принципе. Это квадратный или прямоугольный продольноосевой замкнутый комплекс, сгруппированный вокруг квадратного двора. В наиболее крупных и развитых медресе общественные и жилые помещения находятся в сложном соподчинении между собой, при главенствующем положении общественной части.

Общественные помещения обычно примыкают к главному фасаду. Аудитории — дарсхона и мечеть, — купольные залы располагаются в углах комплекса. Входная общественная группа дополнена в центре анфиладой купольных пролетов мион-сарая (вестибюля) и коленчатых проходов, ведущих во двор. Летними дарсхона служили глубокие айваны на осях дворов. Это существенный композиционный момент: в центре двора комплекса образуется дополнительная поперечная ось, так что в типологии можно выделить группу четырехайванных медресе, характеризующих при этом наивысшую степень развитости композиции. Жилые худжры занимают в четырехайванных медресе подчиненное положение, заполняя мерным рядом арочных ниш контур по сторонам двора; худжры равновелики по площади, в зависимости от возможностей проработки основных залов.

В малых медресе Улугбека — гиждуванском, бухарском — принята упрощенная двухайванная схема двора и лишь одна поперечная ось во входной части нанизывает на себя дарсхону, вестибюль и мечеть. Жилье отделено от общественных залов и концентрируется вокруг двора, худжры равны по размерам. Продольная ось комплекса подчеркнута крупной порталной формой летней аудитории-айвана, углубленной граненым выступом на заднем фасаде здания. Принцип симметрии, строгости композиции ничем не нарушен в произведениях первой половины XV в.

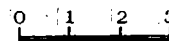
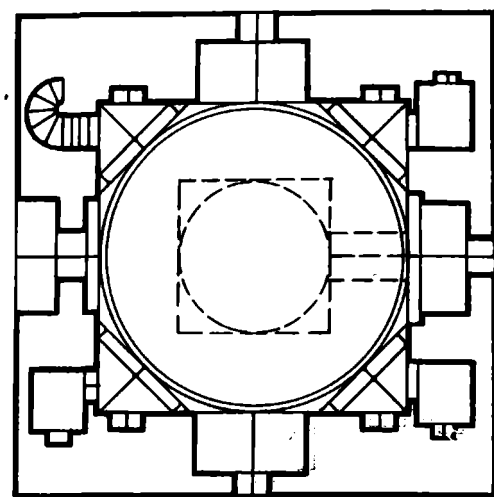
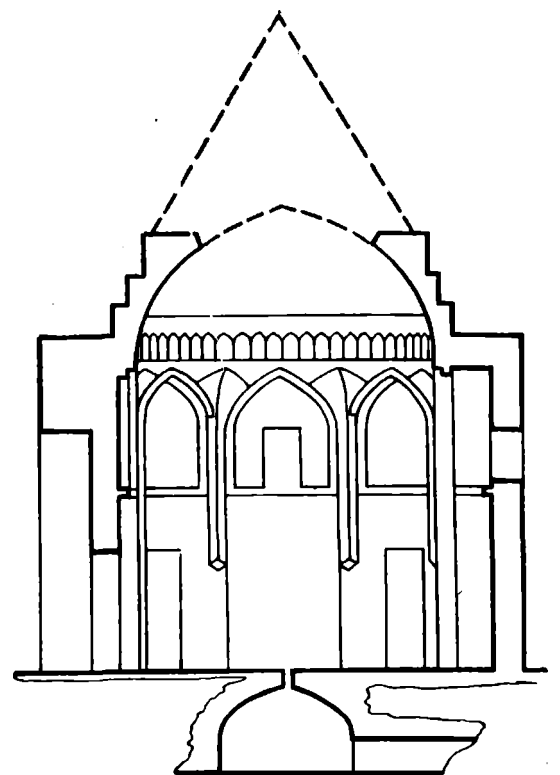
В литературе не раз отмечались (78, с. 122; 89, с. 60) аскетизм и сухость архитектуры ташкентского медресе XV в., связанные со спадом строительной деятельности в период клерикальной реакции и скупостью заказчика — Ходжа Ахрара. Так, видимо, и обстоит дело с художественным обликом здания, лишенного декора. Но история архитектуры знает примеры того, как в сложных условиях рождается новое качество в проработке привычных схем. Ташкентские мастера, строившие медресе Ходжа Ахрара, не повторяли его прототипы — двухайванные медресе Улугбека, знаковую задачу они решали заново. С фасадов медресе удалены все пластические формы — выступ входного портала, угловые башни — гульдаста, граненый выступ на оси двора. План медресе вписан в четкий прямоугольник, вытянутый по продольной оси

* Ныне не существует, разобрано в 50-х годах XX в.

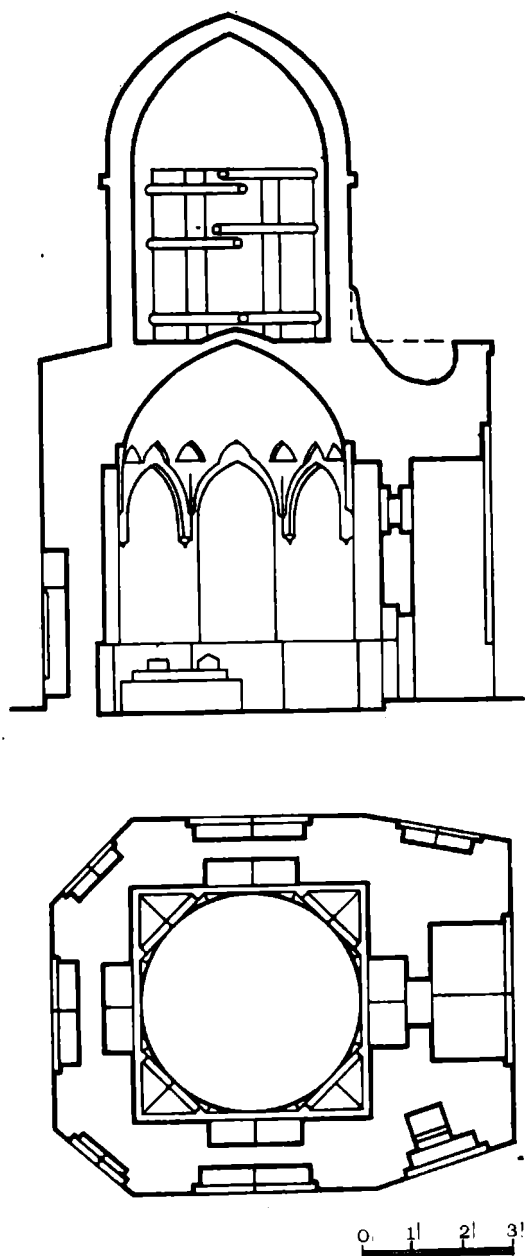
север — юг и отмеченный купольным вестибюлем, подквадратным, чуть вытянутым двором и прямоугольной глубокой, без уступов, нишей летней мечети. Входная группа асимметрична, квадратная дарсхона и коленчатый проход в восточной части разобщены, на западе на одной оси с вестибюлем устроен продолговатый зал мечети. По наблюдениям Г. А. Пугаченковой, первоначальное перекрытие его было в виде трех куполов на поперечных арках, подобно медресе в Гиждуване — один из излюбленных приемов зодчества эпохи Тимура и тимуридов. Залы такого типа сохранились в мавзолее Ходжа Ахмада Яссави в Туркестане (конец XIV в.), в трех мечетях (30-е годы XV в.) ансамбля Шах-и Зинда; фундаменты таких же трехпролетных залов открыты в обсерватории Улугбека в Самарканде. Рационализм строителей ташкентского медресе выразился в усилении значения его жилой части: число худжр увеличено в дальних углах двора, там, где в первой половине XV в. устраивались аудитории. Вход в них — через узкие коридоры, выводящие на улицу. Вторая пара этих необычных коридоров — в южных углах двора со входами к дарсхоне и во двор. Раньше таких удобных второстепенных входов в медресе нигде не делали.

Приемы эти воспроизведены в медресе Кукельдаш (конец второй половины XVI в.) в Ташкенте (кат. 12), решенном также в двухайванной дворовой системе, несмотря на очень крупные размеры постройки, при которых обычно выбирались четырехайванные композиции, и в медресе Барак-хана (30—50-е годы XVI в.), сложившемся исторически, нестандартно, как культово-мемориальный комплекс, с двумя центрическими мавзолеями-ханака в основе (кат. 15). Ко времени, когда они были построены, в Бухаре уже было возведено медресе Мири-Араб, в котором снова обнаружил себя гений среднеазиатских мастеров — в скульптурной выразительности крупных форм и открытии новых видов декора, сочетающих «опоэтизированную геометрию» гирихов и пространственных построений — сталактитов с изысканным рисунком цветных мозаик. Ташкент оказался в русле развития этой ведущей школы XVI века, сохранив при этом свой сдержанный и строгий характер в архитектуре и медресе, и мавзолеев, поздних мечетей-намазга с умеренным декором, но вносящих интересную лепту в разработку композиции зданий. Не отступает от лучших ташкентских традиций XVI века и крупное медресе середины XIX в. (1864 г.), сохранившееся в квартале Янги махалля (93, с. 9—12). Оно симметрично по композиции, вытянуто по продольной оси запад-восток. Двухайванный квадратный двор со срезанными углами обведен правильным ритмом двухэтажной аркады, ведущей в жилые худжры. В глубине двора — купольный зал летней мечети. Входная группа симметрична, состоит из развитого коленчатого семикупольного вестибюля, дарсхоны и мечети на концах поперечной оси. Купольное перекрытие дарсхоны выполнено в системе пересекающихся арок.

Особенно полно и разнообразно представлены в Ташкенте типы мемориальных сооружений. В подходе к решению одной и той же задачи — однокамерной усыпальницы — фантазия зодчих рождала множество вариантов пластической проработки немногих устойчивых геометрических форм и типов их композиции. Мавзолей Калдыргач-бия (кат. 9) представляет при этом тип центрической усыпальницы, а мавзолей Амбар-биби (кат. 3) — портално-купольной, граненой. И тот и другой типы находят параллели в современной им архитектуре. Тип центрической композиции известен в Средней Азии с древнейших времен; в мемориальном зодчестве эпохи феодализма он проявился в первом из известных мавзолеев — Исмаила Самани в Бухаре (конец IX в.). В первой половине XV в. тип центрического, раскрытого на все четыре стороны арочными проемами купольного мавзолея — киос-

Мавзолей Калдыргач-бия. Разрез, план.

Мавзолей Амбар-биби. Разрез, план.

ка в чистом виде — представлен в самаркандском памятнике Чупан-ата. Это квадратное в плане небольшое здание, с характерным силуэтом стройного двойного купола на пересекающихся кирпичных арках в основании. Установлено, что арочные проемы в его стенах были заложены поздними кладками. Современный ему мавзолей Калдыргач-бия крупнее, квадратен, центричен в общем рисунке плана, стены его изнутри прорезаны четырьмя арками, в которых с трех сторон устроены ниши, а с юга, где нет торцевой наружной стены, сделан главный вход в мавзолей. Как видим, строгой центричности здесь нет: объем замкнут, намеченная входом ось композиции север — юг поддержана расположением входа в склеп с севера. Однако портала здесь нет*, есть входы через двери в трех прочих нишах (заложены). Это — фасадная композиция, решенная своеобразно по силуэту: над мавзолеем, как видно на фото XIX в. (49, с. 108), был двойной многогранный шатровый купол, который недавно восстановили. Центрическая и фасадная композиции, как образцы ведущих идей организации восприятия пространства, с успехом использовались и позже зодчими XV—XVI вв. В Ташкенте в чистом виде такие больше не встречаются.

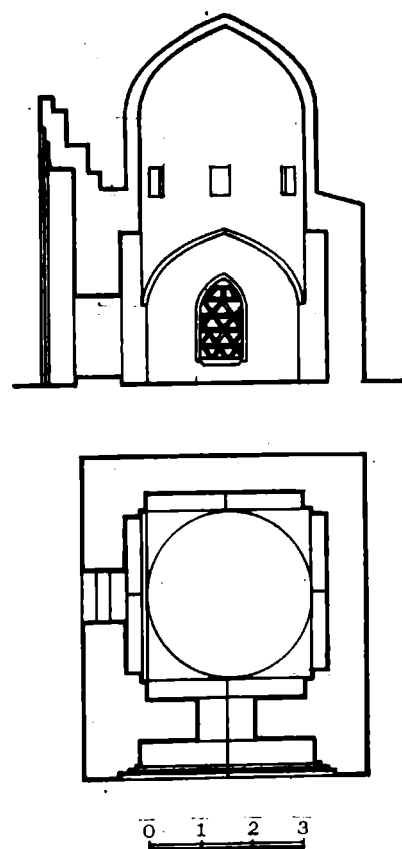
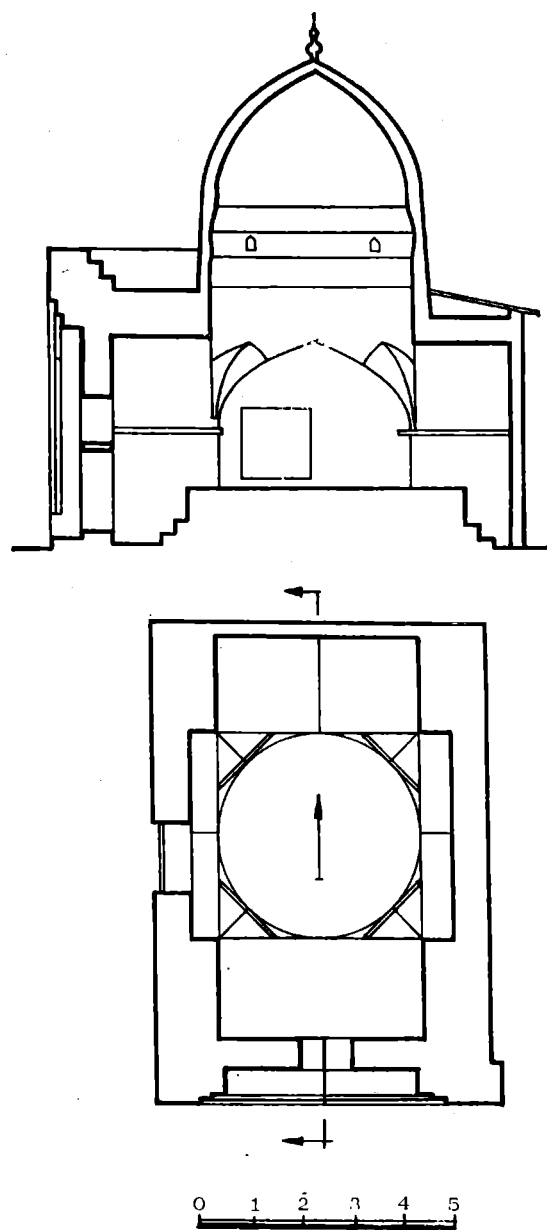
Известнейший тип композиции однокамерных мавзолеев — портално-купольный, который преобладал в самаркандской школе зодчества конца XIV—XV вв., в Ташкенте XV в. представлен лишь разновидностью — с граненым основанием; чистые формы прямоугольных портално-купольных мавзолеев в Ташкенте характерны для позднефеодалного времени. Мавзолею Амбар-биби присуща пластичность форм: легко отметить небольшой уклон стен, утонение портала и барабана купола кверху, срезы углов, своеобразны плоские нишки в наружных гранях. Форма граненого портално-купольного мавзолея очень характерна для XV в.; в тонких поисках различной пластики и средств выразительности при решении известных задач проявляется закон единства в многообразии. К этим формам обратились зодчие в начале XV в. в Самарканде; были сооружены восьмигранные мавзолеи — всемирно известный Гур-Эмир и Биби-Ханым, в некрополе Шах-и Зинда — центрический киоск «Восьмигранник». В конце XV в. на окраине тимуридского государства в г. Ясы (Туркестан) выстроен восьмигранный портално-купольный мавзолей Рабии Султан-бегим (дочери Улугбека).

В средневековом зодчестве Средней Азии известно несколько разновидностей портално-купольных построек: портал либо вписан в единый призматический корпус с помещениями, либо выступает из объема здания, выделяясь отдельной формой. Камера при этом может быть замкнутой, со входом лишь из портала, или открытой — с двух, трех или четырех сторон.

От этих образцов и исходит композиция небольших ташкентских мавзолеев XVII—XIX вв. — Ибрагим-ата (кат. 13), Муин-халпа-бобо (кат. 24), Чупан-ата (кат. 22) и Ходжа Бахретдин-допа (Кушчимазар, кат. 25), только купола здесь одинарные, на барабанах, упрощены подкупольные конструкции, предельно скуп декор, уменьшены размеры. Выполнены они профессионально, со знанием строительного дела и архитектурных традиций. В них появляется один прием, отмеченный только в Ташкенте: кроме входного проема в портале во всех мавзолеех сделан низко посаженный оконный проем в западной боковой стене, забранный либо резной деревянной панджарой, либо кирпичной решеткой. Происхождение его, видимо, чисто культовое.

Вторая разновидность портално-купольных мавзолеев Ташкента и Ташкентской области — с выступающим из кубического объема невысоким порталом — также продолжение известной композиционной линии среднеазиатской архитектуры, прослеживаемой на всех этапах ее развития. Древнейшие представители этого типа, которые до открытия мавзолея в Тиме можно было бы пос-

* Для XI—XII вв. была характерна еще одна форма, переходная от центрических к порталным композициям, — обработки в виде портала одной фасадной стены квадратного в плане мавзолея, как это сделано на мавзолее Мир-Сеид-Бахрам в Кермине, но в Ташкенте она не развивалась.

читать неким хронологическим этапом разработки портално-купольного решения — мавзолеем Исхак-ата X в. в некрополе Хусам-ата в с. Фудина Кашкадарьинской области, мавзолеем XI в. Аламбердара в Астана-баба Туркмении. В Ташкентской области, под Ангреном, недавно обнаружен вросший в землю мавзолей, в кладке которого использован продолговатый «караханидский» кирпич, характерный для XI—XII вв., и архаичные ступенчатые паруса — Гумбез-бобо (кат. 26). Перекрытий и свода портала уже нет, а в плане мавзолей Гумбез-бобо соответствует нашей второй разновидности квадратных портално-купольных мавзолеев с одним входом.

Композиционная идея квадратного центрального со слабо развитым порталным входом мавзолея была присуща и эпохе Тимура: таков один из известных мавзолеев на территории Самарканда этого времени — Рухабад (80-е годы XIV в.). Плоский, как бы символический портал его, украшенный в нише сталактитовым сводом, акцентирует внимание на одном из четырех арочных входов в памятник (два из них были заложены при ремонтах) и обращен на юг. Именно этот тип композиции использован в крупном мавзолее-ханака Кызыл-мазар (кат. 27) около Бекабада Ташкентской области, отнесенном предварительно к пределам XVI—XVII вв. (69). В XVIII и XIX вв. тема замкнутого квадратного в плане мавзолея со слабо выраженным низким порталным входом с одной стороны проявилась в ташкентских мавзолеех Хайрабад-ишан (кат. 19) и Ходжа Аламбардор (кат. 18) (74).

Особенно интересны ташкентские многокамерные мавзолеи ханака XV—XVI вв. Старший из них мавзолей Юнус-хана (конец 80—90-х годов XV в.) (кат. 10) решен необычной Т-образ-

Мавзолей Ибрагим-ата. Разрез, план.

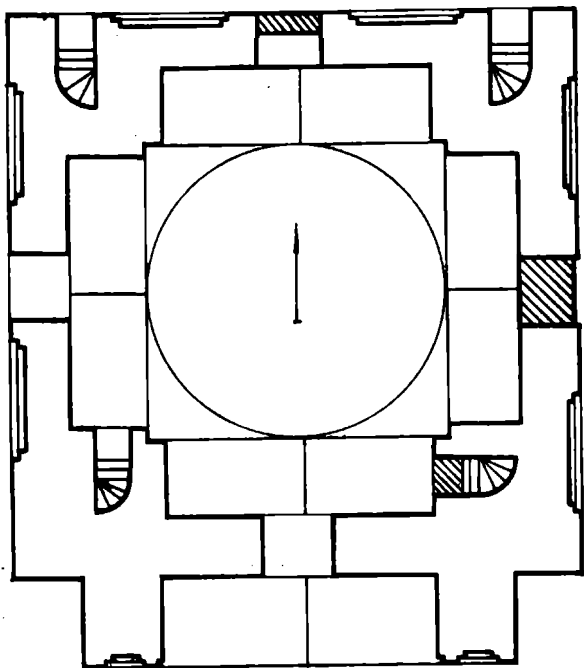
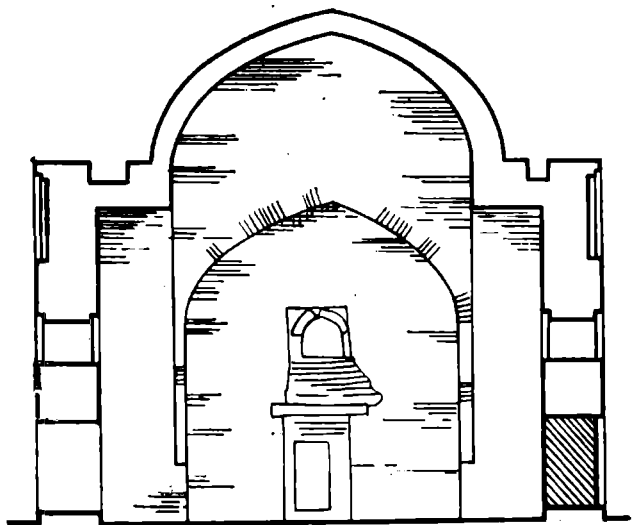
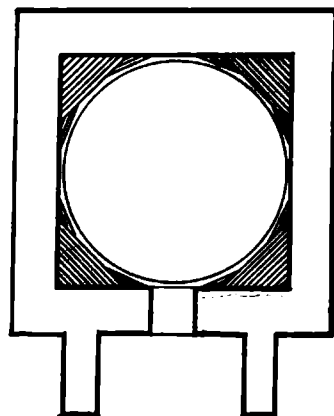
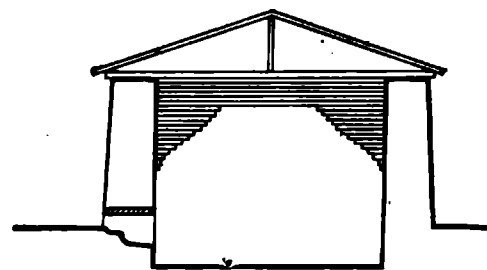
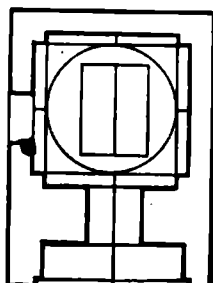
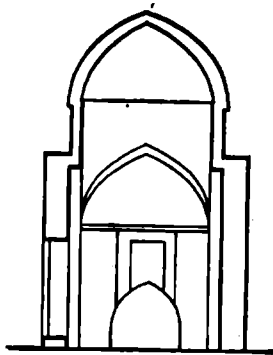
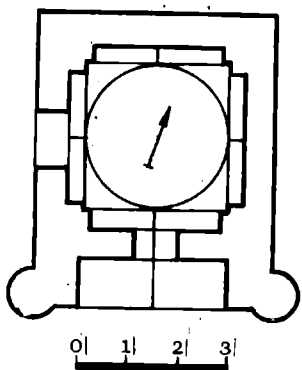
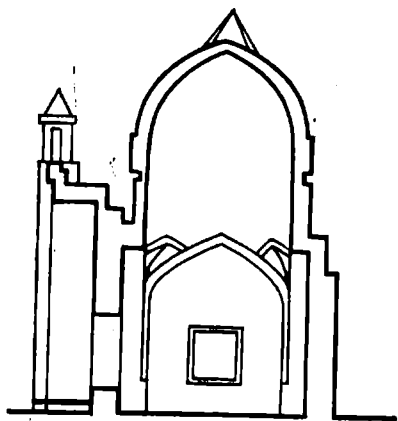
Мавзолей Муин-халпа-бобо. Разрез, план.

Мавзолей Чупан-ата. Разрез, план.

Мавзолей Ходжа Бахретдин-дона (Кушчи-мазар). Разрез, план.

Мавзолей Гумбез-бобо. Разрез, план.

Кызыл-мазар. Разрез, план.

ной в плане схемой за счет развития фасадной части, включающей дополнительную группу двухэтажных худжр. Подобное решение известно для XV в. по одному из лучших памятников эпохи тимуридов — поминальной мечети у могилы Мавляна в Тайбаде (Иран), где, однако, нет пластической формы ниши, выступающей в мавзолее Юнус-хана на заднем фасаде. Прием этот развивался в ташкентских мавзолеех-ханака 50-х годов XVI в. в эксцентричном расположении ниши в мавзолее Каффаль Шаши (кат. 14). Ниша при этом оказалась на западе. Интересно проследить, как подхватили эту тему авторы следующего, близкого по времени к Каффаль Шаши мавзолю Баба-ходжа (80-е годы XVI в.). Он стоял напротив мавзоля Каффаль Шаши, к северу, и из-за ветхости был разобран в 1930 гг. Здесь был точно такой же главный портал с выходами на лестницы в пилонах из щечковых стен порталной ниши. По сторонам квадратного зала мастера устроили две граненые ниши, причем, восточная — с добавочным боковым порталным входом, усугубляющим асимметрию. Не было ли это случайным отклонением от норм, предписывающих правильность симметрии контуров зданий? Или, напротив, показателем большей свободы композиций в XVI веке по сравнению с более строгими правилами эпохи тимуридов? Отнюдь, нет! Тенденции к живописности композиции, нарушению жесткой симметрии при общей уравновешенности схемы можно встретить и в XV в. — например, мазар Мулла Калян в местности Зиарет близ Герата (89 а, с. 78) и, наоборот, — правильность симметрии при общей развитости плана мавзоля-ханака — в 30-х годах XVI в. в мавзолее Суюнидж-хана в ташкентском комплексе медресе Барак-хана. Это самостоятельные, параллельно развивающиеся пространственные идеи, с общим

поступательным ходом развития, выводящим их в новое время на новый уровень*.

К пределам XV—первой половины XVI веков, кроме того, относится и неизвестный мавзолей № 1, встроенный в юго-восточный угол медресе Барак-хана; как и мавзолей Суюнидж-хана, он несет черты и центрической, и портално-купольной композиции: зал последнего доступен входу со всех сторон через порталные ниши фасадов и интерьера, центр композиции венчался прекрасным голубым куполом с мозаичным барабаном. Продольной оси симметрии словно бы и нет в подквадратном плане, но:

восточный портал расширен в полтора раза по сравнению с остальными, поднят над фасадами в формах внушительного декорированного некогда пещака, тогда как другие выявлены лишь в пластике фасадов;

углублены восточными абсидами восточная и западная ниши интерьера, остроумно решая при этом задачу выхода на лестницы внутри пилонов;

полуосьмигранные ниши на осях восток — запад удлиняют помещения худжр в угловых отсеках здания.

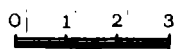
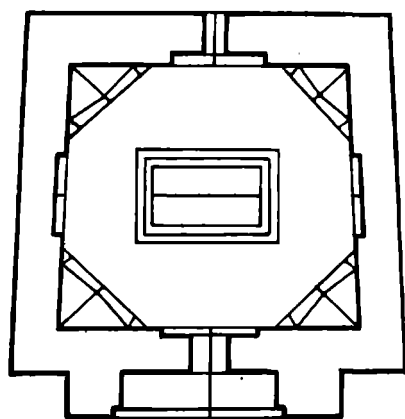
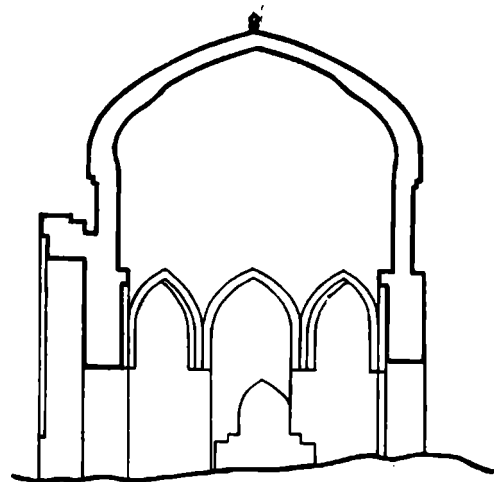
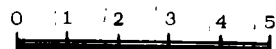
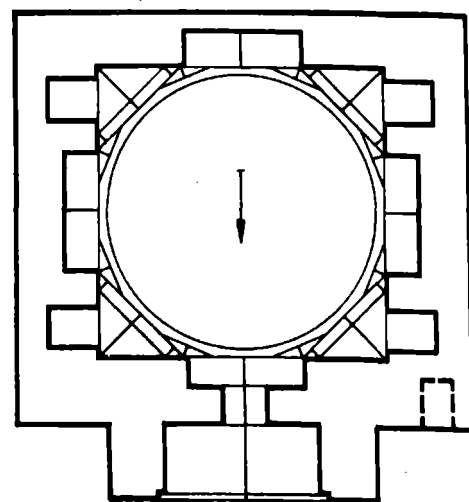
Направленность движения по оси создается здесь архитектурными средствами, в тонко продуманном соотношении и акцентах форм. Это зрелое мастерство, свободное управление формой, без копирования готовых образцов. Такую композицию надо также считать не центрической, а фасадной — в ее многокамерном варианте.

Черты зрелости сложившегося типа несет в себе и крупнейший ташкентский мавзолей-ханака XVI в. — Зайнабдин-бобо (кат. 17), продольноосевой, портално-купольной композиции, по размерам и монументальности родственный крупнейшим известным ханака конца XVI в., например, Ходжа Илим-кан под Китабом и Хаки-ми Мулло Мир в Рометане под Бухарой. Вместе с тем, это произведение явно ташкентской школы, развивающее в новом качестве приемы, найденные в мавзолеях Юнус-хана (выход в угловые худжры из углубленной входной ниши зала), Каффаль Шаши и Суюнидж-хана (раскрытие крестообразного зала наружу через порталные входы со всех фасадов, выделение главного портала размерами, пластикой форм, разнообразием форм худжр, вписанных в угловые пилоны — круглые, квадратные, прямоугольные, восьмигранные). Облик зданий при этом индивидуален.

Ранний из мавзолеев Ташкента конца XIV в., заложенный в тимуровское время мавзолей Зенги-ата в Янгиюльском районе (кат. 1), — образец двухкупольной продольно-осевой композиции. Подобная композиционная тема варьировалась в XIV—XV вв. неоднократно.

Тема сложного мавзолея, в котором разделены усыпальница (гурхона) и зал для обрядов поклонения и поминовения (зиарет-хона), развивалась, начиная с XI—XII вв., и оформилась в четкую архитектурную композицию лишь к первой половине XIV века. Ее представляют известные мавзолеи Буянкули-хана и Сайфеддина Бохарзи второй половины XIV века в Бухаре, шейха Мухтара Вали в селении Остана Янгиарыкского района Хорезмской области начала XIV в. и другие. Кульминацией их развития были крупнейшие тимуровские постройки 80—90-х годов XIV в. — династическая усыпальница Доруссиадат в Шахрисябзе и мавзолей Ходжа Ахмада Яссави в Туркестане. В главном зале мавзолея Ахмада Яссави можно было бы поставить мавзолей Зенги-ата!

По известной легенде, строительство огромного здания в Туркестане двигалось медленно: по ночам все, что сделано за день, ломал рогами черный бык и никто не знал, когда будет конец этой напасти. Тогда Тимур уединился для молитвы и через много дней во сне ему явился сам Ходжа Ахмад и велел выстроить сначала мавзолей его мюриду (последователю) ташкентцу Ай-Ходжа,

Мавзолей Аламбардора. План.

Мавзолей Хайрабад-пшан. Разрез, план.

* Дальнейшие исследования покажут, были ли эти памятники предназначены для захоронения или служили ханака — поминательными мечетями при некрополе под открытым небом, что было характерно для XVI века в Средней Азии (возрождение в новом качестве традиций раннего ислама, запрещавших возведение зданий над могилами).

прозванному Зенги-ата. А построив, якобы, ташкентский, успешно закончили и туркестанский мавзолей. Может быть, и не все в этой легенде вымысел: в ходе реставрации туркестанского мавзолея выяснилось, что в середине 90-х годов XIV в., когда был выведен первый ярус, строительство прервалось, изменились архитектурный замысел, стройматериалы и, видимо, мастера. Очевидна общность архитектурной идеи, заложенной в основу того и другого произведения: выделение значимости памятника парадным пештаком, за которым следует крупный зал поминалений, отделенный от следующего по оси, замкнутого для непосвященных святилища-усыпальницы. Архитектурно-археологическое изучение мавзолея Зенги-ата показало, что портал его — продукт второго, близкого по времени, строительного периода, судя по характеру декора, не позднее первой половины XV в. Остатки стен указывают, что основные объемы мавзолея были заключены в комплекс помещений, остатки которых были уничтожены землетрясением 1868 г. и ремонтом конца XIX в.

Известно, что в конце XIV—XV вв. параллельно развивалось несколько видов композиции многокамерных мавзолеев. Среди продольноосевых многокамерных мавзолеев в настоящее время различаются (73) два основных варианта: со ступенчатым и прямоугольным призматическим корпусом. Надо отметить, что ташкентским памятникам присущ ступенчатый вариант, выявляющий в объемной композиции внутреннюю структуру здания с разными по размерам помещениями. Аналогичное построение отмечено в единичных известных памятниках: в мавзолеех XV—XVI вв. Куката под Самаркандом, Шахи Джалиль — в комплексе Подшо Пирим под Кокандом (26), мавзолей Сайфеддина Бохарзи под Бухарой. Призматический вариант более распространен; в прямоугольный корпус вписываются либо два помещения, одинаковых по размеру, но различных по архитектуре, либо большая зиаретхона и две малые усыпальницы за ней на поперечной оси. Эти в обоих случаях интересные памятники с острым сплусом встречаются в изобилии в Хорезмском оазисе и меньше — в Мавераннахре*.

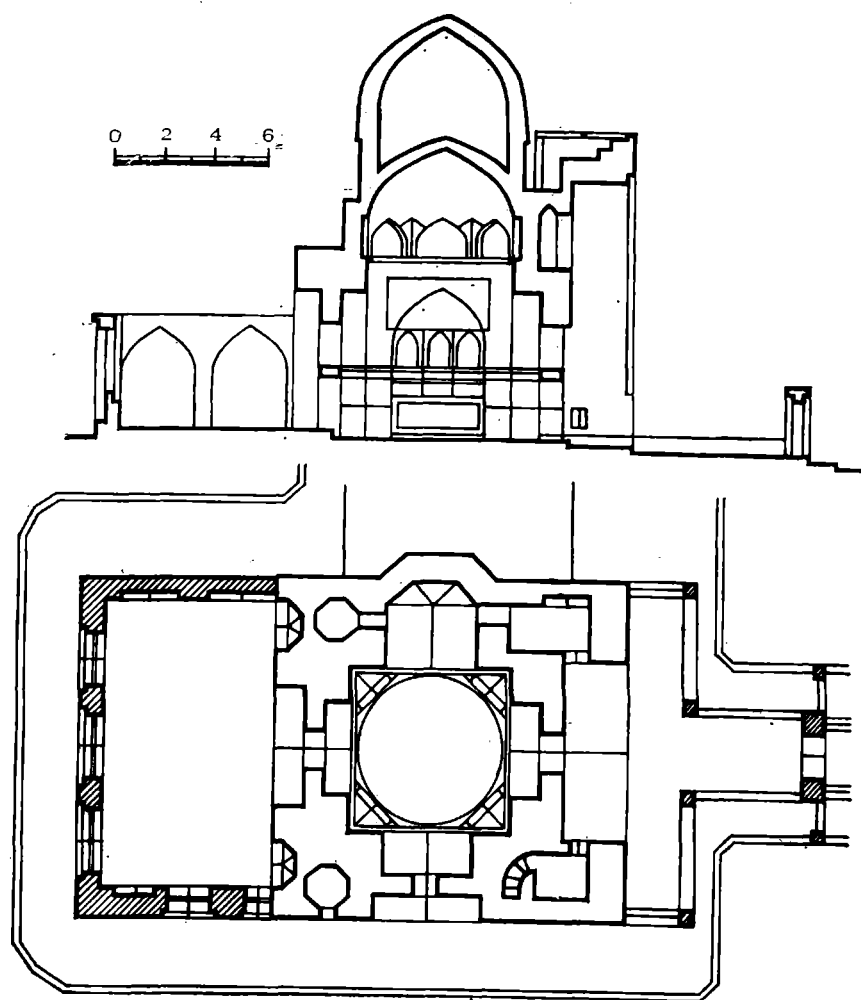
Контуры полного комплекса помещений, окружающих гурхону и зиаретхону мавзолея Зенги-ата — археологически еще не обозначились. Но само первоначальное ядро постройки — помещения зиаретхоны и гурхоны, связанные продольной осью со скромным порталным входом, было повторено позже в мавзолее шейха Хавенди Тахура (кат. 8). Архитектура этого мавзолея — поздняя грубоватая реплика изящным формам мавзолея Зенги-ата: фасады и интерьеры его лишены декора, ярус арочных парусов слит с четвериком, грани арок опущены донизу так, что проекция их образует в основании зиаретхоны фигуру восьмигранника с необычными треугольными пишками по углам. Это не шаг вперед, а обращение к древней традиции: подобным же образом решены интерьеры мавзолея XI в. Мирсайд Бахром в Кермине. Переживание этого прототипа свойственно не только Ташкенту. Этот прием встречаем в мавзолее XV в. в селении Астана-ата Самаркандской области (88) и в гурхоне Хусам-ата в комплексе Фудина близ Карши, перестроенной в XVIII в. на месте более раннего здания (70).

В коллекции ташкентских монументальных памятников есть две самые крупные из известных в Средней Азии монументальных мечетей — намазгох, относящихся к XIX в.; одна — в ансамбле Хазрет Имам (кат. 16), другая — в комплексе Зенги-ата (кат. 4). Оба здания построены в традициях среднеазиатского зодчества; выделен центральный портално-купольный объем, фланкируемый по сторонам четырехпролетными в два ряда крыльями арочно-купольных галерей, дополнявшихся по фронту еще и легким деревянным айваном.

* Примеры двухкупольных призматических мавзолеев XV—XVI вв. — Биби Бувайда и Бустон Бува под Кокандом в Ферганской области (26), XVI в. — Юнус-хана в Хиве, XVIII в. — Шапоат Азиза в Кошкуньском районе (103, с. 102), Джан Харасших-бобо (71) — в Ургенчском районе Хорезмской области. Трехкупольных мавзолеев известно больше: XV в. — Чибирдон-бобо на городище Шабурган-ата в Кзылтепинском районе Бухарской области (73), Усман сеид-бобо (71) в Гурлене, руина на кладбище в с. Остана Янгиарыкского района, трехкупольный мавзолей Мир Мухаммед-Азиза на кладбище Иморат-бобо в Кошкуньском районе (103), шейх Хусейн-бобо и шейх Касим-бобо в Хазараспском районе Хорезмской области, Вали Аталык в комплексе Султан Ваис-бобо в Каракалпакии (71). Параллельно развивался и тип многокамерного мавзолея-комплекса с более развитой планировкой. Первый из них известен в начале XIV в. — мавзолей шейха Мухтара Вали в селении Остана Хорезмской области, в конце XIV в. — Доруссиадат в Шах-рисабзе и Ахмада Яссаи в Туркестане, в XV в. — Зенги-ата под Ташкентом и Улджа-им Инага в Самарканде, в XVIII—XIX вв. — мавзолей Биби Хаджар в Хивинском районе.

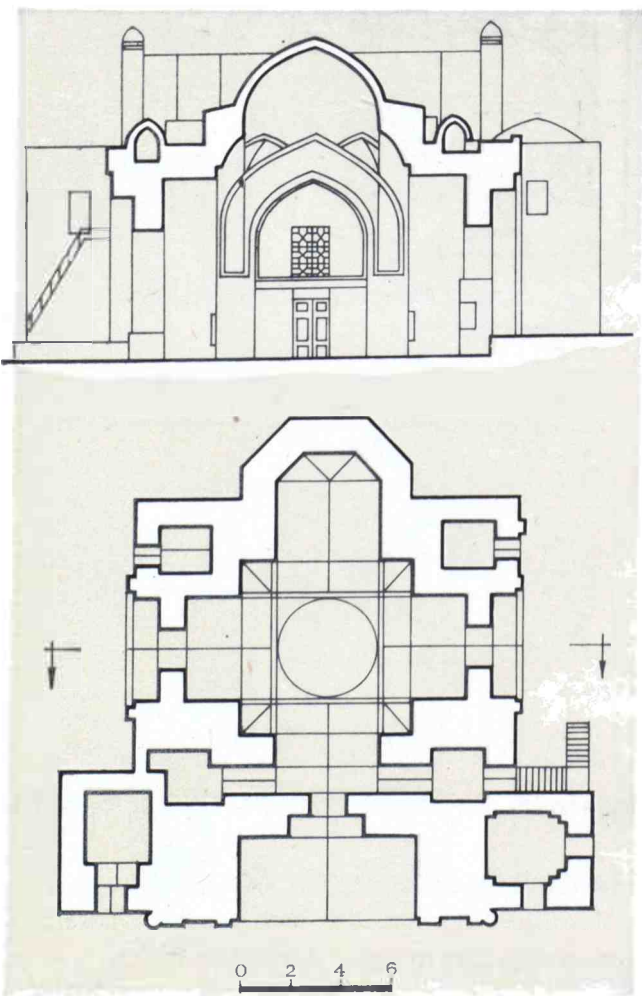
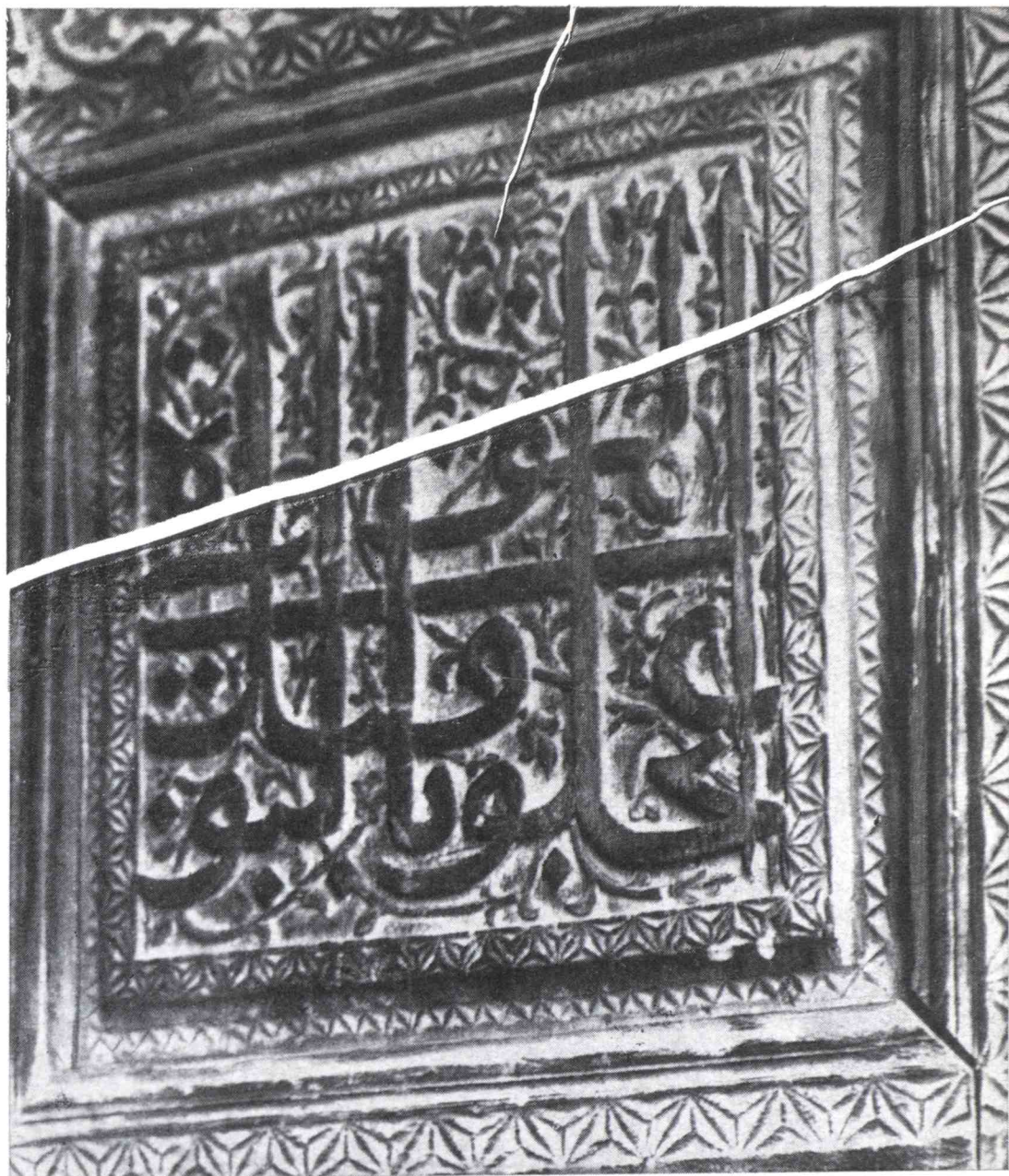
Ташкентские мечети-намазгох среди памятников этого типа весьма наглядны в сопоставлении. Намазгох — тип загородной мечети, служившей для праздничных молитв два раза в год — в праздники «курбан» и «фитр»; местом молитвы была обширная площадь (мусалля), вмещавшая массу народа со всей округи. Здание мечети лишь ориентировало молящихся в сторону Мекки, оформляя площадь развернутым фронтом. На ранних этапах сложения типа это было даже не здание, а стена с михрабом. Такая стена XII века сохранилась во встроенном виде в мечети намазгох в Бухаре (80-е годы XVI в.), где здание XVI века — сквозная арочно-купольная однорядная галерея в три пролета, с сильным выделением центрального портално-купольного объема. Однорядные же мечети типа намазгох XVI—XVII вв. известны в Кашкадарьинской области: трехпролетная — в комплексе Султан Мирхайдар в Касби, пятипролетная — за пределами Касби. Центральный объем с михрабной нишей выделен в них расширением центрального пролета галереи с выступом, граненым или прямоугольным — с тыла. Этой же традиции следуют намазгох XVIII—XIX вв. — семипролетная в Кермине и пятипролетная сырцовая руина близ Касана в Кашкадарьинской области.

Параллельно развивалась вторая разновидность типа мечетей-намазгох с двухрядной купольной галереей, в которую вписывался крупный купольный объем в центре. Развитие внутреннее пространство позволяло использовать здание более рационально: мечети Кок-Гумбаз в Ура-Тюбе (30-е годы XVI в.), Кок-Гумбаз в Карши (80-е годы XVI в.), построенные в пять пролетов, мечеть в с. Астана-бобо в Зирабулакских горах — в три пролета и другие. Ташкентские мечети-намазгох XIX в. — девятипролетные, непохожие друг на друга здания. Городская — массивная, очень протя-

Мавзолей Каффаль Шаши. Разрез, план.

Мавзолей Юнус-хана. Разрез, план.

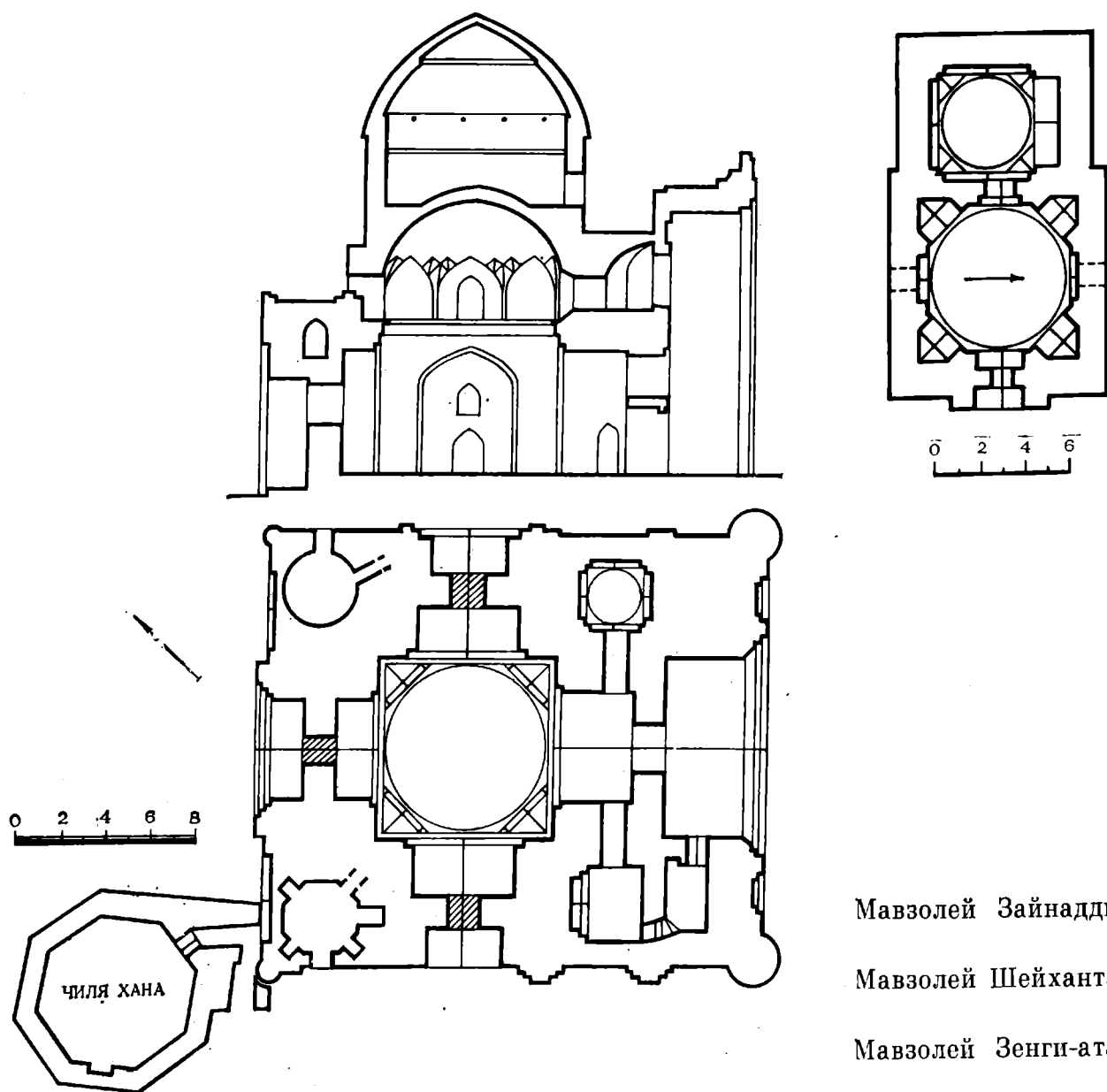
женная (в плане 54×14 м, сторона главного зала — 6,6 м, купола боковых галерей — 4 м), главный объем зала занимает всю ширину корпуса, его фасад лишь пластической проработкой приданы черты портала. Загородная мечеть в комплексе Зенги-ата миниатюрнее, меньше ($40,5 \times 15$ м), центральный зал вписан за счет абсидального выступа в ширину заднего ряда галерей, а в толще переднего ряда устроен глубокий порталный вход в зал.

Характерно, что, не считаясь со сложившейся архитектурной ситуацией участка, мечеть Зенги-ата была поставлена углом ко двору, замкнутому рядом худжр, превратив его в трапецию. Объясняется это, видимо, соблюдением точной ориентации михраба, возможной в условиях свободного участка застройки. А в тесных кварталах позднефеодалных городов асимметричные, неправильной формы культовые комплексы возникали сплошь и рядом, как рациональный ответ жестким конкретным условиям. Таковы, например, медресе Халифа Худайдод в Бухаре или медресе Уста Киргиз в Намангане (начале XX в.), которому придана форма неправильного пятигранного полигона. В Ташкенте подобные решения встречались неоднократно (мечеть-медресе Хаммом ишан Ходжа-казы начала XX в., мечеть-медресе по ул. Чигатай и др.). Таким образом, и в построении поздних ансамблей ташкентская архитектура, несмотря на кажущийся спад строительной деятельности, как и в эпоху подъема, следовала общему руслу развития архитектуры Средней Азии, находя оригинальные и самостоятельные интерпретации обычных тем.

Сказанное относится даже в большей мере, чем в монументальной архитектуре, и к народному зодчеству, жилищу и квартальным мечетям, где наиболее непосредственно проявлялись живой ум, здравый смысл и эстетическое чувство узбекских зодчих, изобретательность в создании каждого нового объекта, хотя строили их, казалось бы, из стандартных, взаимозаменяемых элементов каркаса, которые в готовом виде можно было приобрести на рынке, как продукт производства ремесленников-строителей (17 а, с. 81).

Если базар был средоточием деловой жизни города, то бани служили одним из его оживленнейших клубов.

Немногочисленные ташкентские бани, частично разбросанные по городу (на Алмазаре, улица Арпапая, Рисовой), в основном концентрировались на главном городском базаре, где их было шесть. Здесь — место деловых и соседских контактов мужского населения квартала. Мытье и массаж сопровождалось продолжительным отдыхом в раздевальных комнатах, парикмахерской, удобных чайхона, строившихся рядом с баней, на земле. А бани, как обычно, были полуподземными кирпичными строениями: заглубление в землю позволяло постоянно сохранять тепло. Известные образцы ташкентских бань свидетельствуют о хорошем знании использования лучших традиций среднеазиатского зодчества. Например, баня по ул. Махсидузлик (19, с. 119), баня Пуштихаммом (93) в структуре базара старого Ташкента представляли собой классическую схему древнейших среднеазиатских бань,

Мавзолей Зайнаддина-бобо. Разрез, план.

Мавзолей Шейхантаура. План.

Мавзолей Зенги-ата. Разрез, план.

подобных бане XV в. в Шахрисябзе, бане XVI в. — в Карши, в очень гармоничной ее интерпретации.

Строение бани вписывается в четкий прямоугольный контур, один из углов которого, как всегда, не заполнен. Центр композиции — октогональный зал (катта гумбаз, «кинник»), соединенный осевыми и диагональными арочными проходами с купольными помещениями, с суфами в боковых отсеках. Набор их обычен: раздевальная при входе, промежуточное помещение «дам олиш» для адаптации к температуре, центральный зал — для длительного пребывания во время самых существенных стадий купального процесса — массажа и подготовки к нему, проходившего на восьмигранной большой суфе в центре зала, дополнительные массажные комнаты были по сторонам. В глубине здания, за катта-гумбазом, располагались три комнаты с прохладной, горячей и теплой температурой, в которых через окошечко можно было зачерпнуть из резервуаров, расположенных за ними, холодную, горячую или теплую воду. Позади резервуаров была топка; регулирование нагрева помещений и резервуаров велось с помощью заложенной в полах системы отопительных дымоходных каналов. Тот же набор помещений, но в оригинальной, иной, тоже очень компактной, асимметричной композиции — был в банях по ул. Арпапая, на Алмазаре (92, с. 29), с сильно развитой до размеров крупного продолговатого зала с тамбуром входной частью и в бане на Чорсу, снесенной недавно в связи с постройкой высотной гостиницы.

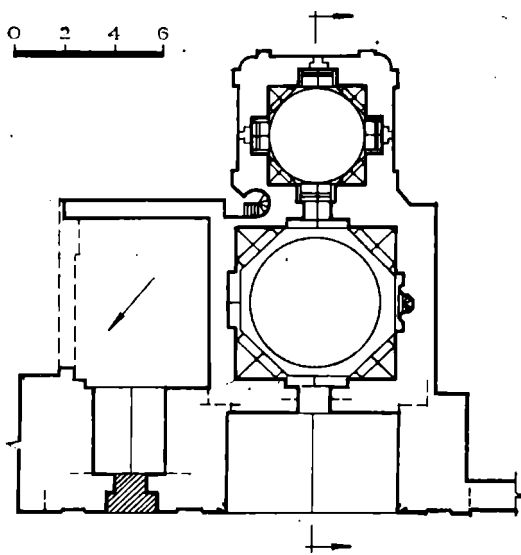
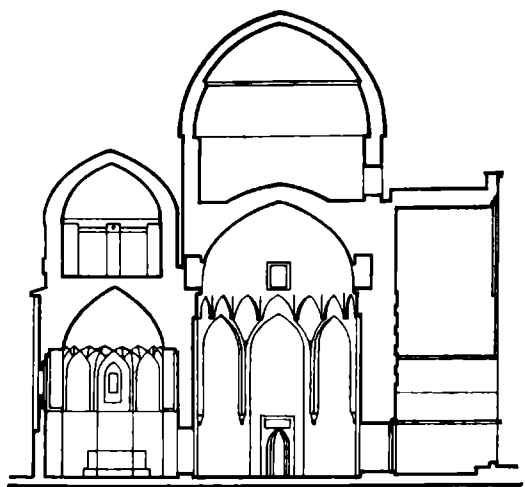
В гущу массивов жилой одно-двухэтажной застройки врезались и общественные центры кварталов-махалля. Идеологическим ядром комплекса общественного центра была, как правило, квартальная мечеть — место для пятикратных ежедневных намазов (мечетей в одном квартале могло быть несколько, поэтому их число в Ташкенте превышало количество махалля, например, 60 — в Шейхантауре, 76 — на Бешагаче), — располагавшаяся в чистом дворике, среди старых карагачей или чинар, осенявших водоем (хауз). В комплекс нередко входили почитаемое захоронение (например, Хайрабад-ишан в местности Катартал; в Букчинской части было 18 мазаров), минарет, подсобные постройки по сторонам двора.

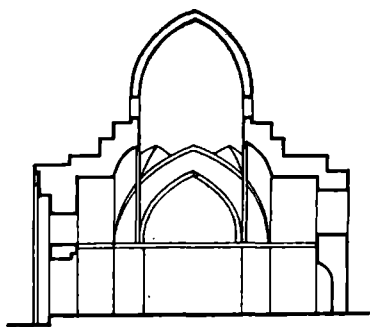
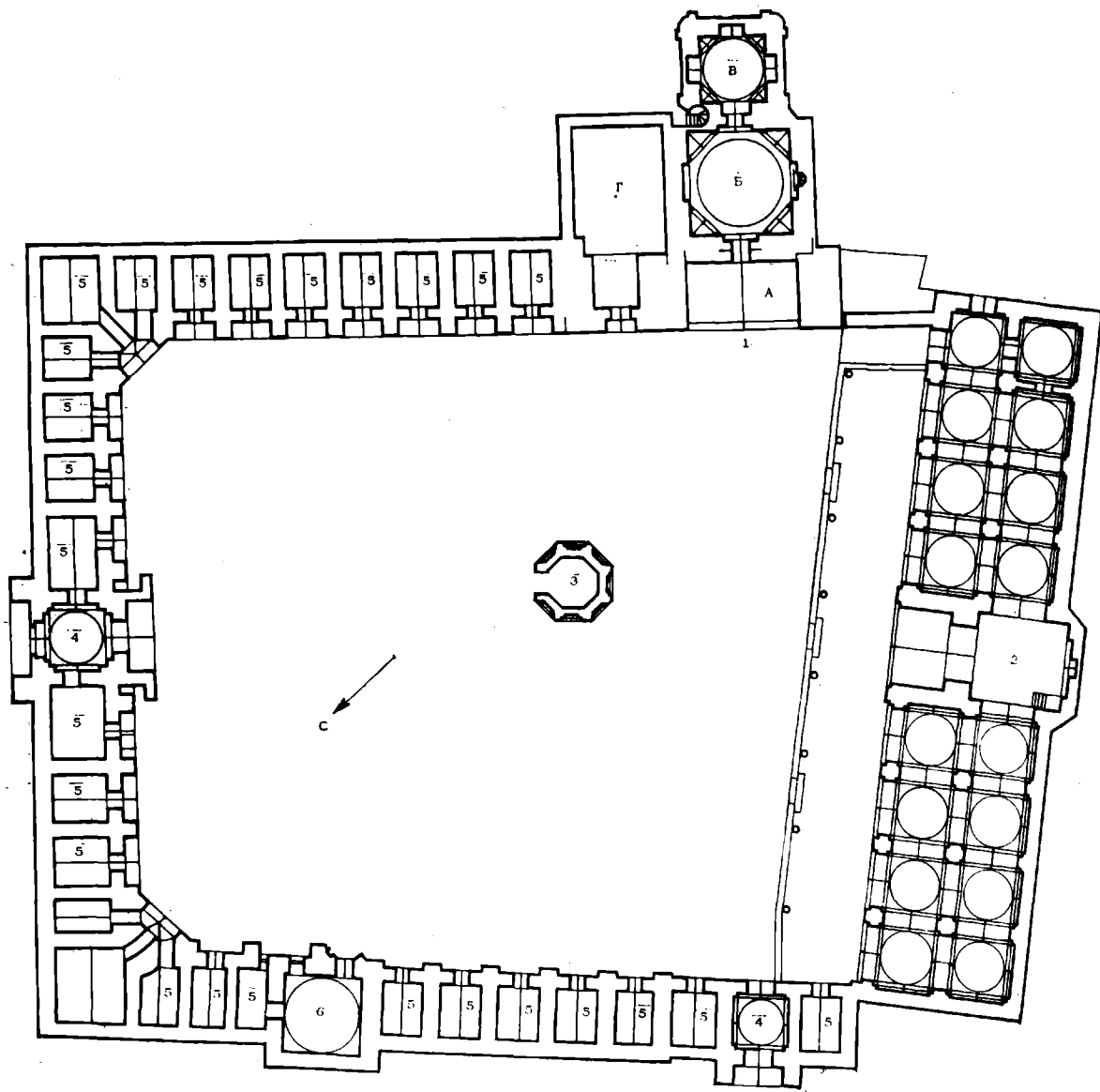
Более открытый характер носили комплексы махаллинских базаров, островками возникавших среди застройки. Несколько досчатых лавочек-навесов располагались вблизи от арыка, над которым в густой тени деревьев перекинута деревянные настилы на столбиках, покрытые паласами чайхона.

Чайхона устраивалась обычно в каркасных строениях с подъемными ставнями с одной или двух сторон, что позволяло раскрывать помещение летом. Внутри чайхона заполнена суфами, застланная коврами и кошками: помещение чайханщика с самоварами, посудой, продуктами отделено от зала перегородкой.

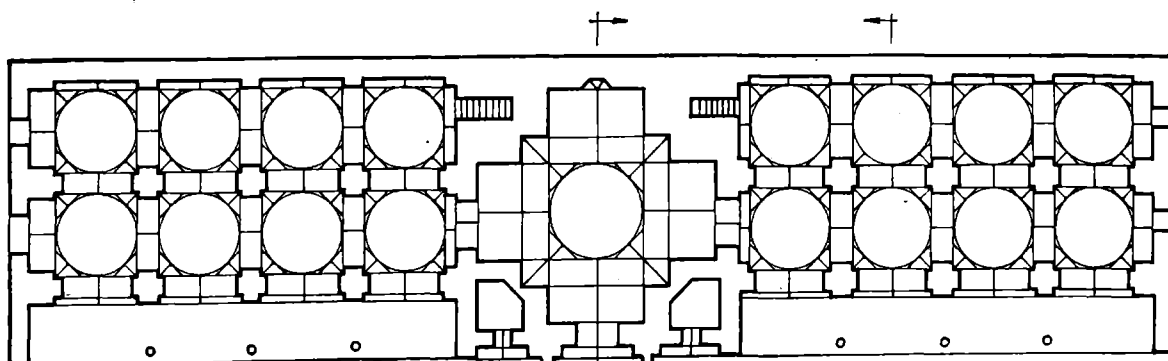
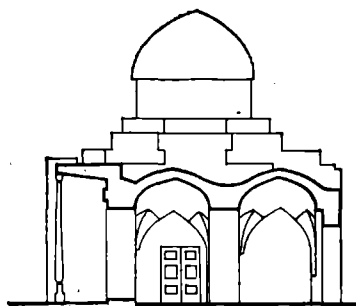
Из многочисленных квартальных мечетей Ташкента мы включили в каталог лишь одну монументальную — в комплексе Хайрабад-ишан (кат. 20). Большинство ташкентских мечетей в гуще махалля сильно перестроены в связи с их новым использованием, не всегда доступны для обследования, мало изучены исторически. Очень немногие из них удается сохранить в новой застройке. Однако материалы их учета и фиксации 30—50-х годов (105; 16), немногочисленные публикации (111), обследование тех из них, которые уцелели, позволяют судить об их типологии, как о весьма разветвленном процессе формообразования.

Характерный признак квартальной мечети — сочетание замкнутого зимнего зала для молитвы с примкнувшим к нему айваном — полуоткрытым затененным портиком, который связывает зал с пространством улицы или квартального общественного центра. Этот принцип осуществлялся либо в монументальных конструк-

0 2 4 6

Ансамбль Зенги-ата. Генплан исторического комплекса: 1 — мавзолей Зенги-ата (а — портал, б — зиаретхона, в — гурхона, г — халимхона), 2 — мечеть-намазгох, 3 — минарет, 4 — дарвазахона, 5 — худжры медресе, 6 — дарсхона.

Мечеть Намазгох. Разрез, план.

циях (купольный зал, купольная галерея по фасаду), либо в легких деревянных конструкциях (каркасный зал с балочным перекрытием на колоннах, айван на деревянных колоннах по фасаду), либо в их сочетаниях (купольный зал и деревянный айван с плоским перекрытием). В зависимости от выбора конструкции и размеров мечети, определяемых возможностями заказчиков*, и выбиралась схема пространственной структуры мечети, ее тип. Изучение квартальных мечетей во всех областях Узбекистана позволяет представить себе общую систему типологии и определить место в ней мечетей Ташкента. Простейший случай — сочетание купольного или каркасного зала с односторонним айваном. Все известные решения этой темы нестандартны и приводят к качественно разным в художественном отношении произведениям. Например, в хивинской мечети Сеид-ата (XVIII в.), в бухарской мечети Бозори-джой (XVIII—XIX вв.) (59, с. 201, рис. 9а) к купольному залу примыкает скромный одноколонный айван, замкнутый с боков антовыми стенами. А в первоначальной композиции известной мечети Боло-хауз в Бухаре (1712 г.) к купольному залу примыкал с восточной, противоположной михрабу стороны роскошный длинный айван, с двумя рядами резных колонн с пышными сталактитовыми капителями и расписным плафоном, намного превосходящий ширину корпуса основного здания (59, с. 197).

В Ташкенте односторонние айваны принимают также своеобразные формы: например, антовый айван мечети Йов (1898 г.) равен залу, он состоит из девяти колонн, поставленных в три ряда, по три в каждом, получается торжественный четырехпролетный летний портик; в мечети Хайрабад-ишан (кат. 20) односторонний айван с одним рядом колонн продолжен к северу и получил асимметричную трактовку, так как его боковая часть дополнена вторым рядом колонн и служит летним залом мечети. Имеются примеры прямоугольного зала и прямоугольного же айвана — с торца или по главному фасаду.

Одним из самых распространенных вариантов композиции мечети — квадратный зал с двусторонним Г-образным айваном, огибающим восточный, главный, и один из боковых фасадов, северный или южный, в зависимости от участка, на котором строилась мечеть. Такие мечети многочисленны в Бухаре (59, с. 200), Кашкадарьинской области (70, с. 40), Самарканде (84, с. 50) и Самаркандской области. В Ташкенте этот вариант пока не найден. Двусторонний айван здесь в разобращенном симметричном варианте, по сторонам от купольного зала в мечетях Тохта Байбача (конец XIX — начало XX вв.) и мечети Ахмед-бая (начало XX в.) (16).

Купольная мечеть с трехсторонним айваном известна в Ташкенте и в монументальных, и в легких конструкциях. К первым относится мечеть Ахун Гузар 1883 г. с массивной кирпичной галереей на трех фасадах (104, с. 136), ко вторым — мечеть шейх Зайнабдин-бобо XIX в. с продолговатым зимним залом, крытым по балкам. Подобные композиции широко распространены во всех областях Узбекистана. Купольный зал в сочетании с деревянным П-образным в плане айваном известен в Хиве (Ак-мечеть), в Китабе (Ходжа Бухари, 1864—1882 гг.), в Шахриябзе (Каратут, XIX в.) (110, с. 75), в Самаркандской области (мечети Саид-бобо, 1837 г. и Абдуджаббар-бая, 1905., обследованные Т. Усмановым), в Бухарской области (Саттар-диванбеги, 1912 г., выявленная К. Джумаевым). В Бухарской и Кашкадарьинской областях подобные мечети встречаются и в балочных конструкциях, с квадратным зимним залом без колонн.

Логика формообразования подсказывает дальнейший ход развития композиций квартальных мечетей с балочным перекрытием: он идет по пути умножения числа колонн в зале и на ай-

* Заказчиком мог выступать богатый благодетель — местный бай, купец, чиновник или община махалля — например, цех мясников или иных ремесленников.

ване, с вариациями прямоугольного квадратного зала в сочетании с одно-двух-трехрядным симметричным или асимметричным айваном с одной, двух или трех сторон. Почти каждая композиция представлена в Ташкенте и находит аналогии в других областях Узбекистана. Одноколонный зал с односторонним антовым айваном на одной-трех колоннах имеют ташкентские мечети Сокпруш и Сагал (13), подобные памятники известны в Бухаре (59) и Бухарской области (5), Шахрисябзе (110) и Самарканде (84, с 50). Одноколонный зал с Г-образным двусторонним айваном при балочном перекрытии устроен в мечети Каратут в Ташкенте (89), аналогичные композиции в Бухаре (5; мечети Абдулла Кучкар и Касим-шейха). Гиждуване (110), Вангази Бухарской области (5), Самарканде (84, с. 50). Следующий в нашем ряду вариант одноколонного зала с трехсторонним айваном в Ташкенте не зафиксирован, но, судя по его распространенности в тех же областях (Бухарской, Самаркандской), он здесь не сохранился. Зато в Ташкенте встретился уникальный случай центрической композиции каркасной мечети: одноколонный зал, обнесенный четырехсторонним колонным айваном в мечети Гойиб-ата XIX в. (89). Для Ташкента, как и для районов Ферганской долины, характерен вид мечетей с прямоугольным залом и различным числом колонн в нем, определяющим его размеры. Композиции с прямоугольным залом с двумя колоннами внутри и разновидностями одностороннего айвана известны в ряде ташкентских мечетей: Балянд (16), Кугурмач, Яккачуб (16; 105), Ак-мечеть (16), Чакар (111), мечеть в кишлаке Токачи Бекабадского района Ташкентской области, обследованная нами в 1969 г. Аналогии им находим в Бухаре (5; Кукельдаш), Гиждуване (5; Бозори-Каймак), Шахрисябзе (110; Кучунгар), Китабе (110; Регистан). Двухколонный квадратный зал с угловым айваном известен в ташкентской мечети Магалкуча (105) и в Самаркандской области, с. Хатырчи — мечеть Годой Серкин-ата (5). Прямоугольный двухколонный зал при двустороннем угловом айване применен в ташкентских мечетях Махсидузлик (105), Кунджа, 1867 г. (16) и встречен Х. Пулатовым в кишлаках Ялама и Бука Ташкентской области: подобные памятники фиксировались в Бухаре (59, с 200), Бухарской и Андижанской областях. Прямоугольный двухколонный зал с трехсторонним айваном в ташкентской Ляйля-мечети (105) аналогов не имеет. Иногда зал вытягивался до пропорций два и более квадратов, получался прямоугольный зал с тремя-четырьмя колоннами внутри с разновидностями одностороннего айвана: таковы мечети Калахона (105; 16), Шахин-гузар, Айрлыш, Мирза-ходжа и другие, напоминающие андижанские мечети, обследованные И. Азимовым в 1974 г. (Ташмечеть в кишлаке Аим и др.).

Более обычны для областей Мавераннахра мечети с квадратным четырехколонным залом и односторонним айваном в Ташкенте — Кзылшарк, Хиябон, Бирлик, Ахунгузар, Джума-ходжа (16, 105), в Бухаре — Джафар-ходжа (59), в Кашкадарьинской области — Бешир-ата (88) и с четырехколонным квадратным залом при угловом двусторонним айване: в Ташкенте — Сархумдон, Кох-ата, Мухиддин-ходжа (111; 16), в Бухаре — Касри Арифон (59), Куйхонако (59), в Вабкенте — Кази Абдулла (5), в Самаркандской области — Исаки Вали, Суфи Аллая, в Кашкадарьинской области — Иски Лянгар (72), Курганча в Карши (110), Калландархона в Каттакургане (5).

Особняком среди ташкентских мечетей стоит монументальная шестистолпная мечеть Тилля-шейха, построенная в 1902 г. в комп-

лексе Хазрет Имам, напротив медресе Барак-хана (111). Это прямоугольная в плане, продольноосевая постройка, перекрытая двенадцатью куполами (по три, в четыре ряда). Входной отсек отделен поздними перегородками от молитвенного квадратного зала. Традиция четырехстолпных купольных залов уходит в храмы раннего средневековья: шестистолпная композиция была распространена в XVI—XVII веках (мечети Магоки Аттари и Магоки Курпа в Бухаре, мечеть в комплексе Махдуми Азам в Дагбите).

Архитектурный облик старгородской застройки и ее общественных центров формировался столетиями, под влиянием природных и социальных факторов. Если скелет города, его радиально-кольцевая структура сложилась как ответ таким жизненно важным для средневековья факторам, как развитие ремесленного производства, международной караванной торговли и обороны, то жилая и общественная застройка, это живая ткань города, отвечала необходимости защиты от контрастов резкоконтинентального климата, тысячелетней культуре использования местных строительных конструкций, архитектурным традициям и, главное, — идеологии общества, которое она обслуживала и которым была порождена.

Замкнутый быт феодальной семьи, в исламе часто полигамной, отгораживал интимную жизнь от улицы глухими стенами домов и дувалами. Облик улиц, залитых знойным солнцем, затененных, особенно внутри кварталов, сохраняет до сих пор колорит средневекового восточного города, поражая современников характерным, острым графическим рисунком силуэтов домов, ракурсами неожиданно раскрывающихся перспектив извилистых улочек, контрастами света и тени на лессовых теплых поверхностях стен и дувалов, покрытых ганчевой штукатуркой или глиносаманной смазкой, резными деревянными деталями: полотнищ входных калиток, ставен надвратных айванов-кашгарча, резных сталактитовых капителей и расписных плафонов айванов, просматриваемых за дувалами в зелени дворов. В живописных, естественных композициях участвуют не нарочитые декоративные пятна, а органически порожденные необходимостью конструктивные и архитектурные элементы, которые уверенно, мастерски доводились народными зодчими до того совершенства, когда простота становится самой красотой.

В художественном ансамбле улиц звучат немногие акценты: выступают из стены консоли деревянных балок, торчат торцы камышовых матов, перекрывающих крышу, и на гладкой стене появляются четкие косые тени, ритмический рисунок которых причудливо меняется в течение дня и ночи, организуя и оживляя плоскость стены, как экрана. Часто по первому этажу, поверху, оставляется длинная чернеющая горизонтальная щель-проем, перебиваемая ритмом незаполненных в этих местах строек каркаса: их рисунок выдает конструкцию каркаса — рамного, с подкосами или веерообразного, составляющего остов этой стены, за которой располагается либо хозяйственная постройка, либо летняя кухня. Очень выразителен (прост предельно!) рисунок вытяжных фонарей-туйнуков над очагами кухонь. Необыкновенно интересны оштукатуренные наружные стены, ограждающие айваны-болохона и помещения второго этажа, с их видимым рисунком каркаса и его «буклированным» заполнением комками глины (гуваляка). Для ташкентских улочек нередки выступы на консолях длинных эркеров по второму этажу, забранных подъемными или навесными ставнями.

В типологии ташкентского жилого дома сказывалась классовая структура населения, однако в более или менее усложненном или развитом виде обязательным принципом была организация застройки вокруг затененного виноградником и плодовыми

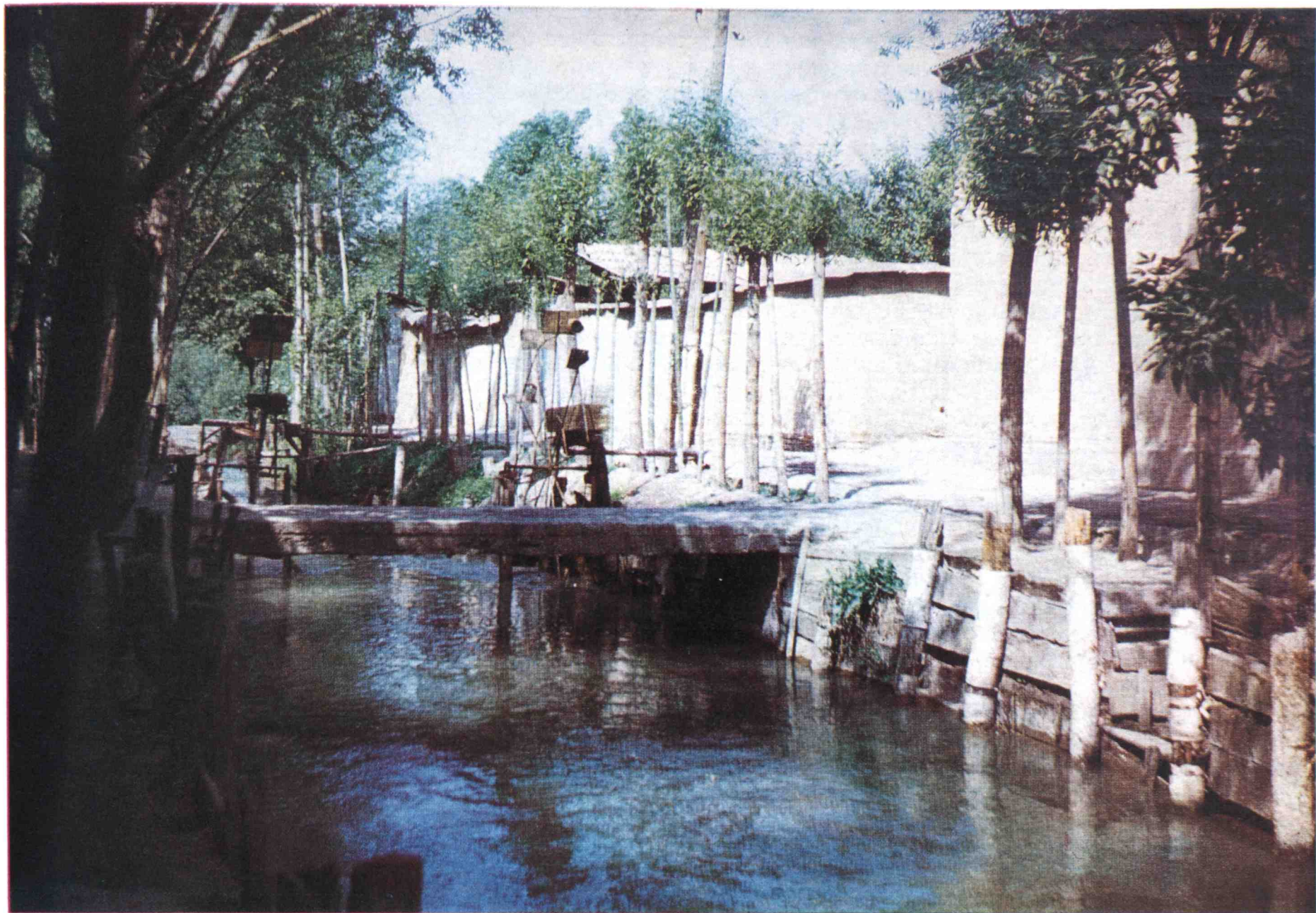

деревьями двора с арыком. Объемно-пространственная композиция дома отвечала потребности организации быта и семьи в условиях того или иного сезона года. Основным для Ташкента был прием трансформирующегося дома (кашгарча), распространенного в городах Ферганской долины, смежной с Кашгаром, сущность которого в вариантах используемого пространства: от открытого двора — к открытому айвану перед домом, от него к зимнему айвану — дахлиз с подъемными ставнями (ровон), позволяющими, при необходимости, раскрывать или закрывать помещение, и далее — к жилым теплым зимним комнатам (хона).

Разновидности композиций многочисленны. Остановимся на них несколько подробнее, ибо резко континентальный среднеазиатский климат требует от архитекторов поиска такого типа современного жилища, чтобы он отвечал особенностям каждого сезона: в городских современных квартирах, в условиях индустриального домостроения обычные летние помещения (лоджии, выносные веранды, балконы), даже при сквозном проветривании и солнцезащите, слабо компенсируют удобства летнего обитания на воздухе, в озелененных дворах, свойственного народному жилищу.

Поиски решений, позволяющих сочетать индустриальную основу современных зданий с удобствами традиционного жилья в рес-

Старый город. Улица в жилом квартале.

Набережная арыка Калькауз.

публиках Средней Азии, проходят стадию осмысления идеи сезонного и суточно трансформируемого жилища, в главных типологических аспектах. При этом неясны принципиальные моменты: режим эксплуатации раскрываемых вовне помещений, конструкции домов и подвижных устройств, интерьер и оборудование жилых помещений. Типологи ищут ответа, решения этих проблем в практике использования существующего трансформируемого народного жилища, в частности, ташкентского.

Устройство жилья в Средней Азии уже имеет традиционные эффективные приемы защиты от летнего перегрева, среди которых выделяется и трансформация, то есть вариантное использование помещений. Ареал ее распространения — Ферганская долина, Ташкентская, Самаркандская, Кашкадарьинская области Узбекистана, Ленинабад, Чкаловск, Ура-Тюбе в Таджикистане.

Обычная планировка участка дома ферганского типа — замкнутый, застроенный по контуру или огражденный дувалом двор, в котором одна или две основные жилые ячейки, состоящие из жилых комнат и трансформируемого помещения зимнего айвана в центре, между ними. По периметру двора следуют, соединяя отдельные жилые комнаты, вразбивку, открытые айваны и подсобные постройки. Чередование открытых, полуоткрытых, затененных и замкнутых пространств способствует усилению конвекцион-

ных токов воздуха во дворе. Площадка двора сплошь озеленена, покрыта высокими навесами виноградников, под которыми летом и располагаются спальные места на специальных устройствах: суфа — глинобитные возвышения; сури — деревянные огражденные помосты, размером от 2×2 м и более, высотой до полуметра; баланд-сури — небольшие досчатые укрытия на высоких, врытых в землю столбах и, наконец, открытые беседки — шийпаны, располагаемые обычно на возвышении.

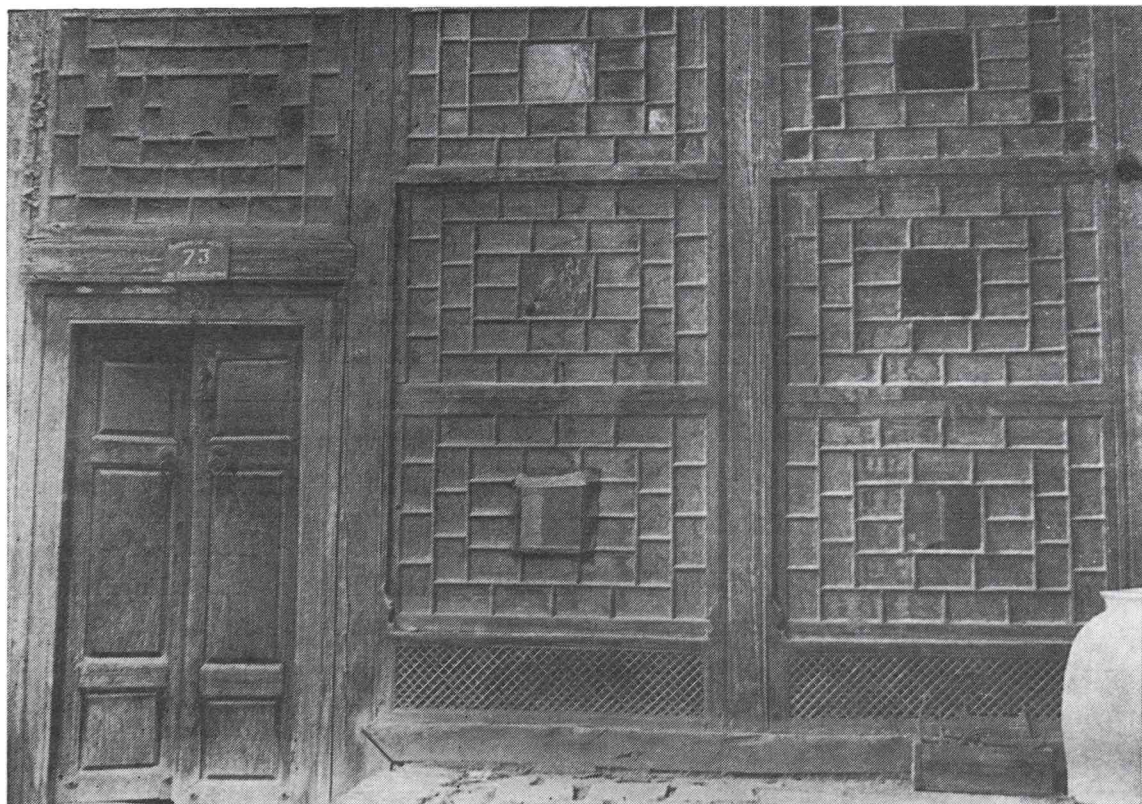
Еще один вид летнего жилья — айван, расположенный либо по фронту застройки, либо перед фасадом жилой ячейки. Это навес, под которым семья может находиться на открытом воздухе и в непогоду, в теплое время поздней весны и ранней осени. Полуоткрытое, затененное пространство айвана, обращенного обычно на южные румбы, препятствует прямой инсоляции жилых комнат летом и пропускает ее в дневные часы зимой, при низком стоянии солнца. При этом айван остается сугубо летним помещением, годным зимой только для хозяйственных нужд.

Вход в жилые комнаты — через помещение зимнего айвана (кашгарча)*, известного в нескольких основных вариантах. Один из них — крытый дворик с перекрытием ч о р х а р ы (четырёхбалочным, опёртым на четыре колонны в центре, над которыми расположен световой и вентиляционный фонарь) (24, с. 16, 48). В другом случае крытый дворик как бы переносится целиком на второй этаж и помещается между комнатами второго этажа, в виде айвана во всю ширину корпуса при мехмонхоне. Терраса второго этажа имеет сквозное проветривание, так как на уличный фасад она выходит открытыми или забранными съёмными ставнями проемами (24, с. 39, 43; 85; 40; 41, с. 53—55, 169, 23). Зимний айван первого этажа устраивают между жилыми комнатами, он называется да х л и з, либо р о в о н л и к а й в а н, т. е. айван с подвижными ставнями.

Назначение зимних айванов прямо зависит от характера их проветривания, и в этом аспекте четко выделяются два типа: с односторонним проветриванием круглогодичного использования и со сквозным проветриванием сезонного использования.

Зимний айван по размерам близок к жилой комнате или даже больше ее. Это квадратное или прямоугольное помещение, пло-

* Т. е. построенные по-кашгарски. Термин «кашгарча» относится к ряду приемов архитектуры, генетически связанных с восточным Туркестаном, употребляется уйгурами и другими народами в районе расселения уйгур в Средней Азии.

Решётчатые ставни (ровон) в доме ферганского типа.

площадью от 12 до 25 квадратных метров, обращенное длинной стороной ко двору, а торцами — к жилым комнатам, соединенным с ним дверьми. Односторонние проветриваемые зимние айваны в старых постройках, изолированных от улиц и соседних владений глухими стенами, лишь при полном раскрытии ставен дворовой фасадной стены превращаются в айван типа глубокой лоджии. Площадь и характер раскрытия регулируются обитателями дома в зависимости от метеорологических условий, сезона, времени суток и характера бытовых процессов. Режим эксплуатации зимних айванов мы проследили в Ташкенте в домах постройки конца XIX — начала XX вв.*

Летом, в дневные часы, при преимущественно закрытых ставнях односторонний дахлиз используется как общая комната универсального назначения. Он служит, с точки зрения набора помещений современной квартиры:

передней — в квадратном углублении при двери оставляется уличная обувь, в стенных нишах (токча) вешают верхнюю и рабочую одежду;

умывальной — у входа располагается водослив с поглощающей ямой (ташнау);

столовой или гостиной (мехмонхона) — посуда помещается в глубоких стенных нишах, устроенных по периметру стен между стойками двухрядного каркаса; обеденные места располагаются вокруг низкого столика, прикрывающего отопительную яму (саңдал), на расстеленных на полу плоских матрасах (курпача);

спальной — днем здесь спят дети.

Летом, в ночное время, при открытых ставнях, дахлиз может служить спальней для одного-двух человек, но чаще не используется, так как семья спит на воздухе. Поскольку летом жизнь семьи переносится в дахлиз, на айваны и во двор — жилые комнаты нередко запирают. Зимний режим использования дахлизов иной. Днем при закрытых ставнях их используют как передние, отчасти — как кухню (готовят пищу в пристенных каминах), иногда — как жилые комнаты. Зимой в дахлизах не спят.

Весной и осенью в большинстве случаев трансформируемое помещение используется как общая комната для приема гостей, и для будничного питания, и для ночного сна. Весной и осенью использование более полноценное, чем зимой и летом.

Второй тип зимних айванов — со сквозным проветриванием — носит более выраженный характер летнего помещения. Их не отапливают и потому в холодное время года используют, несмотря на значительную площадь, ограниченно — лишь как переднюю. Летом потоки воздуха регулируются раскрытием проемов в противоположных сторонах. Трансформируемая стена дахлиза в проезде Айрлиш обращена в озелененный двор, в противоположной стене находится выход в огород, в торцевых стенах — входы в жилые комнаты. Дахлиз, расположенный между двумя дворами, снабженный сквозным проветриванием, значительно прохладнее зимних айванов — лоджий, но зимой он используется только как передняя. Болохона в Шахтинском проезде, подобно известным примерам ташкентских и кашкадарьинских шийпанов, — встроенная крытая терраса второго этажа, площадью около 20 квадратных метров, зажатая между двумя жилыми комнатами и открытая в торцах. Торец, выходящий во двор, сообщается с ним через колонную галерею; фасадный торец забран подвижными ставнями, ныне утратившими свой первоначальный вид. Большую часть года это помещение, парадно оформленное уже при строительстве (расписной кессонированный балочный плафон, резные колонны, стенная живопись), используют для приема гостей, питания и сна летом, зимой оно служит только передней, это явно летнее помещение. Архитектурно болохона, с ее многоцелевым назначением, служит и функциональным, и композиционным центром дома,

* Натурные обследования домов мы провели в Ташкенте совместно с архитектором Р. Хайрутдиновым. См. Научно-технический отчет по теме: «Новые типы жилых домов» раздел 3 «Изучение и обобщение практики проектирования». Ташкент, 1965, рукопись, ТашЗНИИЭП.

что и выявляется в крупном пятне раскрытого витража, выделяющегося на глухом двухэтажном фасаде с улицы.

Краткий обзор использования зимних айванов позволяет говорить об универсальности назначения и круглогодичном использовании трансформируемого помещения в узбекской и таджикской народной архитектуре.

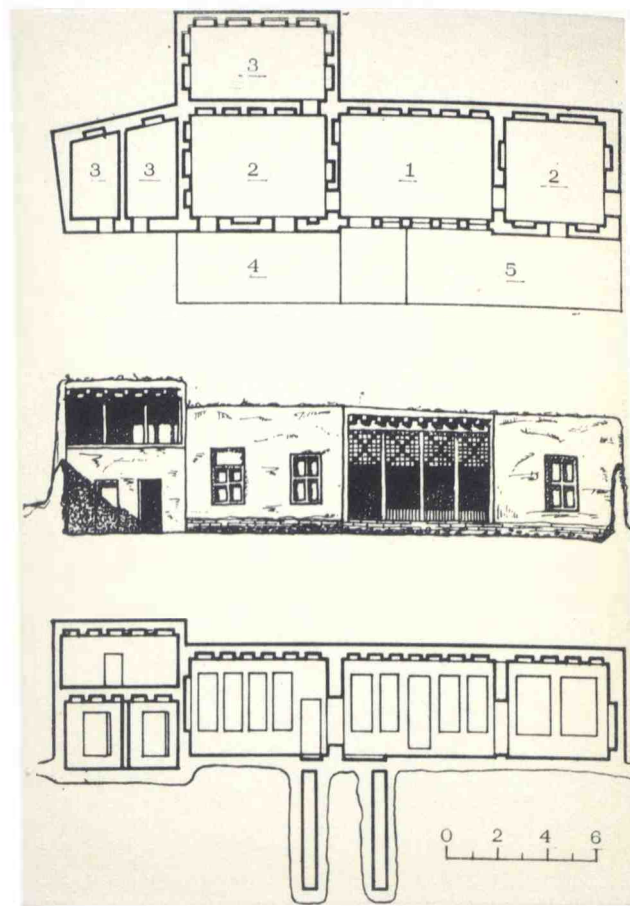
Несущие конструкции и подвижные устройства трансформируемых помещений взаимосвязаны. Обычная форма конструкций для домов ферганского типа — двойной деревянный каркас; а фасадная трансформируемая стена выполняется в одинарном каркасе без подкосов. Стойки каркаса расставляются на расстоянии — 1—1,5 м друг от друга по длине стены, в два, три или четыре пролета. Ширина пролета и определяет ширину ставней, заполняющих каркас. По высоте, как правило, устанавливают четыре ставня: нижний и верхний — неподвижные, два средних — подъемные. Нижний, обычно невысокий (30—40 см), чуть выше дверного порога. При необходимости нижний ставень совсем снимается, превращая окно в дверь. Верхний ставень укрепляется наглухо, как фрамуга, с выступом против средних. По высоте он чуть ниже или равен средним, подъемным или съёмным. Подъем ставней прост: первым поднимается верхний, скользящий в пазах, прорезанных в стойках или образованных двумя параллельными рейками. Подняв до уровня фрамуги, его сдвигают внутрь помещения и устанавливают либо в коленчатом вырезе паза, либо, соответственно, на концах реек. Нижний средний ставень поднимается вровень с ним и закрепляется между ними на крючках, переброшенных с краев паза. Такие приспособления позволяют снимать и убирать средние ставни на нужное время (23).

Ровон не только легки в обращении, удобны в вариантности раскрытия стены, но и эффектны в художественном отношении. По способу заполнения ровон встречаются двух типов — решетчатые и филенчатые. Решетчатые — чаще простого геометрического рисунка с расположением прямоугольных ячеек вперевязку. Заполнением ячеек служат дощечки или фанера, а в квадратные элементы, следующие от углов к центру, вставляют разноцветные стекла. Витраж в центральной части дома — интересный композиционный прием, исходящий из функций трансформируемых помещений. Филенчатые ставни — утилитарные досчатые устройства со световым вырезом по центру каждой филенки ромбической, арочной или крестовидной формы. Верхний ставень неподвижный, равный по высоте средним, иногда отличается по рисунку, упрощеннее. При полном подъеме средних ставней стена раскрывается на высоту человеческого роста.

Ставнями пользовались и для внутренних стен — перегородок, позволяющих объединить или разъединить, по желанию, пространство жилых комнат с передней. Каркасная конструкция, гибкая планировка, контрастные сочетания материалов — черты народного жилища Средней Азии, прямо адресованные индустриальному строительству современного жилища; остается переложить традиционные формы на язык современной техники.

В условиях тесной застройки старых среднеазиатских городов, где усадьбы складывались на протяжении жизни нескольких поколений семей, с переделками и дополнениями первоначального ядра жилища, строители не были свободны в выборе участка и его правильной ориентации.

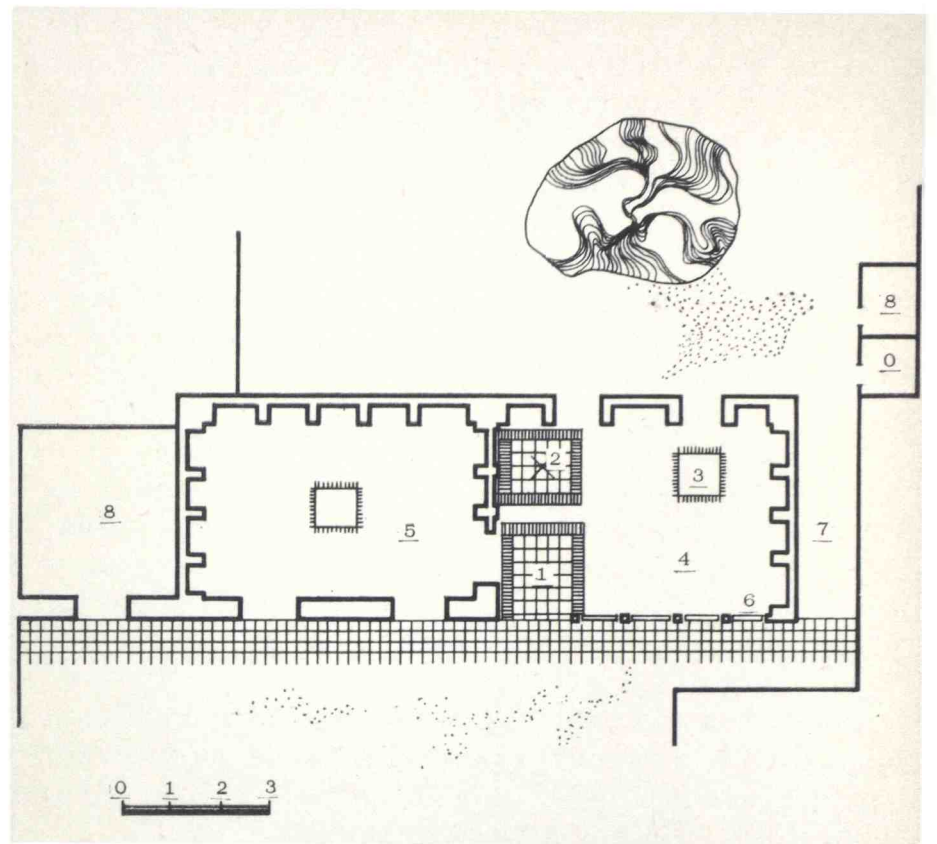
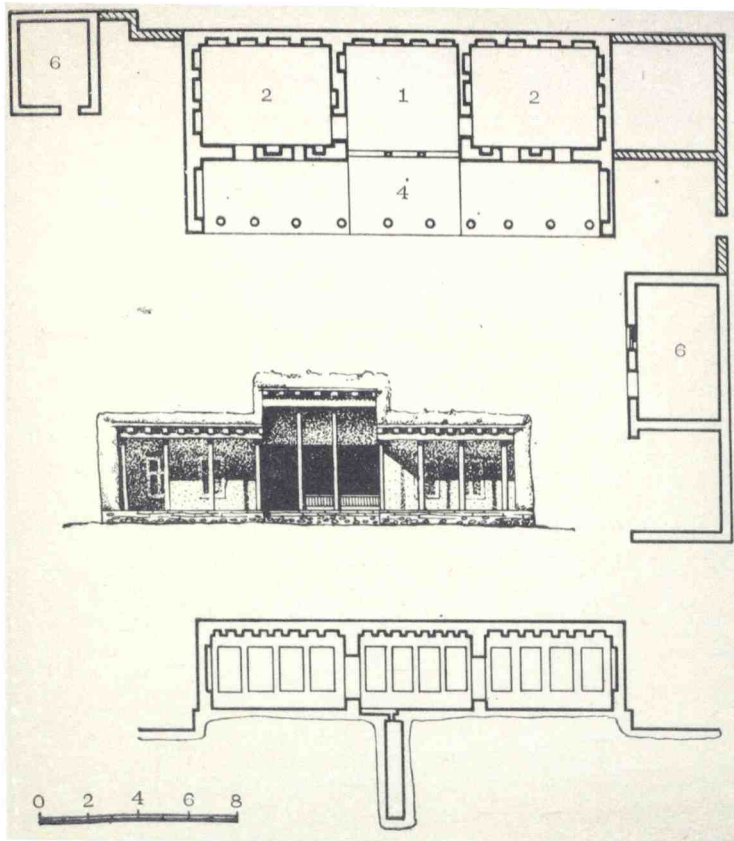
Можно отметить, что в зимних айванах, ориентированных, как правило, на юг, юго-восток, восток и юго-запад, раскрываемые стены снабжены еще и солнцезащитой: выходящая зелень виноградников, затенение открытых айванов выносом свеса крыши в виде козырька на 50—80 см, или глухие створчатые ставни поверх оконного остекления.

Жилой дом (кашгарча). План, фасад, разрез: 1 — ровонлик айван (передняя, дахлиз), 2 — жилые комнаты (уй), 3 — кладовая (казнак), 4 — айван, 5 — суфа, 6 — надворные постройки.

Жилой дом (кашгарча) в Намангане.

Айван (ровон) со сквозным проветриванием (в проезде Айрлиш): 1 — углубление для обуви (пойга), 2 — сток для умывания (ташнау), 3 — сандал, 4 — ровонлик айван, 5 — жилая комната (хона, уй), 6 — подъемные ставни (ровон), 7 — крытый проход (долот), 8 — кладовая.

Проветривание трансформируемых помещений, как и ориентация, не определяются количественным преобладанием тех или иных примеров. Тот факт, что большинство среднеазиатских зимних айванов не имеет сквозного проветривания, отнюдь не свидетельствует о том, что именно этот способ воздухообмена был признан наилучшим: замкнутый, отгороженный глухими стенами от улицы быт старой семьи, по-видимому, оказал в этом отношении решающее влияние. О том, что этот прием не каноничен, свидетельствуют образцы продуваемых шийпанов, вынесенных либо вглубь двора, либо на второй этаж из соображений зрительной изоляции. Не случайно в практике народного жилища возник прием вертикального проветривания, более гигиенического с точки зрения охраны от простудных заболеваний.

Зимние айваны Средней Азии — неотапливаемые помещения. Ни сандал, ни стенные камины не могут поддерживать круглогодично комфортную температуру, они были порождены низким социально-экономическим уровнем строительства позднефеодалных городов. Это та часть традиций, которую современность решительно отбрасывает, как и совмещение функций передней и спальни комнаты в трансформируемом помещении.

Интерьер и оборудование трансформируемых помещений в народном жилище Ташкента заслуживают внимания современников. Опыт народного жилища Средней Азии свидетельствует о том, что жители обходились без корпусной мебели. Функции современных шифоньеров, сервантов, горок, ящиков для постельного белья выполняли стенные ниши, образованные между стойками двойного каркаса, где помещались и посуда, и одежда, и постельные принадлежности. Интерьер не загромождают ни застеленные на день и неиспользуемые днем кровати, ни полированные столы со стульями, употребляемые обычно для приемов в праздничные дни. Предмет внимания в этом случае — не примитив старых домов, а рациональный прием использования стенных ниш вместо корпусной мебели, созвучный современной тенденции.

Изучение народного жилища Ташкента дает предметный урок проектирования современному зодчему. Посезонно трансформи-

руемое жилище обладает возможностью ступенчатого постепенного раскрытия — начиная от замкнутого жилого помещения до открытого пространства выносных балконов, дополняющих полуоткрытые пространства трансформируемых помещений.

Из опыта народного жилища следует, что трансформация одних подсобных помещений не дает полноценного летнего жилья. Поэтому трансформировать предпочтительно помещения общего пользования: общую комнату, кухню, получая при этом в теплое время года помещение универсального назначения с выделением функциональных зон средствами дизайна (расстановкой оборудования, струнных озелененных перегородок, освещенностью, группировкой мебели).

Старогородской жилой фонд Ташкента мало пригоден для жилища современного человека, не отвечает требованиям благоустройства и комфорта. Старые каркасные жилые дома, как правило, отслужили свое, и физические их возможности на исходе. Современная урбанистика требует развития крупномасштабных структур городских образований, и застройка старого города будет постепенно заменяться многоэтажными домами. При этом образцы типов жилых домов Ташкента, хранящие бесценный опыт и мудрость народа, будут сконцентрированы в нескольких кварталах — архитектурных заповедниках под открытым небом, в районах, прилегающих к монументальным памятникам.

«Еще есть время пройтись по узким кривым улочкам, заглянуть в тенистый зеленый дворик, полюбоваться изумительной резьбой и мудрой простотой архитектуры. А что же мы дадим взамен этого?» — задаются вопросом авторы новых микрорайонов (52). Они ищут принципы организации пространства уже сложившегося города, которые нужно понять, принять и возродить. Обращение к опыту народного жилища Ташкента XIX — начала XX вв. позволило выявить ряд рациональных и прогрессивных приемов: внутренних крытых дворики с вертикальным проветриванием — шийпан (35), сойван (34), хаштьяк (32), а также подробно разобранные нами приемы сезонной трансформации жилища (50).

Под этим углом зрения можно пересмотреть отношение и к другим поздним памятникам XVIII—XIX вв., относимым обычно к «упадочному искусству» лишь потому, что строили их в периоды тяжелого феодального кризиса. История искусств и архитектуры отмечает нередко отсутствие прямой зависимости между фазой общественного развития и состоянием творческой мысли, пробивающей пути сквозь тернии исторических судеб. «Утрата высоких принципов» эпох большого подъема в искусстве может в таком случае обернуться как раз положительной стороной, отходом от канонов, большой свободой решений традиционных задач в жестких конкретных условиях.

Каков же вклад архитектурного наследия Ташкента в развитие представлений о зодчестве Средней Азии?

В архитектуре один из самых важных показателей мышления зодчего — тип объемно-пространственной композиции зданий. Типология служит одним из критериев оценки архитектурных произведений.

Ташкент располагает уникальными образцами мавзолеев, сохранившихся памятников конца XIV, XV, XVI и XIX вв. — разнообразных типов композиции:

центрического, замкнутого (Калдыргач-бия);

портально-купольного:

а) граненного (Амбар-биби),

б) с призматическим корпусом (Чупан-ата, Кушчи-мазар),

в) кубического, с выдвинутым порталом (Аламбардор);

двухкупольного продольноосевого (Зенги-ата);

многокамерных мавзолеев — ханака:

Т-образного плана (Юнус-хана),

центрического фасадного (Суюнидж-хана),
продольноосевого, призматического (Зайнаддин-бобо),
кубического с выступающим порталом (Кызыл-мазар).

Мечети Ташкента представляют все известные основные типы композиций такого рода зданий:

дворовой (Джами),
фронтальной (Намазгох),
столпно-купольной (Тилля-шейх),
квартальных, с весьма развитой разветвленной типологией, разобранной нами выше.

Медресе Ташкента относятся к крупнейшим из известных в Средней Азии для XVI в., разрабатывая основную линию развития зданий этого типа — продольноосевого построения, с двухайванным двором, поперечной осью композиции в общественных помещениях входной части (медресе Кукельдаш, Барак-хана, Янги-махалля).

Ташкентские бани, датируемые в пределах XVI—XIX вв. (Махсидузлик, Пушти хаммом), также находятся в русле классических традиций среднеазиатской архитектуры, имеют четкий контур основного «центробежного» плана, с группировкой вокруг центрального зала.

Причастность к общему руслу развития среднеазиатской архитектуры отчетливо выражается и в строительных конструкциях монументальных зданий. Памятники XV—XVI вв. основаны на характерных для этого времени глубоких фундаментах:

из бутового рваного камня на ганччаке (мавзолей Юнус-хана) или глине (мечеть Джами, медресе Барак-хана);

из булыги (мавзолей Калдыргач-бия);

из кирпича (мавзолей Зенги-ата, древний фундамент мавзолея шейха Хавенди Тахура, медресе Кукельдаш).

Стены монументальных зданий сложены квадратным плиточным кирпичом, характерного для средневековья формата, в среднем в пределах 25—27 см в стороне при толщине 4,5—5,5 см. Заметное отклонение — лишь в поздних памятниках (Чупан-ата, Муинхалпа-бобо), где формат кирпича мельчает до 23—24 см в стороне, что характерно и для других областей Узбекистана и отмечалось нами в Самарканде, в Карши (72).

Перекрытия памятников также представляют образцы всех основных характерных подкупольных конструкций:

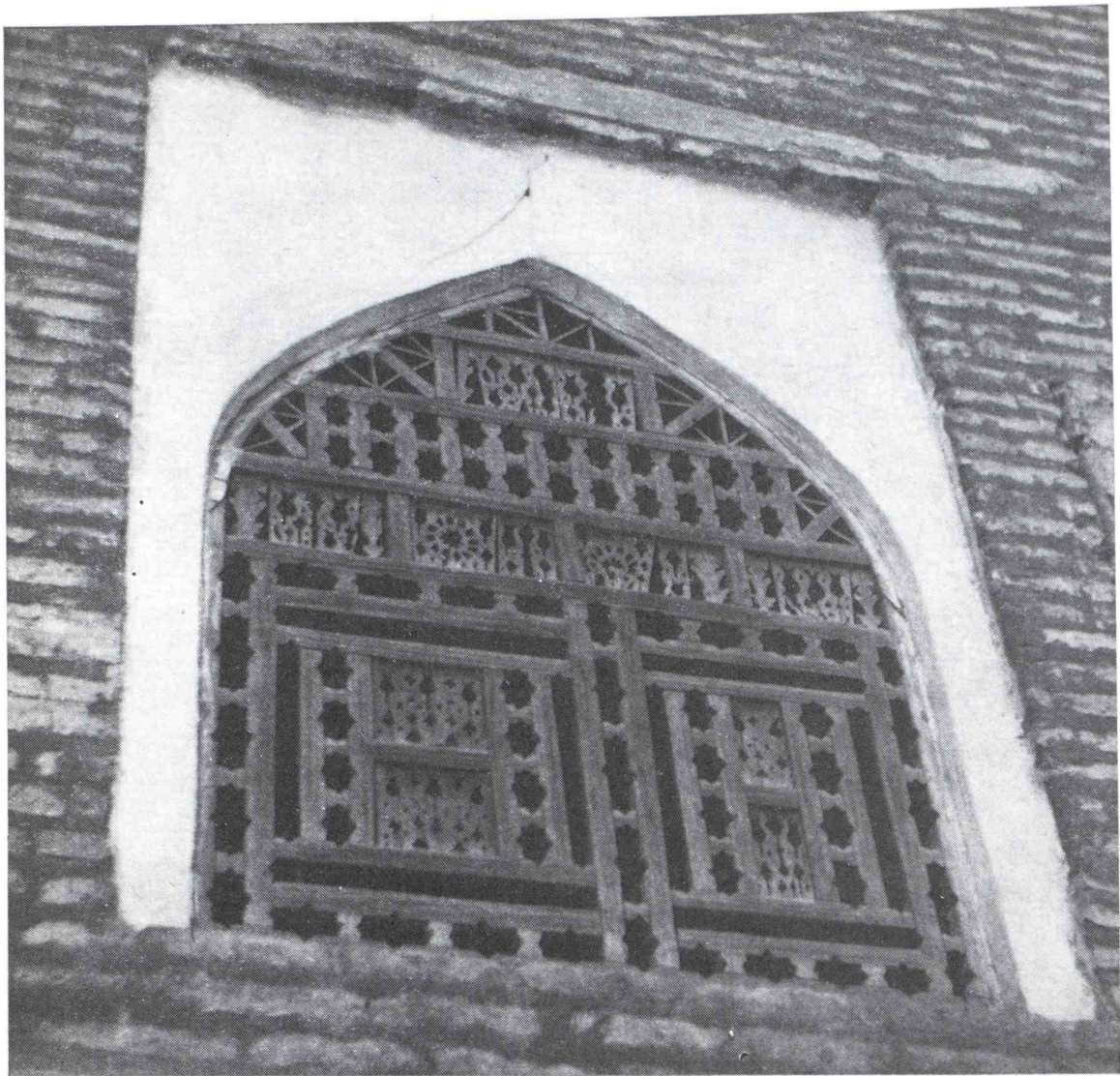
для конца XIV—XV вв. — арочные паруса в сочетании со щитовидными (мавзолей Зенги-ата, Амбар-биби);

с XV по XIX вв. — в Ташкенте бытуют пересекающиеся арки в сочетании со щитовидными парусами (мавзолей Юнус-хана, Суюнидж-хана и неизвестный мавзолей в комплексе медресе Барак-хана, дарсхона и мечеть в медресе Кукельдаш, главный зал мечети Намазгох, мечеть в медресе Янги-махалля). Щитовидные паруса также бытуют в поздне-средневековых объектах (мавзолей Чупан-ата, Ибрагим-ата, галереи мечети Намазгох, дарвазхона в комплексе Зенги-ата).

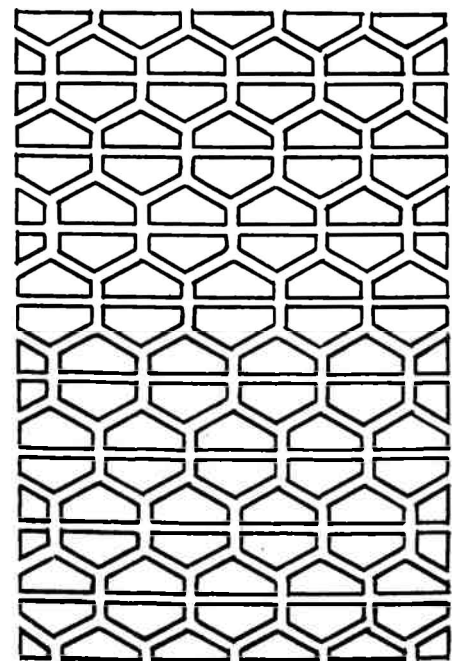
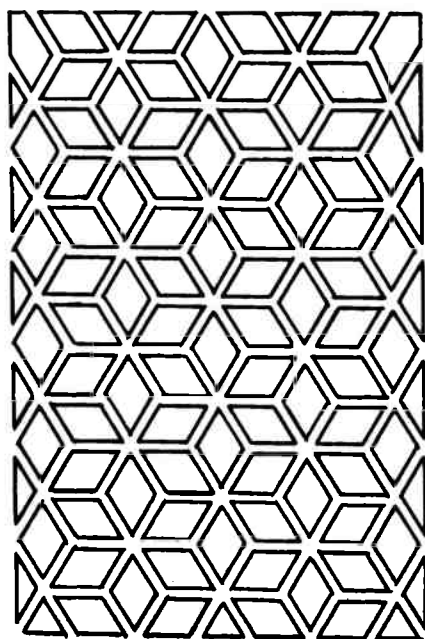
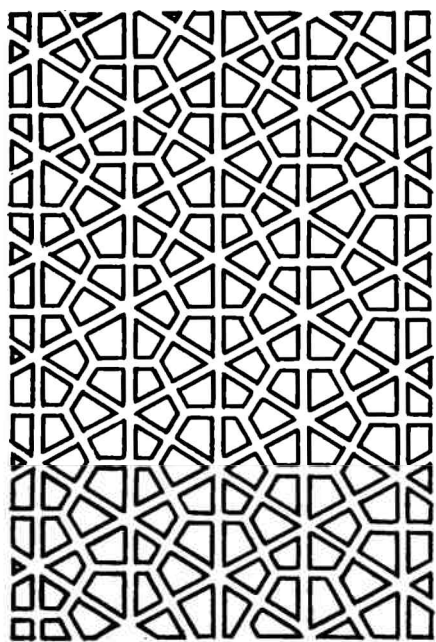
В памятниках XVI—XIX вв. нередко встречаются ложносферические паруса (мавзолей Кызыл-мазар, Муин Халпа-бобо, Ходжа Бахретдин-дона).

Характерна и эволюция куполов сфероконической формы, поднятых, как правило, на высоких цилиндрических барабанах: в XIV—XV вв. они имеют двойную оболочку (конструктивный над барабаном, над помещением, и декоративный над ним, подобно Гур-Эмиру, ребристому куполу над гурхоной Ахмада Яссави или усыпальницы Шах-и Зинда), в XVI веке и позже сохраняется лишь наружная форма, внутренний купол упраздняется.

Надо отметить особенность ташкентских интерьеров: в мавзолеях XIV — первой половины XV вв. преобладают вертикальные членения, развивая именно эту композиционную линию

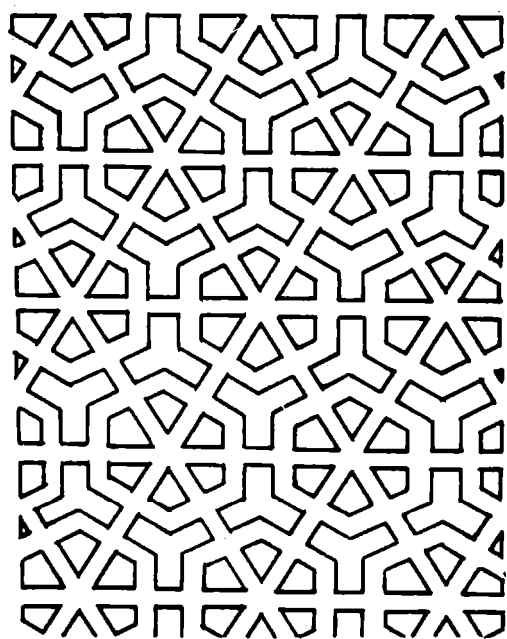

архитектуры Мавераннахра: пять арок яруса парусов низко опущены вдоль граней мелких нишек по осям четверика, выведенных арками на одну высоту с угловыми. Ярус парусов не выделен здесь горизонтальными тягами, предназначенными под эпитафические росписи, как это традиционно делалось в самаркандских и шахрисябзских памятниках эпохи тимуридов. Интерьеры мавзолеев Зенги-ата, Амбар-биби, Калдыргач-бия и более позднего — Ходжа Аламбардора развивают и варьируют одну и ту же композиционную тему, решая ее в едином стилистическом ключе — легких, изысканно найденных пропорций и изящной прорисовки кривых в венчающих формах. Ни разница в абсолютных размерах, ни

Панджара в окне мавзолея Каффаль Шаши.

Панджара медресе Барак-хана.

даже принадлежность этих мавзолеев к разным типологическим группам этого внутреннего стилистического единства ташкентской школы не нарушают. Здесь проявляется один из законов высокого искусства: единства в многообразии.

Архитектурное наследие Ташкента представляет еще малоизведанный фонд и с точки зрения приемов строительства и проектирования зодчих и монументально-декоративного искусства, которое исподволь все больше и больше входит в арсенал средств выразительности современной архитектуры. Ташкентскому зодчеству были известны фактически все виды декора, использовавшиеся в практике среднеазиатского зодчества позднего средневековья. Сдержанный, несколько суровый нрав ташкентцев проявлялся и в отношении к убранству зданий: здесь нет излишеств. Основной прием отделки фасадов — фактура шлифованного строительного кирпича, дополненная расшивкой швов, с аккуратным выполнением креповок, подчеркивающих архитектурные членения. Лишь в качестве акцента, выделяющего главные формы — в монументальных памятниках применяется кирпичная и резная мозаика.

Строгие линии орнаментов (гирихов), выложенные синими и голубыми изразцами, со вставками резного мозаичного набора, украшают порталы мавзолеев Зенги-ата, медресе Кукельдаш, Барак-хана. Лишь в недавнее время утрачена облицовка мавзолея Амбар-биби; не сохранил ее и мавзолей Юнус-хана, о красочном декоре которого повествует историк XVI века. Сохранившиеся фрагменты мозаичных надписей на мавзолее Каффаль Шаши, гирих на крыльях мавзолея Зенги-ата, мозаичные орнаменты на барабане купола мавзолея Суюнидж-хана, известные по фото XIX века мозаичный михраб и голубая панель из шестигранников с мозаичным бордюром «ислими» в мавзолее Зенги-ата, живо напоминающие михраб и панели тимуровского мавзолея Ходжа Ахмада Яссави в Туркестане, фрагменты майоликовых надписей на куполе мавзолея Зенги-ата, майоликовые тимпаны главного фасада и дворовых порталов медресе Кукельдаш свидетельствуют, что искусство ташкентских мастеров не уступало их современникам в других центрах культуры Мавераннахра — Самарканде, Бухаре, Шахрисабзе, Ясы. Восстановленный усто Широком Мурадовым свод «колаб-кари» в портале медресе Барак-хана 80-х годов XVI в., не уступает кирпичным декоративным сводам мионсарая медресе Абдулла-хана и Кукельдаша 80-х годов XVI в. в Бухаре; он предшествует им по хронологии, ранее этот прием известен лишь в мечети Калян в Бухаре. Прекрасные сетчатые своды украшают вестибюль медресе Кукельдаш в Ташкенте. Шел ли здесь обмен мастерами, часто переезжавшими на Востоке из города в город в поисках крупных творческих заказов или отмечено взаимовлияние и использование в конкретных условиях приемов, порожденных техникой и художественными вкусами своего времени, — не суть важно. Значителен сам факт создания произведения, достойного лучших образцов своей эпохи.

Излюбленной деталью фасадов и интерьеров ташкентских памятников были декоративные решетки (панджара). Деревянных панджара сохранилось немного, лучшая и самая большая из них — вставлена над входной дверью мавзолея Зайнабдин-бобо, небольшие древние решетки известны в мавзолеех Юнус-хана, Ибрагим-ата, Каффаль Шаши. Более сохранились ганчевые и керамические панджара разнообразных построений. Коллекции их вписаны в окна дворовых и уличных фасадов медресе Барак-хана, мавзолеев Зайнабдина-бобо, шейха Хавенди Тахура. Последние, как и панджара медресе Кукельдаш, набраны из майоликовых шестигранников.

Резные деревянные двери были непременной принадлежностью почти каждого значительного памятника. Немногие

дошли до наших дней. Утрачена зафиксированная в альбоме А. Л. Куна прекрасная дверь медресе Кукельдаш; резные двери в мавзолее Зайнаддина-бобо и Юнус-хана, более поздней работы, чем сами строения, перенесены сюда из квартальных мечетей Ташкента.

Резной камень также не был чужд ташкентским художественным ремеслам. В мавзолее Зенги-ата находится уникальный памятник резьбы по камню — беломраморное надгробие, одно из трех известных крупных надгробий, выполненных в конце XIV века по указанию Тимура в честь виднейших духовных деятелей Средней Азии: Хакими аль Термези (установлено в гурхоне комплекса Хакими аль Термези в Термезе), Ходжа Ахмада Ясса-ви из яшмового камня в гурхоне туркестанского мавзолея-комплекса и Зенги-ата. Это большие кенотафы призматического типа, с высоким корпусом, расчлененным на панели основания, поле облицовки и венчающий сталактитовый карниз поверху с разделяющими грани изящными трехчетвертичными колонками. Ташкентское надгробие обильно покрывает эпиграфическая резьба, содержащая исторические сведения и даты, что позволяет считать его не только памятником малой архитектурной формы, но и памятником истории.

Особую главу в книге о зодчестве Ташкента могло бы составить украшение интерьера памятников народной архитектуры жилых домов и квартальных мечетей, построенных в конструкциях деревянного двойного каркаса. Тектоническая структура этих зданий, перекрытых плоской балочной кровлей, диктует и соответствующее убранство. Стены зимних залов и айванов квартальных мечетей украшались сочной, рельефной, глубокой резьбой по ганчу выразительного крупного рисунка или росписью.

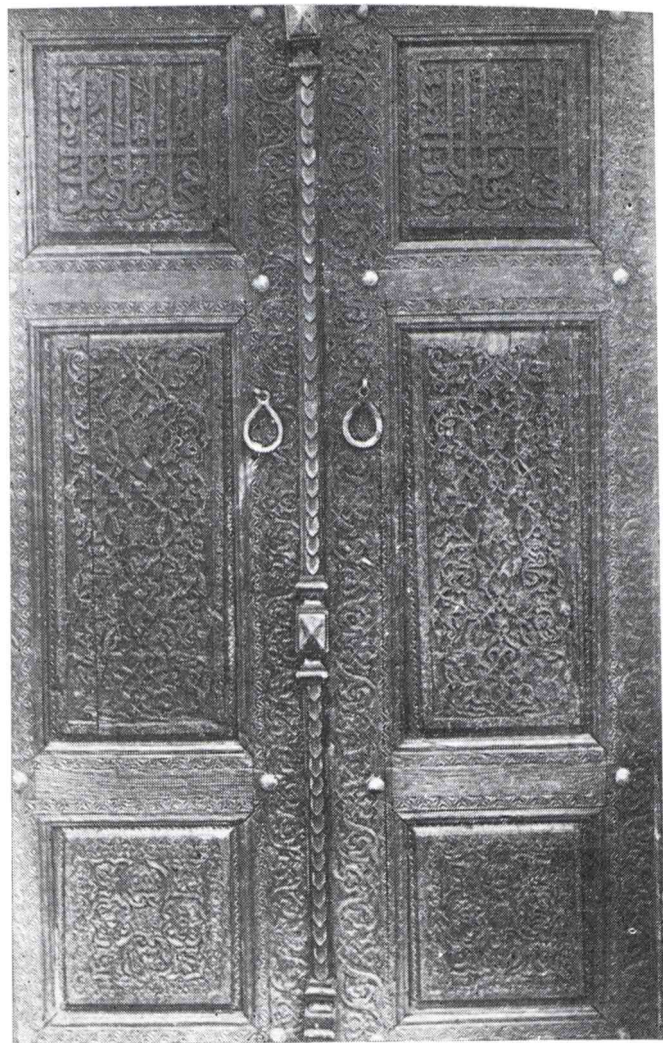
Резными ганчевыми тягами плоскость стены разбивалась на крупные «зеркала», обработанные в виде стрельчатых или фигурных арок, на фоне которых развиваются избранные сюжеты композиции резьбы, преимущественно растительного характера. Исследователи отмечают (17) несколько излюбленных тем резьбы:

- ряд медальонов, нанизанных на единую вертикальную ось;
- та же композиция, дополненная мелкими медальонами, спиралями, побегам по бокам, с перистыми листьями, параллельными арке — сверху;
- изображение кустов в низкой маленькой вазе в виде побегов (ислими);
- зеркальное повторение рапортов растительного рисунка.

Фон резьбы окрашивался в один тон или два-три тона яркими чистыми красками (синий, красный, фисташковый). Над арками более мелкой резьбой покрывались тимпаны; композиция их традиционна, как и в мозаиках и майолике монументальных памятников — от медальона с цветком в центре расходятся по полю тимпана побеги.

Торцы жилых комнат нередко целиком служили стеллажом для посуды с красиво оформленными ячейками в виде нишек (косамон), забранных ганчевыми фигурными арочками из литых пластин. Внутри они расписывались по цветному фону цветами и деревьями.

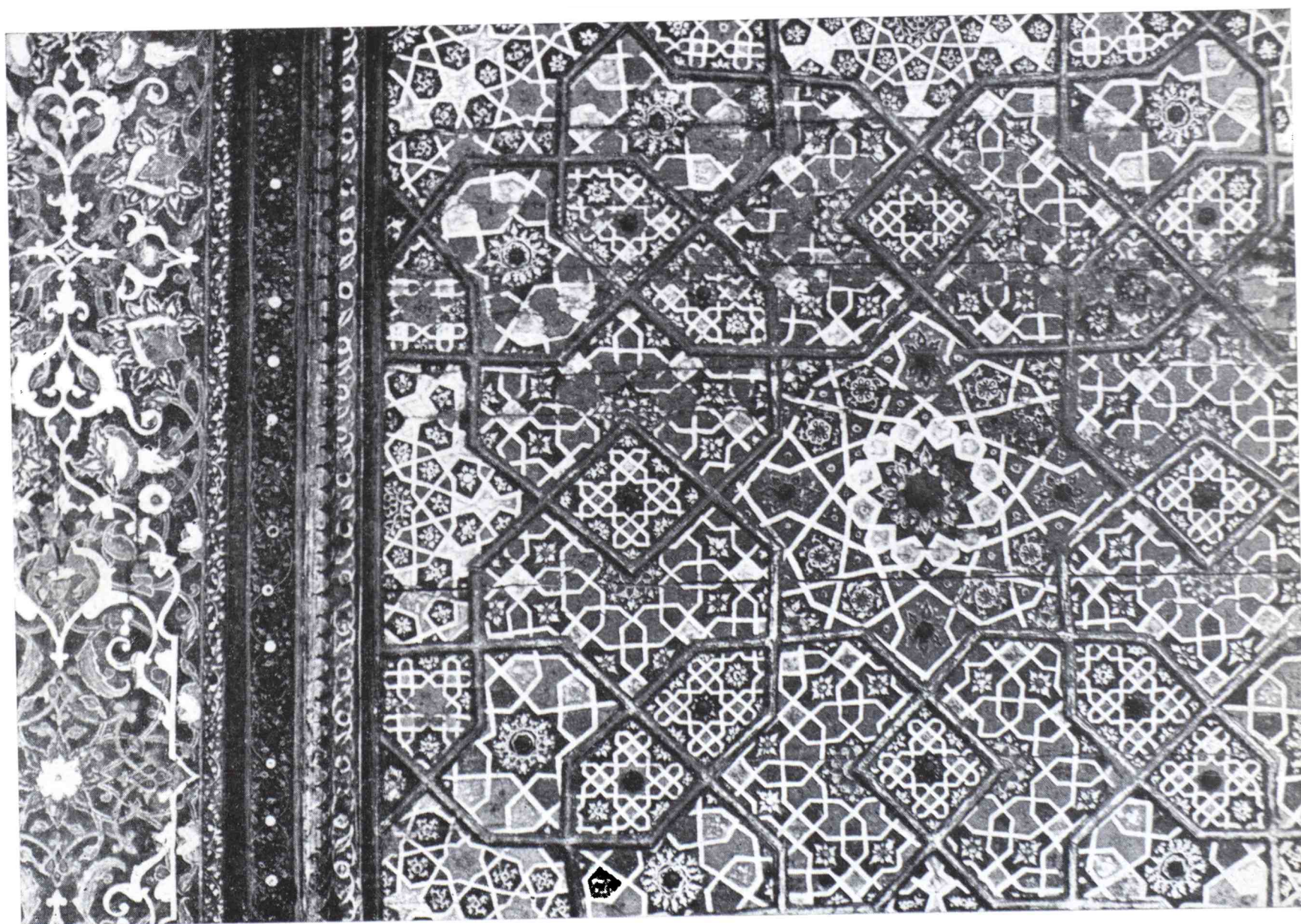
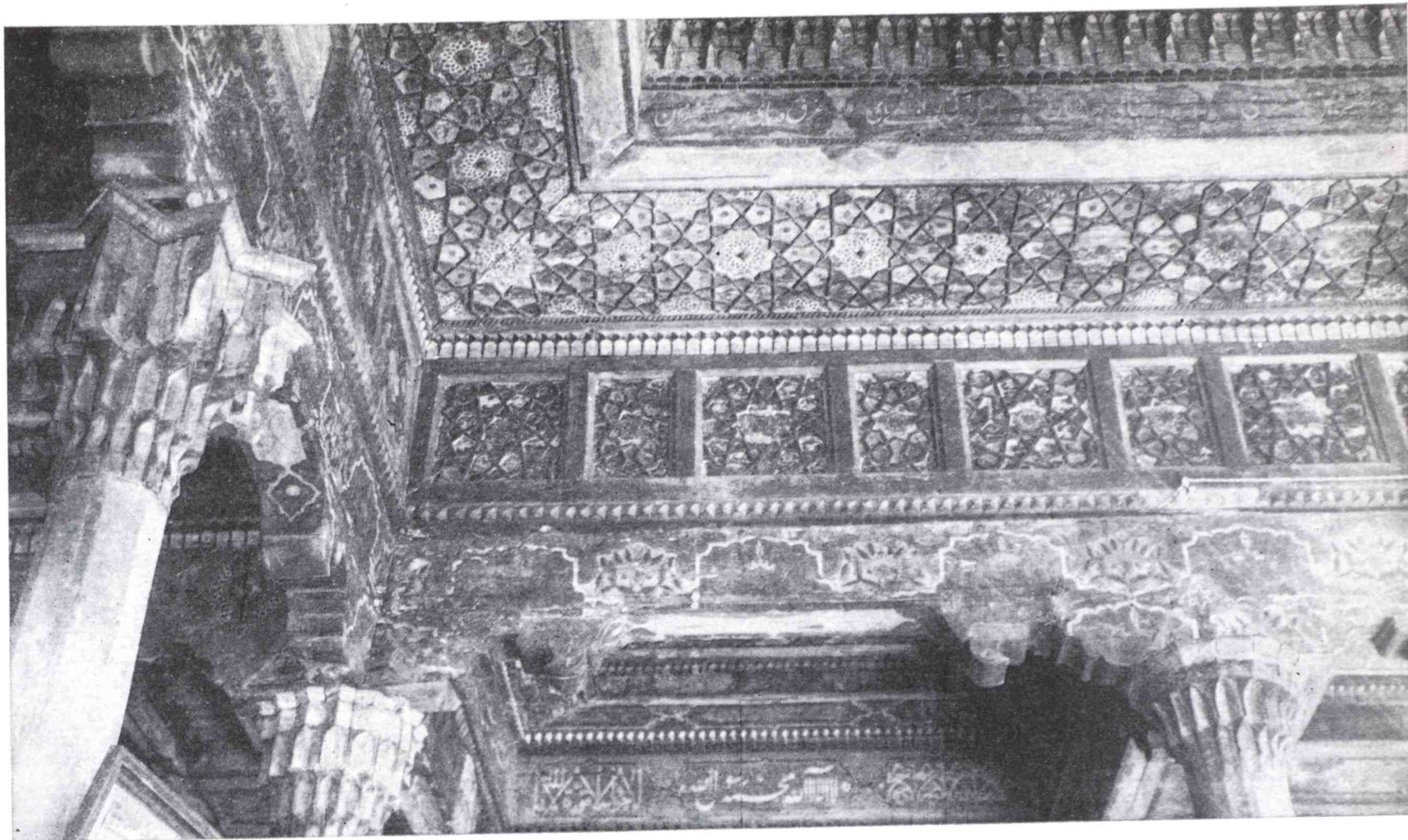
Цветовой эффект интерьера достигался, однако, контрастом не чрезмерно насыщенных живописью стен и густо расписанных яркими чистыми тонами потолков. Клеевая живопись покрывала конструкции потолков: прогоны, боковые обвязки, несущие балки, накат из жердочек (васса) или плоских досок, поверх которых укладывалась собственно земляная кровля на слоях берданы и чии. В росписях ташкентских квартальных мечетей различаются по стилю два периода: более старые XIX в. несут отпечаток ферганской школы росписи (легкие, ажурные и контурные букеты из листьев и цветов акации на густо-синем или зеленом фоне бо-

Дверь мавзолея Юнус-хана.

Декор интерьера квартальной мечети.

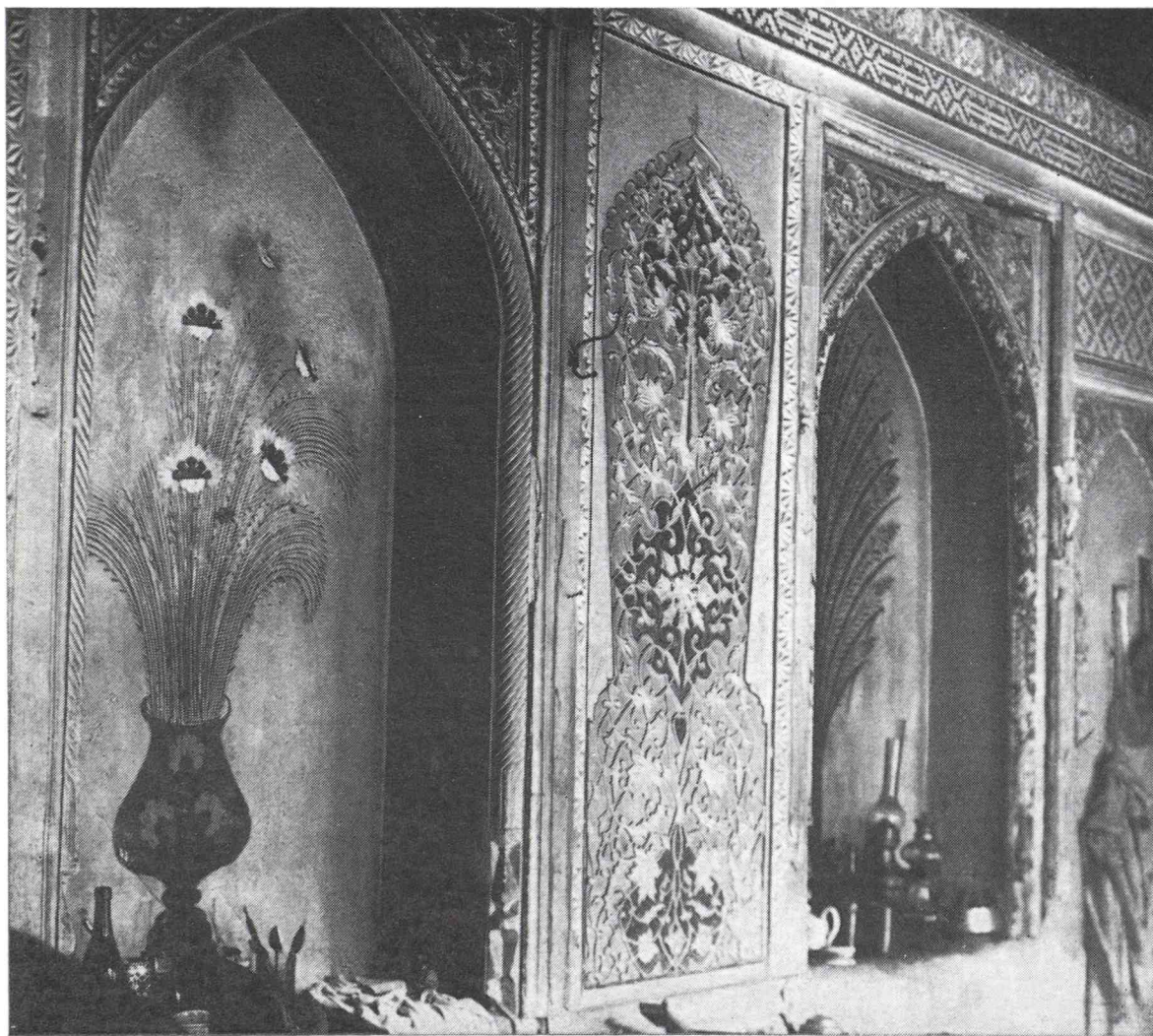
Роспись плафона квартальной мечети.

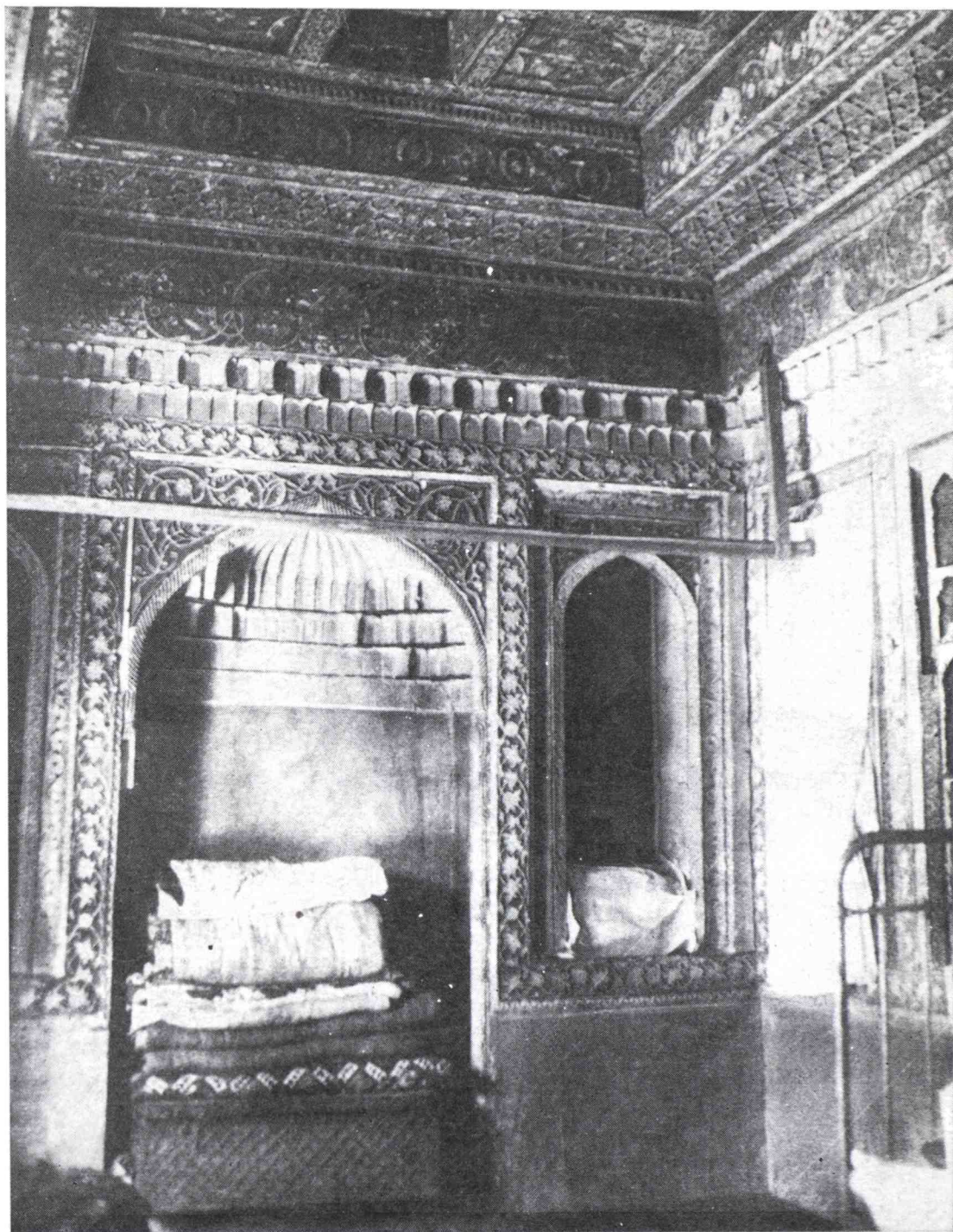
ковых граней балок, гладкая окраска нижних частей балок и васа); в более поздних появляются уже признаки упадка и деградации — аляповатые букеты и натуралистически примитивно изображенные фрукты, выполненные масляной краской (16, 17).

Историко-художественная ценность памятников измеряется сложными критериями, объемлющими собой весь комплекс заключенных в них достоинств. Памятник материальной культуры есть свидетельство более или менее значительных исторических событий, важных для понимания процесса сложения города и его общественной жизни. Как произведение искусства зодчих, он имеет эстетические достоинства, специфические для архитектуры: образная выразительность достигается архитектурными средствами — композицией, выбором и гармонизацией форм (пропорциональный строй, контраст и нюанс в расположении масс, объемов и пространства, цветовая насыщенность и гамма, метрические и ритмические отношения архитектурных членений). В оценке значения каждого объекта играют роль и такие факторы: место в градостроительном ансамбле, сохранность его, как представителя того или иного исторического этапа развития зодчества Средней Азии — единичного или массового для данного конкретного места, — наличие характерных или уникальных приемов строительной техники и декоративного искусства своей эпохи, эпиграфических и письменных источников, проливающих свет на историю архитектурного искусства в Средней Азии. Конечно, далеко не все памятники Ташкента можно назвать архитектурными шедеврами — таких немного, и с точки зрения эстетических категорий они далеко не изучены. Но, независимо от этого, каждый объект обладает суммой таких положительных качеств, которая дает ему право на охрану и внимание исследователей, открывающих все новые и новые аспекты в изучении мастерства древних зодчих.

Закон об охране памятников истории и культуры народов СССР, принятый Верховным Советом СССР, и законодательство союзных республик объявляют все памятники старины всенародным дос-

Декор интерьера жилого дома.

Интерьер жилого дома.

тояннем. Закон составлен с учетом современного научного подхода к охране памятников, воспринимаемых в единстве с присущей им городской средой, как зоной их художественного воздействия, создаваемого ими художественного «силового поля». Определена необходимость создания архитектурных заповедных зон в системе современного города, куда не вторгается крупномасштабная застройка. Все строительство в исторических зонах ставится под контроль организаций, ведающих охраной памятников, при участии специалистов — историков архитектуры, реставраторов, археологов, искусствоведов.

Физическая сохранность памятников — вот главное звено и дальнейшего развития архитектуроведческой науки. Не упустить ни одного объекта, когда реконструкция населенных мест бурно переносится из проектов в натуру, — самая важная задача науки и практики.

Всякое суждение о памятнике — исторически преходяще: время приносит новый взгляд на знакомые объекты и выдвигает новые ракурсы их изучения. Важно сохранить памятник как документ! Каждый из них ведет к познанию «секретов» древнего искусства, его неувыдаемого очарования. Законы, познанные на одних памятниках, служат основанием для реставрации других, менее сохранившихся. Драгоценна здесь каждая находка.

1. КОМПЛЕКС ЗЕНГИ-АТА (Конец XIV — начало XX вв.)

Селение Зенги-ата в Калининском районе.

Комплекс Зенги-ата — памятник градостроительного искусства и архитектуры разных эпох: развитого и позднего феодализма. Один из древнейших, памятник, расположенный недалеко от Ташкента, представляет большую историческую и художественную ценность.

Ансамбль возник на основе захоронения шейха, прозванного Зенги-ата, жившего в конце XII — первой половине XIII вв. Мавзолеем выстроен в XIV—XV вв. в честь одного из популярных «святых». Имя его было Ай-Ходжа, сын Тадж Ходжи, прозвище — Зенги-ата, т. е. «черный». Уроженец местности Шаш, потомок Азрета Арслан-баба, он был пятым мюридом суфия Ходжа Ахмада Яссави, который считался духовным главой всех тюркских племен Средней Азии и Казахстана, учеником поэта-мистика Сулеймана Хаким-ата Бакыргани. Умер, по историческим сведениям, в 656 г. хиджры (1258 г. н. э.). Эпиграфика мавзолея не содержит сведений о времени его сооружения, есть лишь надпись о ремонте (1305 г. х.-1887/88 гг.) в штукатурном медальоне портала.

Начало ансамблю, по преданию, было положено Тимуром, построившим мавзолей Зенги-ата и его жены Амбар-биби. Исторически предание оправдывается: Ташкент был сильной крепостью, сборным пунктом тимуровских войск, местом неоднократных стоянок перед или после походов. Тимур бывал в Ташкенте в 1361, 1363—1367 годах. В 1391 году, во время похода против кипчаков, Тимур здесь долго болел. В 1396 году Тимур проехал через Ташкент в Чиназ на встречу с невестой Тукель-ханым. С 1397 г. исторические источники связывают посещение Туркестана и строительство комплекса в честь Ходжа Ахмада Яссави. С культом Яссави связаны и ташкентские святыни, так как Зенги-ата — последователь Яссави. Поклонение культу Зенги-ата, зиарет, превращался в массовое увеселение по праздникам. Здесь торговали чаем, пловом, лекарствами, фруктами, играли в карты, кости, орлянку, гадали, устраивали зрелища, выступления акробатов, фокусников, дивана, дервишей. Со временем многочисленные функции популярного культово-мемориального объекта получили архитектурную организацию.

Исторически сложившийся в XIV — начале XX вв. культово-мемориальный ансамбль состоит из трех территорий: обширный сад, комплекс монументальных построек XIV—XIX вв., кладбище с мавзолеем Амбар-биби.

Вход в ансамбль со стороны селения лежит через дарвазахону, представляющую собой портално-купольное сооружение с гульдаста по углам, облицованными шлифованным и поливным кирпичом. Дарваза невелика: 6×7 м в плане, помещение внутри $3,5 \times 3,5$ м, перекрыто сводом «балхи», высота здания 3,3 м, пролет свода портала — 4,16 м, высота — 6,58 м. От ворот до входа во второй двор ведет тополевая аллея, вокруг которой разросся сад. Южнее аллеи — большой хауз (12×17 м), обсаженный деревьями, с шийпаном (начало XX в.) на берегу в виде павильона на столбах ($7 \times 5,5$ м) с двускатной кровлей и подвесным расписным потолком. Дорожка, подводящая к шийпану, затенена виноградником. Аллея длиной 22 м упирается в дарвазахону — вход в основной комплекс.

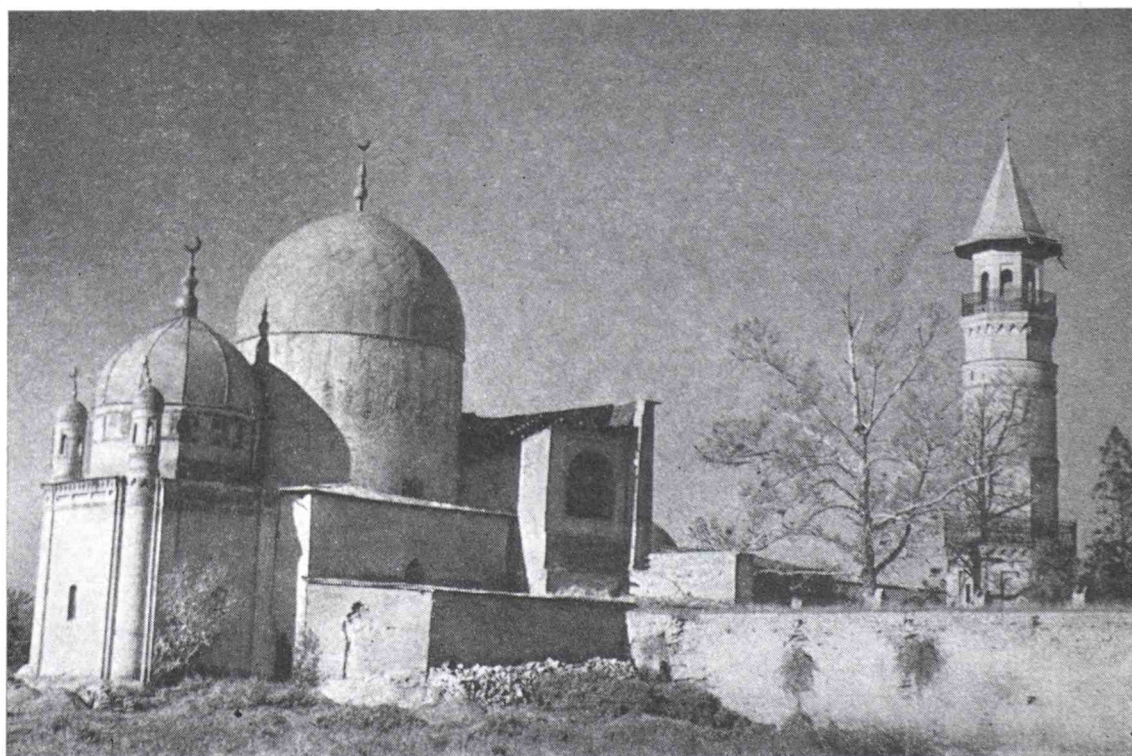
Исторический комплекс группируется вокруг двора трапецевидной формы, со скошенной юго-западной стороной, где расположена мечеть типа намазгох. В южный угол двора (на его юго-восточной стороне) выходит портал мавзолея Зенги-ата, корпус которого вне двора (на территории кладбища). По периметру двор застроен худжрами, служившими жильем студентам медресе и пристанищем паломников при мазаре. Во двор ведут два входа, оформленные портално-купольными помещениями дарвазахона, вписанными в ритм мелких худжр: по центру северо-восточной стороны и в западном углу — у мечети. Перед мечетью в 1914—1915 гг. воздвигнут оригинальный минарет-башня.

К историческому комплексу с юга примыкает старое кладбище, огражденное глиняным дувалом с входами из ансамбля и с юга, со стороны застройки селения. От южного входа идет озелененная дорожка к мавзолею Амбар-биби.

2. МАВЗОЛЕЙ ЗЕНГИ-АТА*

Имеет продольноосевую многокамерную композицию. По продольной оси следует портал, зиаретхона (зал для обрядов и поминовения) и гурхона (усыпальница). Более крупная зиаретхона и уменьшенная гурхона квадратны в плане, с неглубокими арочными нишами в стенах, равными стороне восьмигранника — по ширине. Разница в размерах помещений выявлена в наружных объемах мавзолея. Он имеет ступенчато-сокращающийся корпус. Оба

* Мавзолей Зенги-ата — историческое ядро ансамбля. С него мы и начинаем описание архитектурных памятников.

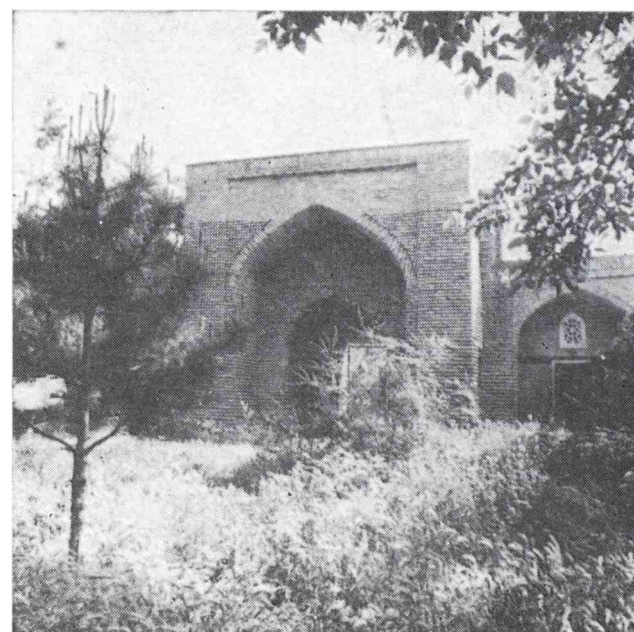
Ансамбль Зенги-ата. Общий вид.

помещения перекрыты куполами на арочных парусах, разнящихся в деталях перехода к куполу: в зиаретхоне над ними следует шестнадцатигранная аркатура, плавно переводящая шестнадцатигранник в цилиндрический барабан купола, прорезанный окнами: в гурхоне над арками — лишь два ряда щитовидных парусов. Характерная деталь обоих помещений — повышение ниш, объединение их с арочными парусами, низко опущенные декоративные пяты парусных арок с резным мадохилем на конце.

Перекрытия помещений мавзолея — купольные. Купола двойные, в гурхоне — на двенадцатигранном, в зиаретхоне — на цилиндрическом барабане. Барабан купола зиаретхоны загрязнен вертикальными подтеками, ритмически размывшими штукатурку, что может служить указанием на рубчатую форму скуфьи первоначального купола, переложенного в XIX в.

Фундамент выложен из квадратного кирпича (25—26 см) на глиняном растворе. Глубина от древней поверхности колеблется от 0,7 до 1,2 м, понижаясь к гурхоне. Стены сложены из жженого плиточного кирпича (25—26×5,5—6,5), раствор в кладке — чистый лесс. Штукатурка — ганчевая. В портале кирпич (25×5,5—5; 10 рядов+10 швов-67,5) на лессе. Щипцовая стена портала застроена на глубину 28 см (20 см — кладка и 8 см — облицовка), разрезки швов кладки свидетельствуют о том, что портал был пристроен к мавзолею позже.

Наружный декор мавзолея сохранился на портале и фрагментами — на барабанах куполов. Внутренние поверхности ниши портала облицованы до половины их высоты кирпичной мозаикой со швом, синими, голубыми и терракотовыми плитками, в технике, характерной для эпохи Тимура и Улугбека. Гирих составляют синие ромбические и квадратные фигуры, заполненные голубыми

Аллея у входа в ансамбль Зенги-ата.

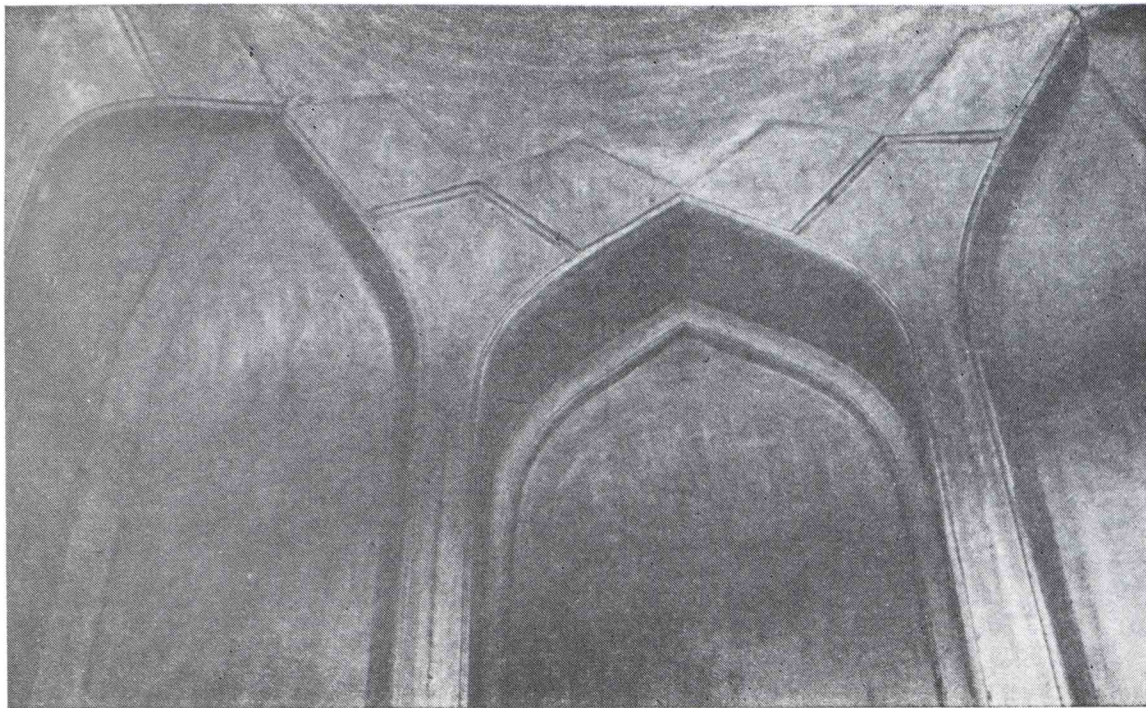
Дарваза у входа в ансамбль.

Дарваза в медресе.

Мавзолей Зенги-ата. Общий вид.

куфическими надписями и квадратными вставками резной мозаики. Центр щипцовой стены сплошь облицован резной мозаикой. Входной проем обрамляют по сторонам эпиграфические полосы, составляющие часть П-образного обрамления проема, с текстами хадисов. Над проемом — панно с геометрическим звездчатым орнаментом, двенадцатилучевой гирих, заполненный растительными композициями. Барабан купола гурхоны сохранил фрагментами майоликовый фриз, набранный из осколков удлиненных

Мавзолей Зенги-ата. Интерьер усыпальницы. Паруса.

плиток, расписанных по синему фону белыми и золотыми письменами, почерком, соответственно, сульс и «цветущий куфи», наложенными на плетение из белых цветов и голубых побегов.

Декор интерьеров сохранился фрагментами, по низу стен. В гурхоне была панель из голубых шестигранных плиток (высота — один м), остатки которой сохранились на западной стене; верх и низ панели оконтуривали мозаичные бордюры: на синем фоне два побега «ислими», голубой и белый с желтыми (позолоченными ранее) цветами. Каймы бордюра — белая, марганцево-черная и голубая. В западной стене зиаретхоны устроен мозаичный михраб. Бордюр из удлиненных фигур и розетт обходит нишу михраба. Надписи помещены в прямоугольной рамке над тимпанами. Ниша — полувосьмигранная в плане, сплошь заткана цветочным орнаментом. Тона мозаики — белый, черный, синий, голубой, зеленый, охра, красные сердцевинки цветов.

В гурхоне находится резное беломраморное надгробие Зенги-ата: высокий параллелепипед, стоящий на цоколе, увенчан поверху стрельчатым гребнем. Резьба эпиграфическая, верхняя строка содержит славословие аллаху, во второй и третьей: «Это — могила шейха покойного, прощенного, счастливого, мученика за веру, праведного и поклоняющегося господу, аскета, шейха Зенги-ата — да будет с ним милость аллаха».

Размеры: общие — $18 \times 13,8$ м (по portalу), 9 м — ширина здания (по зиаретхоне), высота купола зиаретхоны — $18,3$ м, высота портала — 10 м, пролет арки портала — $6,6$ м; помещения: зиаретхона — $6,2 \times 6,2$ м, гурхона — $3,71 \times 3,7$ м; надгробие Зенги-ата: $2,55 \times 1,05$ м, высота $1,3$ м с цоколем.

Архитектурно-археологическими исследованиями установлены два периода строительства мавзолея Зенги-ата:

в конце XIV в. был построен мавзолей, состоящий из двух помещений;

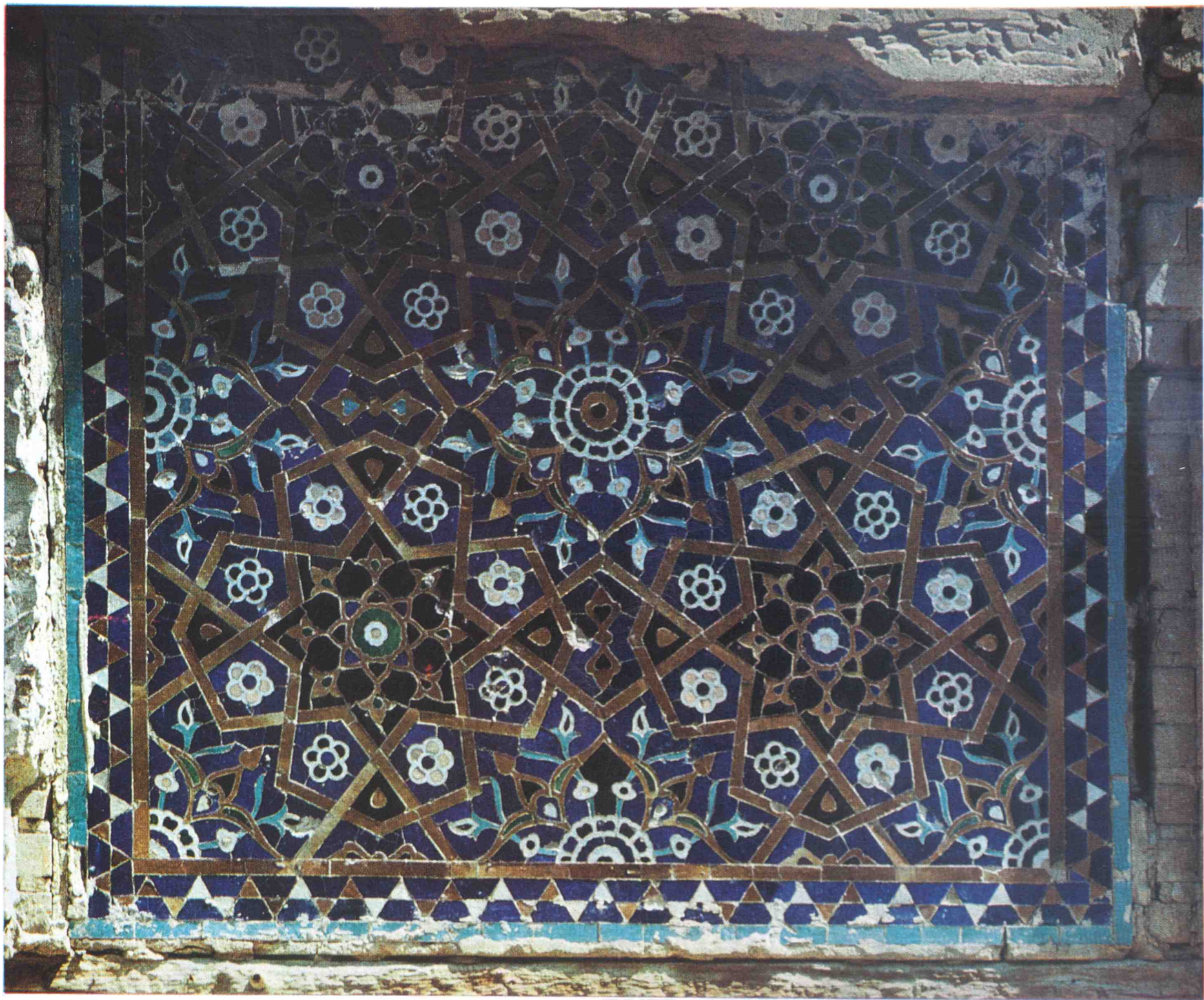
в первой половине XV в. при Улугбеке пристроены портал и боковые крылья с несохранившимся помещением халимхоны и другими частями, которые еще ждут подробного археологического изучения.

В 1868 г., во время землетрясения, обрушилась арка портала, сильно повреждены купола. При ремонте 1887—1888 гг. гурхона была перестроена «русским» кирпичом, искажена дополнениями (декоративные минаретки, кирпичный карниз). Скуфьи куполов переложены, покрыты оцинкованным железом. Интерьеры оштукатурены, понизу закрашено масляной краской место мозаичной

Фрагменты мозаики портала

Фрагменты майолики.

панели. Верх портала был переложен. Боковые и задний фасады капитально отремонтированы тем же кирпичом.

Мавзолей был предметом комплексного архитектурно-археологического и инженерного изучения, проведены укрепление, реставрация и благоустройство. Архитектурные обмеры сделаны в 1944 г. (Б. Н. Засылкин, А. Н. Виноградов, Т. С. Смирнова), 1959—1960 гг. (И. А. Усманходжаев, А. Фрейтаг, М. Ахмедшин, В. Горохов). Археологическое изучение в 1958—1959 гг. проводили К. А. Шахурин и П. Б. Немцева; в 1979 г. проект реставрации был предложен архитектором В. М. Филимоновым.

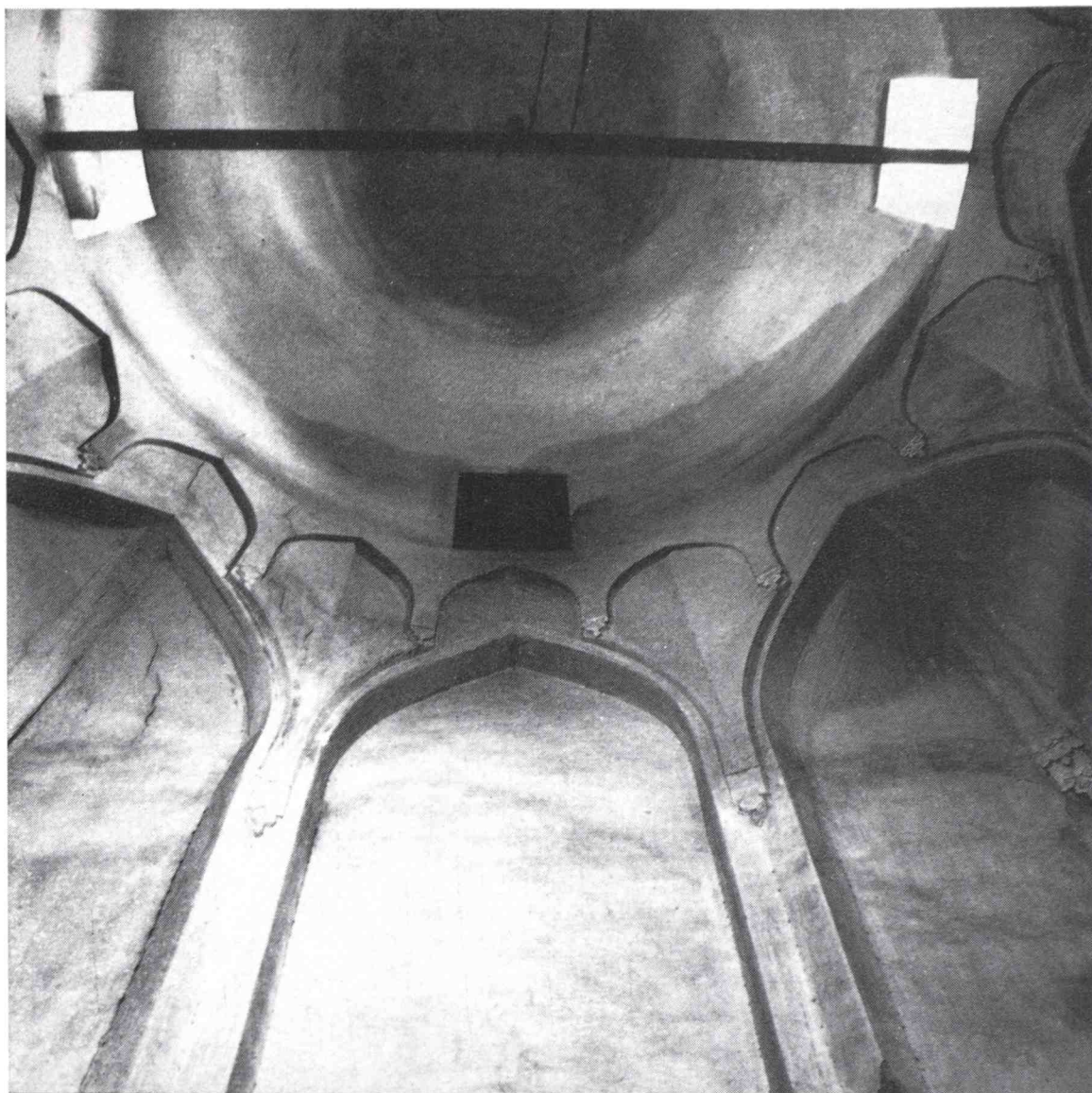
Мавзолей Зенги-ата — одно из звеньев в процессе формирования многокамерного продольноосевого мавзолея-комплекса. Его порталная двухкупольная композиция находит аналоги в современном ему мемориальном зодчестве (конец XIV в.) и в последующие времена. Памятник — характерная и точно датированная веха в истории зодчества, он несет на себе полихромный декор времени Тимура и Улугбека и одно из крупнейших резных камен-

Фрагмент мозаичного михраба.

Деталь мозаики михраба.

Интерьер зиаретхоны. Паруса.

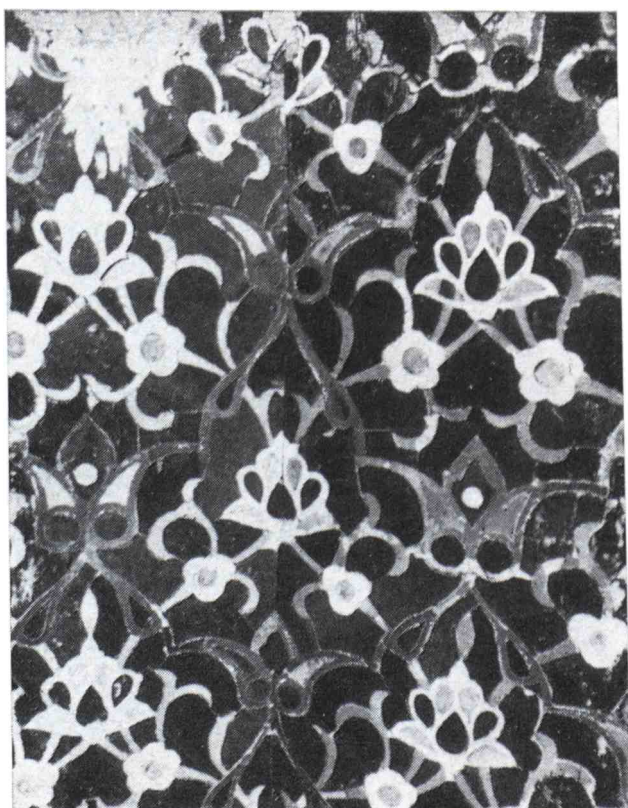
ных надгробий эпохи Тимура. Он входит в число значительных произведений эпохи расцвета среднеазиатской архитектуры конца XIV—XV вв. и представляет большую научно-историческую и художественную ценность.

Литературные источники немногочисленны и посвящены, главным образом, историческим сведениям о возникновении комплекса и связанным с ним обычаям и обрядам.

3. МАВЗОЛЕЙ АМБАР-БИБИ (АМБАР-АНА) (конец XIV— первая половина XV в.)

Амбар-биби или Амбар-ана была женой Зенги-ата. Она вышла за него замуж после смерти первого мужа — Сулеймана Хаким-ата Бакыргани, выходца из Хорезма, который тоже был последователем Ходжа Ахмада Яссави и учителем Зенги-ата. В хорезмских легендах образ «святой» Амбар-биби связывается с темой материнства и плодородия, восходя к очень древним доисламским верованиям (103). Предание приписывает возведение мавзолея Амбар-биби, как и мавзолея Зенги-ата, Тимуру. Архитектура и конструкция мавзолея Амбар-биби находят аналоги в памятниках зодчества эпохи тимуридов. Прямых исторических указаний на время строительства мавзолея Амбар-биби не выявлено.

В мавзолее сооружены два ступенчатых призматических надгробия, в которые вмазаны осколки майоликовых облицовок с купола мавзолея Зенги-ата. Одно из надгробий принадлежит Амбар-

биби, второе, по преданию, — Улуг Подшо, матери Сулеймана Хаким-ата Бакыргани.

Стройный призматический объем мавзолея имеет в плане форму квадрата со срезанными углами или неправильного восьмигранника. В композиции доминирует высокий сфероконический купол, поднятый на цилиндрическом барабане. Портал, суженный по сравнению с корпусом, почти не выделен объемно по высоте, отмечен лишь углублением входной ниши и разработкой П-образной порталной рамы.

В каждой фасадной грани мавзолея выложены декоративные плоские ниши, с вытянутыми в углах четвертями, с плоским балочным завершением на середине высоты объема. Форма ниш необычна и может свидетельствовать либо о смене замысла в ходе строительства, либо о перестройках. Верх фасадов венчает ряд кирпичей, установленных на ребро (дандана). В облике мавзолея характерны уклон стен внутрь, сужение портала вверх и коническое сокращение диаметра барабана кверху — ряд приемов, сообщающих небольшому памятнику выразительность, монументальность и пластичность. Внутри мавзолея заключена единственная камера, квадратная в плане, с четырьмя неглубокими нишками в стенах. В пилонах портала устроены кирпичные винтовые лестницы. Вход один — из портала. Интерьер разработан подобно зияретхоне мавзолея Зенги-ата: ниши подняты и объединены с ярусом парусов, пять угловых арок парусов низко опущены и завершаются фигурной висячей пятой, поверху над парусами идет невысокий шестнадцатигранный барабан, переходящий в купол. Как и в мавзолее Зенги-ата, четверик и восьмерик не разединены традиционными горизонтальными членениями, а слиты воедино — вертикальными.

Мавзолей сложен из плиточного жженого кирпича ($27 \times 4,5 - 26,5 \times 5,6 - 26 \times 5,5$ см; 10 р. + 10 ш. = 70 см). Раствор лессовый. Внутри и снаружи стены покрыты ганчевой штукатуркой. Очень небрежная разбивка в плане свидетельствует о невысоком качестве строительных работ.

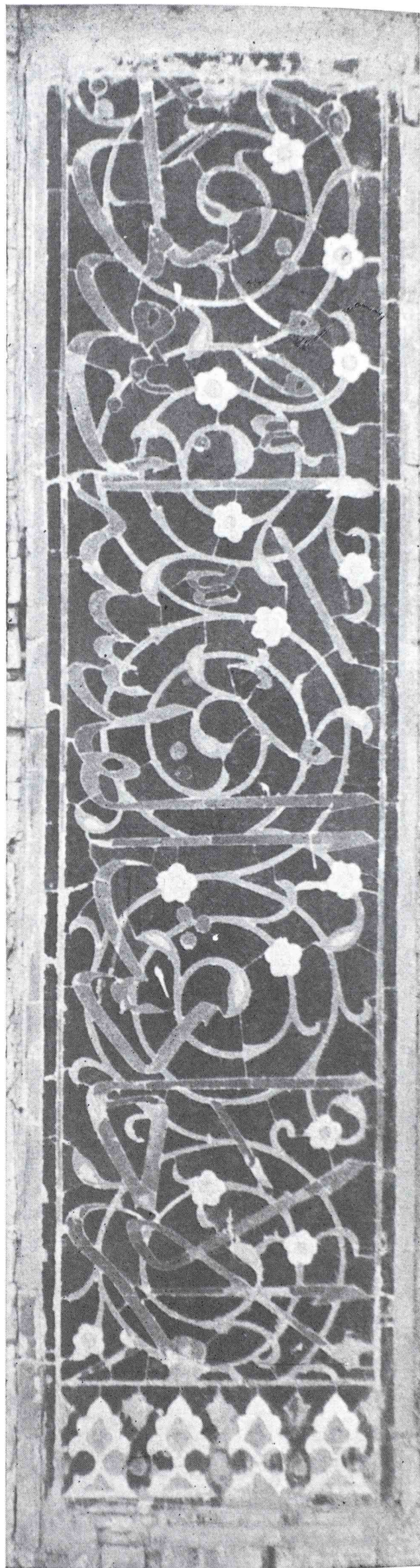
Мавзолей перекрыт двойным куполом на арочных парусах. Внутри наружного купола выложена обычная для XV века система радиальных ребер жесткости и балочных связей их крепления.

Декор фасадов не сохранился. До ремонта 1946 г. на барабане наружного купола фиксировались фрагменты облицовки кирпичной мозаикой: внизу несколько рядов шлифованного кирпича, пояс из сине-голубых плиток и терракоты, выше, на всю высоту, — мозаичный пояс из восьмиконечных звезд (синий контур, терракотовый фон, внутри — 5-6-лепестковые цветы с белой сердцевинкой). Подобные облицованные сплошь мозаичные барабаны характерны для памятников эпохи тимуридов.

В интерьере декора нет. Стены оштукатурены и побелены при позднем ремонте. По низу стен оставлено гнездо для мозаичной панели, высотой 144 см, глубиной 10—12 см, которая, видимо, не была осуществлена. На полу мавзолея устроено возвышение (дахма), высотой 73 см с двумя небольшими надгробиями, с плоским и двускатным завершением, облицованные явно чужими майоликовыми плитами с крупными буквами на синем фоне. Облицовка дахмы сделана терракотовыми кирпичиками (4×4 ; 4×13 см.) Из деталей можно отметить входную резную деревянную дверь поздней работы. В прямоугольное окно над ней вставлена ганчевая паиджара.

Размеры: общие в плане — $6,37 \times 9$ м, высота купола — 13,5 м, помещение — $4,7 \times 4,8$ м.

Мавзолей Амбар-биби сохранился до наших дней, но с большими утратами. Древнего купола нет. Сведения о мавзолее с упавшим куполом появились в печати впервые в 1897 г. В 1945—

Майолика портала мавзолея Зенги-ата.

Интерьер усыпальницы. Надгробие.

Фрагмент резной каменной облицовки надгробия.

1949 г. купол и верх портала восстановлены, барабан отремонтирован, листами переложены стены и цоколь, заново выстлана крыша, исправлена штукатурка. Разобран и сложен вновь верх барабана, выложен купол с ребрами жесткости внутри барабана и купола, заложены кольцевые железные натяжные связи по наружному периметру барабана, заделаны трещины, укреплена облицовка.

4. МЕЧЕТЬ

Замыкает двор перед мавзолеем Зенги-ата с юго-запада, построена в 1870 г. бывшим зенгиатинским казием. С появлением мечети двор обрел трапециевидную форму — корпус ее не параллелен застройке двора худжрами медресе. Вероятное объяснение этому — выбор ориентации здания с учетом кыблы. Возможно, что мечеть построена на месте разобранных помещений медресе. Южная торцевая стена айвана мечети представляет собой боковое крыло главного фасада мавзолея Зенги-ата; мозаика XV в. была заштукатурена при постройке мечети и лишь сейчас выявилась при реставрации. Среди росписей мечети была надпись с датой 1870—1971 гг. и именем мастера из Коканда Кож-Мухаммед-и-Коканди.

В 1914—1915 гг. мечеть ремонтировали и частично перестраивали: переделан айван, устроена скатная кровля над галереей, переложен южный фасад.

Мечеть в комплексе Зенги-ата относится к типу мечетей — намазгох, она здесь и использовалась для праздничных молений.

Мавзолей Амбар-биби. Общий вид.

Это — вытянутое в поперечном направлении, фронтально к дворовому пространству, здание с крупным портално-купольным объемом в центре, пониженными крыльями арочно-купольных галерей по сторонам и деревянным айваном перед всем зданием. Галереи мечети в Зенги-ата — четырехнефные, двухрядной застройки.

Намазгох в Зенги-ата, как и мечеть-намазгох в ансамбле Хазрет Имам в Ташкенте, — девятинефное здание, одно из крупнейших зданий такого рода в Средней Азии. Монументальная мечеть сложена из квадратного жженого кирпича, перекрыта одинарными сфероконическими куполами: в главном здании — на арочных, в галереях — на щитовидных парусах. Пилоны, на которые опираются купола галереи, квадратны в плане, с вынутыми по углам четвертями, спускающимися до цоколя.

Плоское перекрытие айвана поддерживается рядом простых деревянных колонн. По длине айван короче основного корпуса мечети на один пролет галереи в западном углу. Не исключено, что айван появился позднее, чем мечеть.

Стены мечети снаружи в черной кладке, внутри — оштукатурены. Интерьер первоначально был расписан цветами и надписями, живопись не сохранилась.

Размеры: 41×16 м, корпус собственно здания шириной 11 м без айвана, диаметр купола главного зала — 5 м, куполов галерей — 3 м.

5. МЕДРЕСЕ

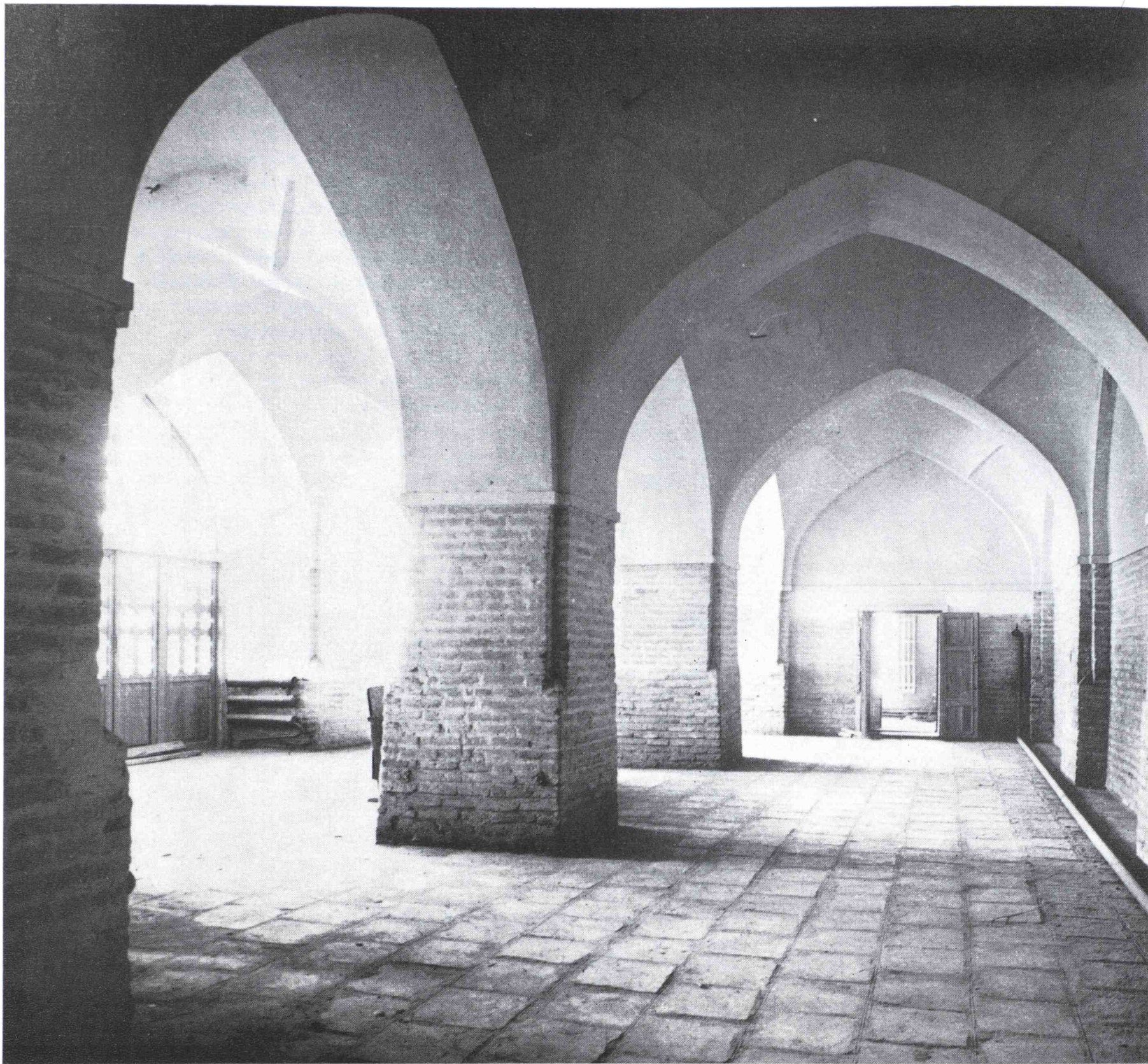
Застройка, обходящая с трех сторон трапецевидный двор перед фасадом мавзолея Зенги-ата, именуется медресе, хотя от традиционной схемы медресе здесь использован лишь принцип группировки мелких жилых худжр вокруг замкнутого дворового пространства, а из компонентов — лишь худжры и небольшая дарсхона, вкомпанованная в их ряд (на северо-западной стороне). Ритм худжр прерывается двумя входными помещениями: проходными дарвазахона в западном углу и в центре северо-восточной стороны застройки.

Время сооружения медресе с худжрами по периметру двора перед мавзолеем Зенги-ата определяется по характеру архитектуры и конструкций концом XVIII — началом XX вв. О разновременных этапах строительства, ремонтов и перестроек медресе свидетельствуют надписи на входных дверях: на двери портала, ведущего на кладбище (северо-восточная часть), врезана дата: 1286 год хиджры (1832 г.), входная дверь в западной дарвазахона имеет надпись: 1333 г. х. (1914—1915 гг.) и имена ташкентских мастеров: мулла уstad Кул-бек и уста Назар-хан. 1914—1915 годами датирован и минарет в центре двора. К этому строительному периоду относится, видимо, перестройка худжр в северо-восточной стороне.

Одноэтажные худжры медресе отмечены со двора ритмом неглубоких ниш, которые не везде соответствуют размерам расположенных за ними помещений. Порталом отмечены лишь дарвазахона в центре северо-восточной части двора и мавзолей Зенги-ата, асимметрично расположенный в южном углу. Примыкавшее к нему ныне не существующее и найденное археологически помещение халимхоны, от которого сохранился фасад с остатками мозаичного декора, было построено заподлицо с пилонами ниш медресе.

Архитектура и конструкции: низкие и широкие арки, смыкающиеся с П-образным обрамлением в виде западающего уголка до уровня цоколя, низкое качество кладки свидетельствует о том, что медресе, видимо, неоднократно перестраивали.

Медресе выстроено из квадратного жженого кирпича, ремонт-

ные участки 1914—1915 гг. выложены прямоугольным кирпичом. Худжры перекрыты стрельчатыми сводами, дарсхона и дарвазакхана перекрыты сфероконическими одинарными куполами (основанными на одинарных щитовидных парусах, а в дарсхоне — на восьмигранном ярусе арочных парусов, заполненных одинарными щитовидными парусами).

Размеры: общие — 48×62 м, двор — $36,5 \times 38,5$ м, худжры — $2,5 \times 3$ м, дарсхона — $4,5 \times 4,5$.

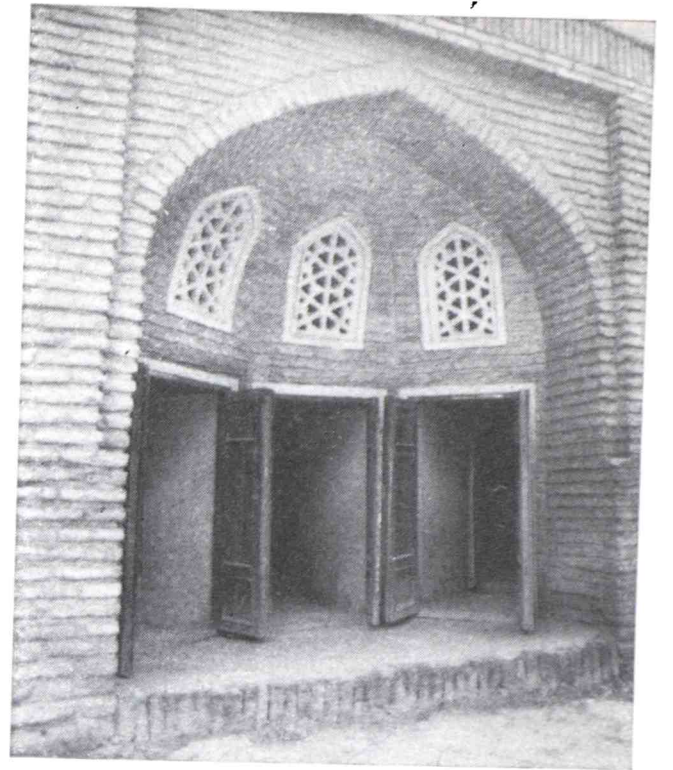
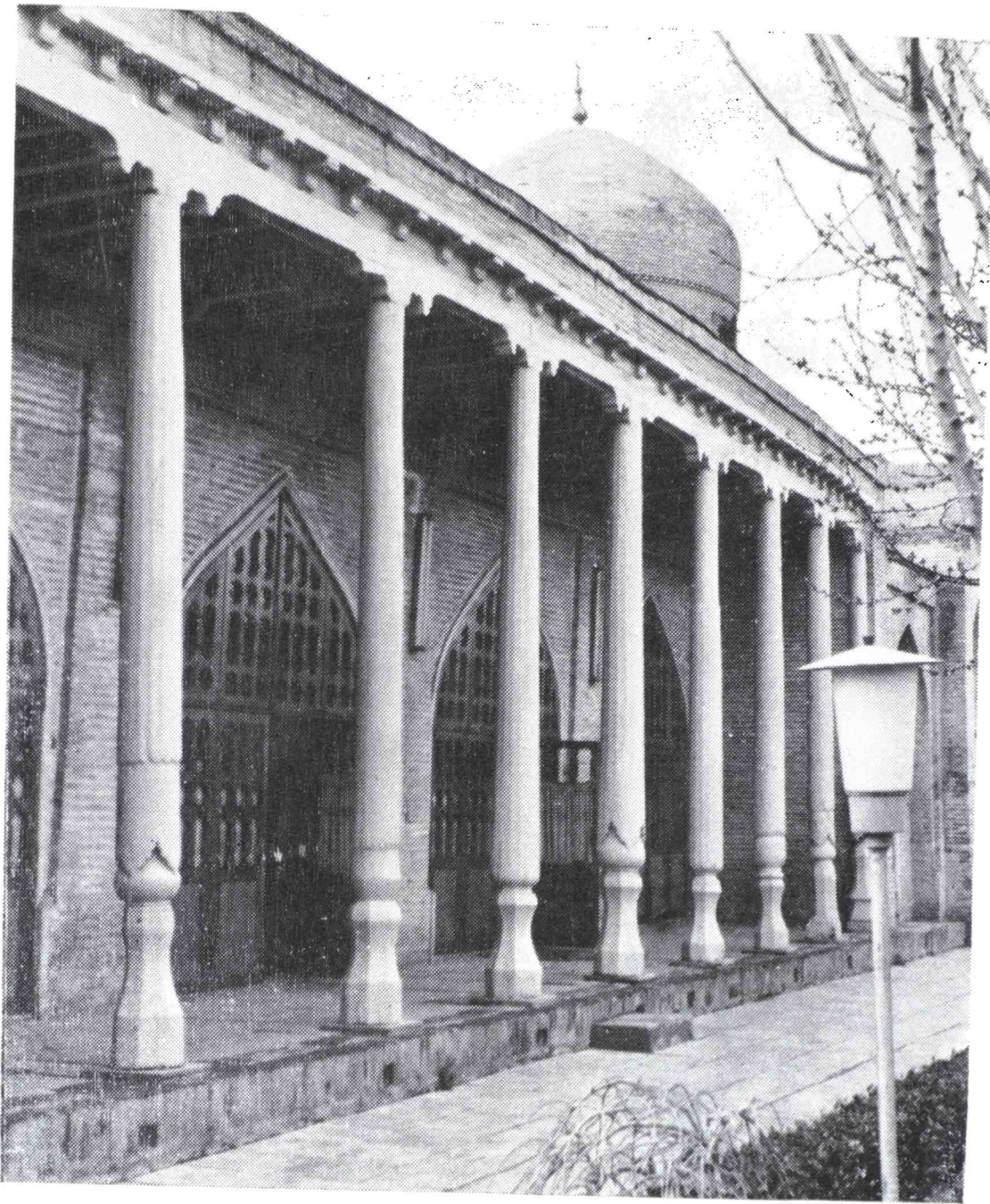
6. МИНАРЕТ В КОМПЛЕКСЕ ЗЕНГИ-АТА

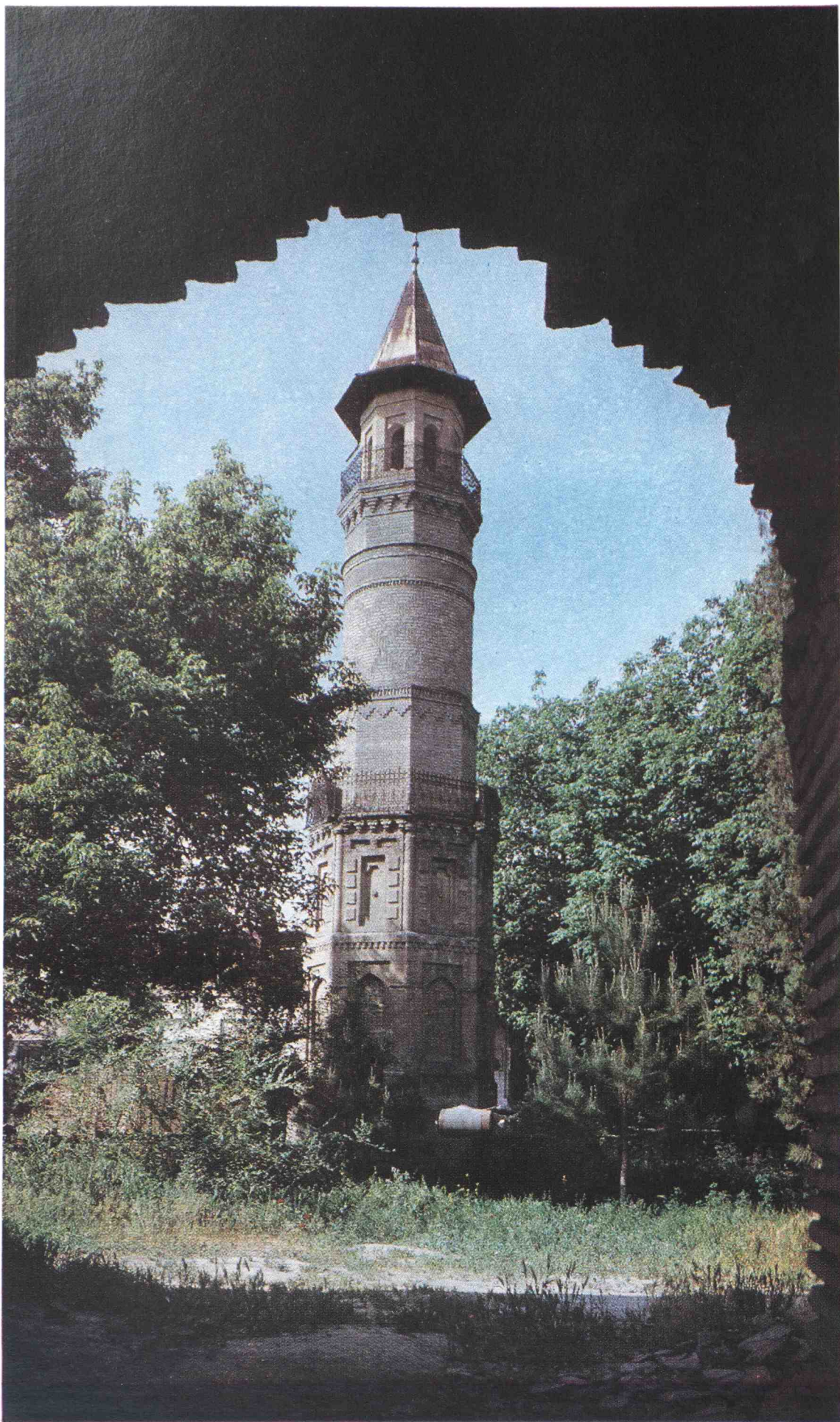
Расположен в центре двора перед мечетью намазгох. Единственное в своем роде сооружение подобного типа эпохи дореволюционного Туркестана.

Надпись над входом свидетельствует о том, что минарет построен в 1333 г. х. (1914—1915 гг.). Обстоятельства строительства и

Мечеть в Зенги-ата. Интерьер. Айван.

Медресе в Зенги-ата. Угол двора. Двор.

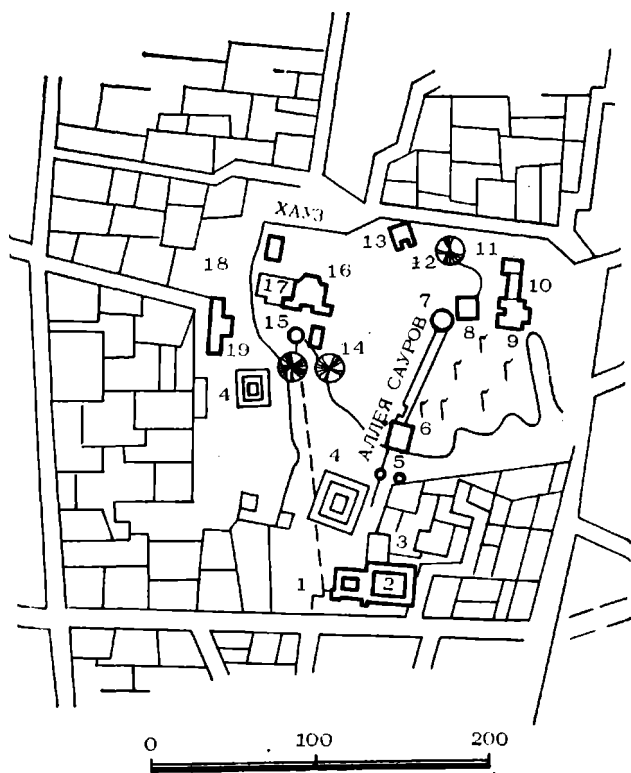

Минарет в Зенги-ата.

имя заанчика неизвестны. По композиции — трехъярусная постройка: высокая восьмигранная призма в основании, цилиндрический ствол, отделенный горизонтальными членениями — выступами от нижней, расширенной и верхней, чуть суженной и тоже граненой, частей. Верхнее звено минарета завершено кирпичным карнизом, выполненным в стиле эклектической архитектуры предреволюционного времени. Образовавшаяся на верху этой башни площадка отгорожена металлической решеткой из вертикальных стержней, вдоль которой можно обойти восьмигранный фонарь с

узкими арочными проемами в каждой грани, предназначенный для возглашения призыва на молитву. Фонарь, напоминающий звонницу русских колоколен, перекрыт высокой остроконечной шатровой кровлей, увенчанной двухступенчатым металлическим навершием «кубба» с османским знаком полумесяца в зените. Большой вынос козырька над ротондой придает кровле сходство с китайскими пагодами. Эклектическое по архитектуре сооружение выстроено из прямоугольного европейского кирпича ($26 \times 13 \times 6,5$ см) с расшивкой швов кладки в облицовочном, лишенном штукатурки, слое.

7. АНСАМБЛЬ ШЕЙХАНТАУР (ШЕЙХА ХАВЕНДИ ТАХУРА, XV—XIX ВВ.)

выходцем из этого даха, считавшего себя потомком шейха Хавенди Тахура в 16-м колене.

В XIX в. кладбище пополнилось входным чортаком (1892 г.) и примкнувшим к нему с востока медресе Ишан Кули-датха.

В 1908—1910 гг. между мавзолеями Шейхантаура и Калдыргач-бия Ходжимат-ишан, выходец из Наманганской области, достроил Аурад-мечеть.

Невдалеке от мавзолея Юнус-хана возникли символические захоронения — мазар Куктеллик-ата («исцелителя» от коклюша) и мазар Кабз («исцелителя» животных от болезней почек). Исцелителем считался и сам шейх Хавенди Тахур: его шапка (кулях) «лечила» головную боль, облегчала роды. Имя святого, по легенде, имитирует шум голубиных крыльев (ат-тахур) — голуби поднялись с могилы Каффаль Шаши, когда родители Шейхантаура принесли туда ребенка.

Между чилляхоной и мавзолеем шейха Хавенди Тахура была специальная зиаретхона (помещение поминаний усопших). Возле Аурад-мечети и перед мавзолеем Юнус-хана стояли небольшие минареты (последний был построен в 1913 г.).

На территории кладбища размещалось несколько мечетей квартального типа, каркасных, с резными колоннами и росписными потолками айванов и залов (мечети Занджирлик у входа, перед хаузом, Гариб и Саид Азимбая к северу и западу от мавзолея Юнус-хана, мечеть Хатун 1754 г., перенесенная в 1932 г. из старого города). У входа на кладбище располагался большой, заросший деревьями хауз — Лянгар. Перекрестки аллей, подводивших к главным святыням кладбища, отмечали чортаки — купольные арочные киоски (известно о существовании чортака XV в. у мазара Кучкар-ата («отец — козел»), второй чортak — внутри кладбища и третий 1892 г. — у его входа). От чортака XV века к зиаретхоне и чилляхоне у мавзолея Шейхантаура вел вросший в землю коридор (гишт йул — кирпичная дорога), обсаженный деревьями, составлявшими известную аллею сауров (туйя); обрубок одного из окаменевших стволов этих деревьев лежит и сейчас в мавзолее Шейхантаур*.

На территории Шейхантаура росло несколько 500-летних чинар. У мазара Кучкар-ата рос карагач, увешанный рогами козлов и вотивными тряпочками. Среди зелени, над арыками и хаузами, стояли каркасные беседки-шийланы, чайхоны, лавки-дुकаны для продажи лепешек и сладостей, ошхона, балаганы для зрителей для участников многолюдных празднеств и обрядов, проводившихся на территории кладбища.

С 1924 г. кладбище было закрыто, район подвергнут реконструкции. Снесены чилляхона и другие постройки. В 1947 г. разобран чортak 1892 г., в 1964 г. исчезли остатки медресе Ишанкулдатха, в котором размещалась киностудия. В 1967 году разобрана мечеть Хатун, служившая последние годы библиотекой.

Историческая топография ансамбля изучена в 1942 году археологическими раскопками и исследованиями кафедры археологии САГУ под руководством профессора М. Е. Массона, а впоследствии — дополнена работами Ташкентского археологического отряда Академии наук Узбекской ССР под руководством В. А. Булатовой.

8. МАВЗОЛЕЙ ШЕЙХАНТАУР (ШЕЙХА ХАВЕНДИ ТАХУРА)

(Основан в XIV—XV вв., надземная часть — конец XVIII — начало XIX в.)

Ташкент, ул. Навои, проезд Шейхантаура.

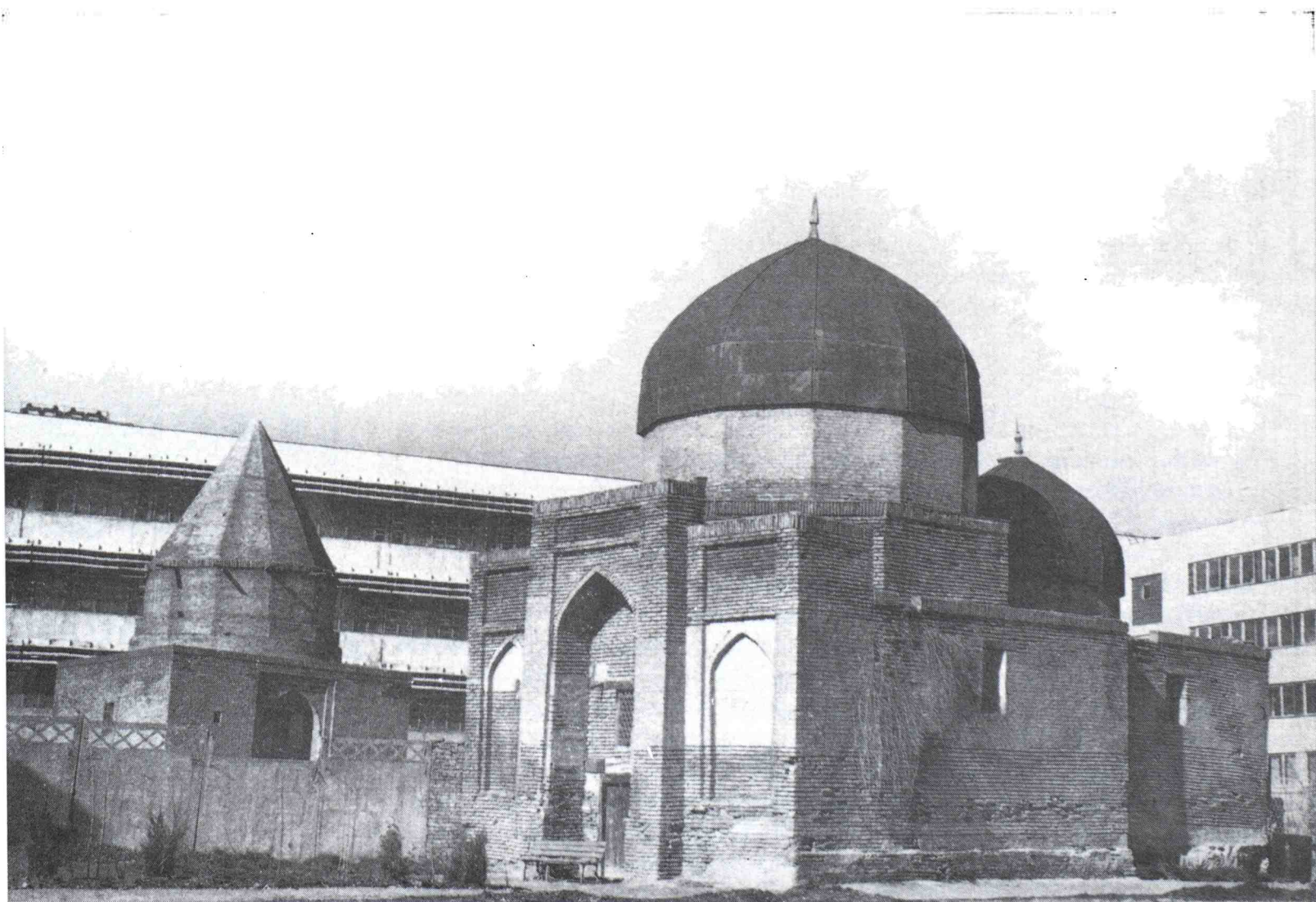
Мавзолей построен в честь шейха Хавенди Тахура, родом из горного села Богустан (ныне Бостанлыкского района Ташкентской области), умершего в 756 г. х. (1355 г.). О существовании старо-

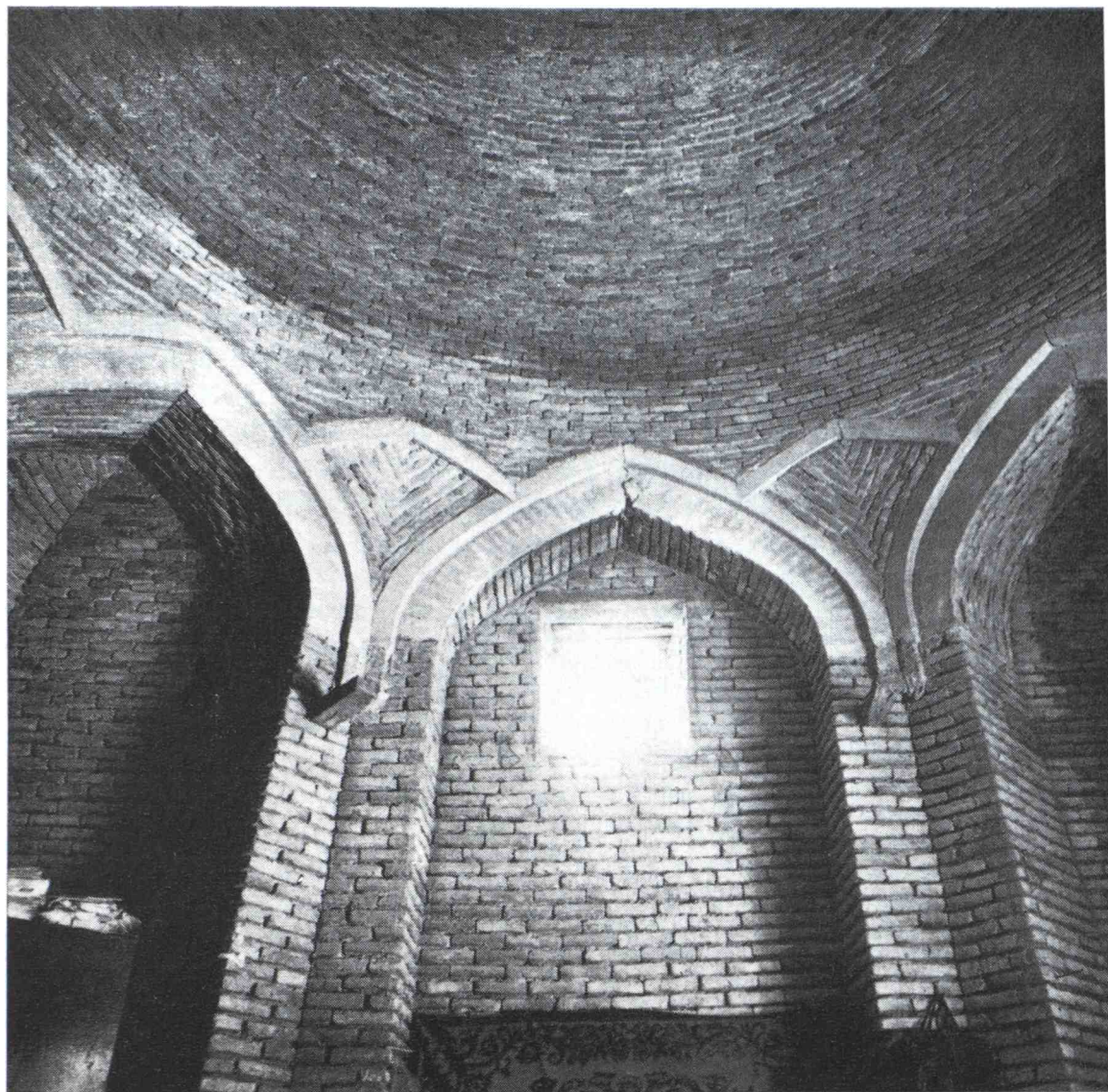
* С происхождением сауров связана красивая легенда, записанная Д. Эварницким со слов киргиза Кадыра Калдарбая: «О том, как Александр Македонский отправился походом в далекие горы, за которыми конец света начинается. В тех горах протекал ручей живой воды, и кто пил ту воду, тот вечно жил на земле. Александр набрал той воды целых два бурдюка и с этими бурдюками возвращался в свое царство. По дороге он заболел какой-то тяжелой болезнью, а в то время на его войско напала стая хищных воронов и проклевала оба бурдюка с живой водой. Вода вытекла, а царь вскоре после этого умер, потому что никакое лекарство не могло помочь...» (119, с. 144). В редакции В. И. Масальского ташкентская легенда гласит, что, возвращаясь из подземного царства, Искандер Зулкарнайн вышел из-под земли на Шейхантаурском кладбище и разлил там несколько капель вечно живой воды, взятой им из подземного чудного источника. На месте падения капель выросли деревья сауры (туйя), стволы которых считаются священными (76, с. 617).

го мавзолея Шейхантаура свидетельствуют источники XVI в. (78, с. 118; 4, с. 183). Но сохранившаяся постройка — не первоначальная, она воздвигнута на старых фундаментах, с сохранением плана и основных архитектурных форм; время возведения, предположительно, — первая половина XIX в., при владычестве кокандских ханов (98, с. 25). Археологические раскопки последних лет, проведенные Институтом археологии Академии наук Узбекской ССР, установили, что фундаменты мавзолея устроены по-разному: глубокие — под гурхоной, и мелкие, всего 40 см, под зиаретхоной, в слоях позднего кладбища. Надземная часть — продукт единого строительного периода, сложена жженым плиточным кирпичом колеблющихся размеров (24—27 см сторона, 4,5—5 см толщина), видимо, собранным от старых средневековых построек. Для XIX века в Ташкенте характерен мелкоплиточный формат кирпича.

Мавзолей шейха Хавенди Тахура — продольноосевой двухкамерный мавзолей-комплекс. На продольной оси композиции, ориентированной запад-восток, размещаются: скромный, слабо выступающий из корпуса здания портал, зиаретхона и за ней сокращенная по размерам гурхона. Объемная композиция выявляет внутреннюю структуру здания, прямоугольный корпус мавзолея сокращается по ширине на участке гурхоны. Оба помещения перекрыты сфероконическими куполами.

В композиции мавзолея доминирует высокий купол зиаретхоны, купол гурхоны за ним меньше и ниже. Мавзолей сложен из жженого плиточного кирпича светложелтого цвета. В глубине швов просматривается ганчхак, с фасадов швы расшиты ремонтными растворами (известково-цементный на восточном, алебастровый — на западном). Размеры кирпича: на главном фасаде — 25×5—6, на южном — 25×4,5—5; на западном — 25—26×4—5; в зиаретхоне — 24×5; 26,5×6; 26×6; в гурхоне — 25×5; 27×5 см.

Мавзолей Шейхантаура. Интерьер зиаретхоны, паруса. Надпись на надгробной плите.

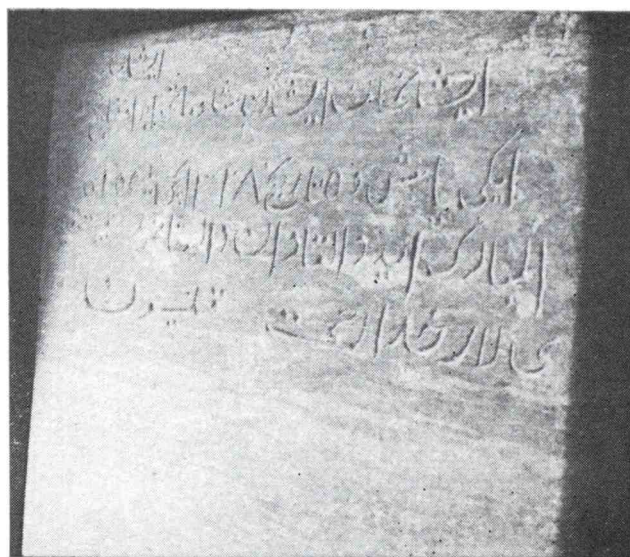
Зиаретхо́на — квадратное помещение с восьмигранником грубо выложенных ниш, переходящих в арочные паруса без горизонтальных членений. Угловые пазухи арок заполнены сомкнутым сводом. Между угловыми и настенными арками выложены «елочной кладкой» щитовидные паруса. Купол зиаретхоны — двойной, сфероконический снаружи, на 12-гранном барабане, с однорядным ячеистым кирпичным карнизом на переходе к скуфье.

Гурхона несколько сдвинута с центральной оси к северу. В плане она также квадратна, с четырьмя нишами во всю ширь стен, так что в углах между ними остаются лишь небольшие заплечики, опускающиеся до уровня панели (около одного метра от пола). Южная боковая ниша глубже остальных, плоских. Купол гурхоны — одинарный, объединенный в единое пространство с интерьером, что придает ему столбообразность, так как купол поднят на барабан, снаружи имеющий восьмигранную форму.

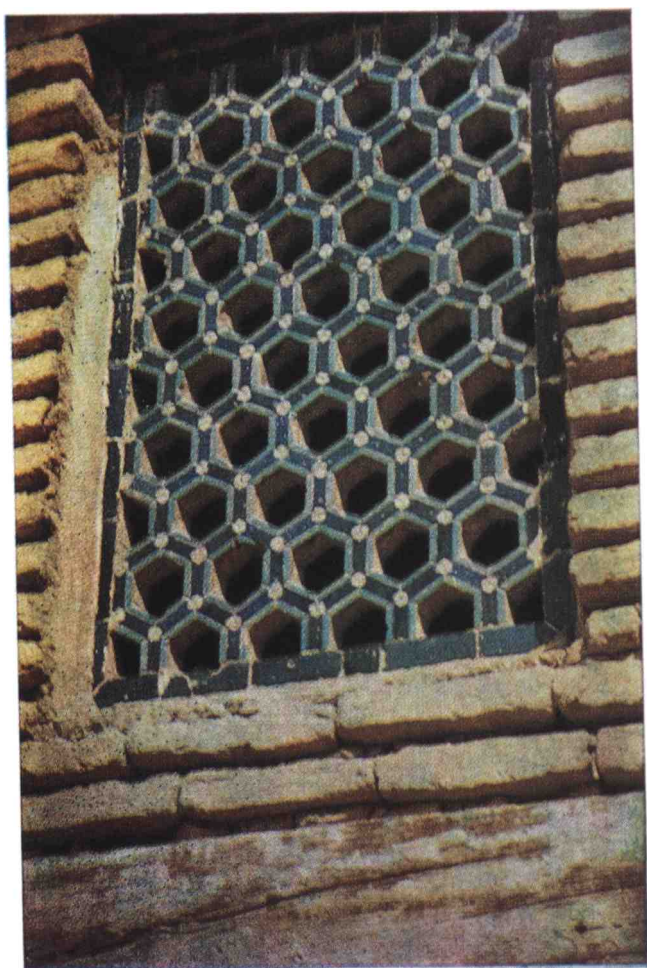
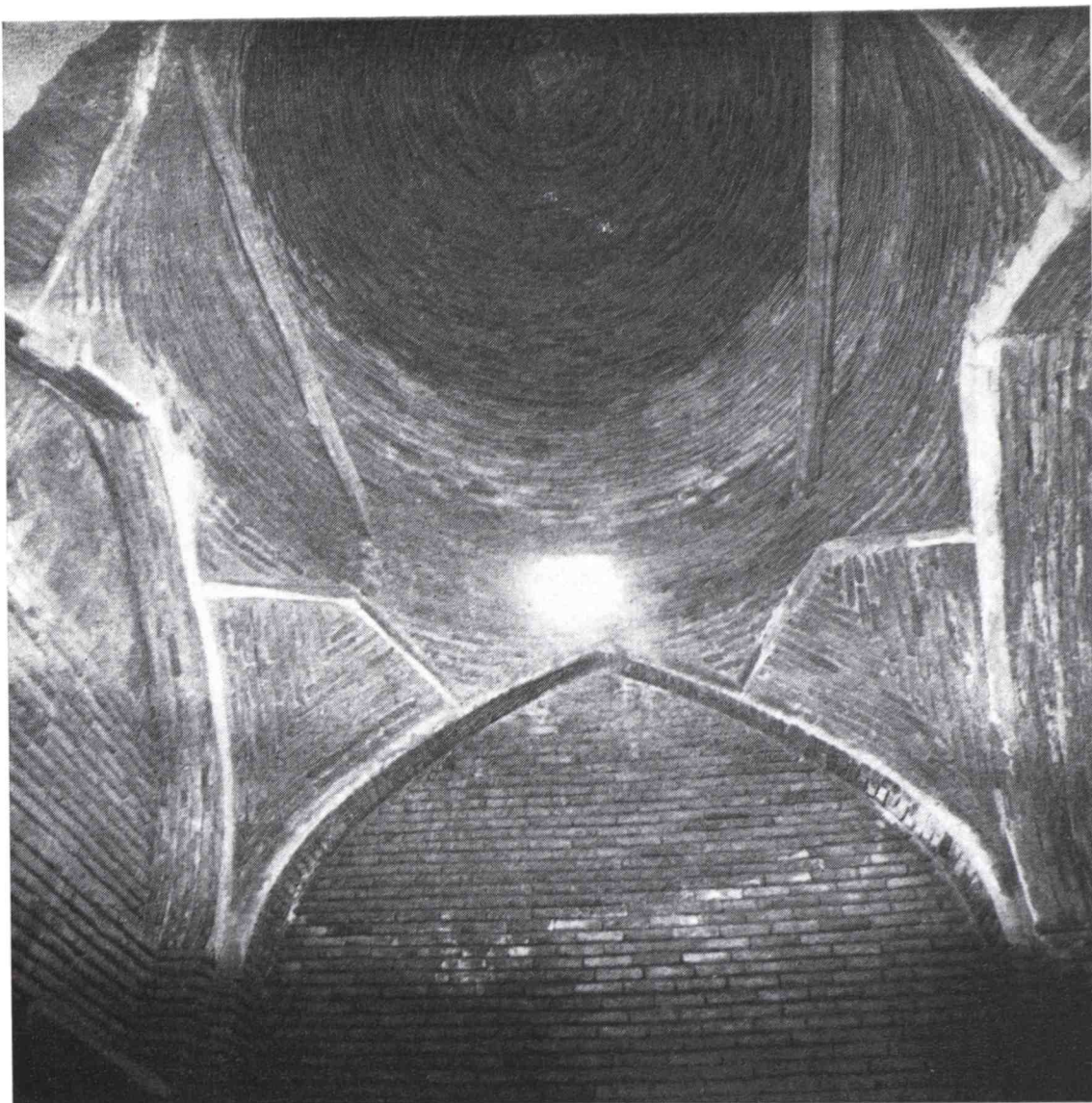
Главный фасад оформлен в виде небольшого портала в торце зиаретхоны. Портальная рама выступает всего на 0,5 м, ширина ее 3,5 м; пониженные крылья по сторонам от портала обработаны плоскими арочными нишами и прямоугольной плоской впадиной сверху. Прочие фасады гладкие, без членений, прорезаны только прямоугольными окнами гурхоны и зиаретхоны. В окнах гурхоны и на южном фасаде зиаретхоны вставлены керамические майоликовые панджара с 6-гранными ячейками. Голубые полосы с синим полем посередине образуют шестигранники ячеек с белыми промежуточными треугольниками.

Декора интерьера нет, стены не оштукатурены.

Размеры: общие в плане — $9 \times 16,2$ м, зиаретхоны — 6×6 м, гурхоны — $4,1 \times 4,1$ м, высота купола зиаретхоны — 12,8 м, гурхоны — 9,6 м.

Керамическая панджара. Интерьер гурхоны, паруса.

Мавзолей деформирован. Пол в зиаретхоне повышен по отношению к улице, а в гурхоне — еще выше. С тыла низ стены гурхоны скрывает поздний пандус.

В 1910—1912 гг. на средства шейха Ходжимат-ишана из Намангана сделан ремонт: купола покрыты железом. В неизвестное время переложена стена в месте трещины под южным окном гурхоны, заложена дверь на ее восточном фасаде, установлены деревянные желоба для отвода осадков с крыши, сложным раствором расшиты швы в кладке цоколя.

Литературные источники освещают, главным образом, историю возникновения мавзолея в связи с топографией всего ансамбля.

Обмеры: 1938 г. — Б. Н. Засыпкин и А. З. Зайнутдинов, 1944 г. — Б. Н. Засыпкин и Т. Г. Смирнова, хранятся в ГлавНПУ.

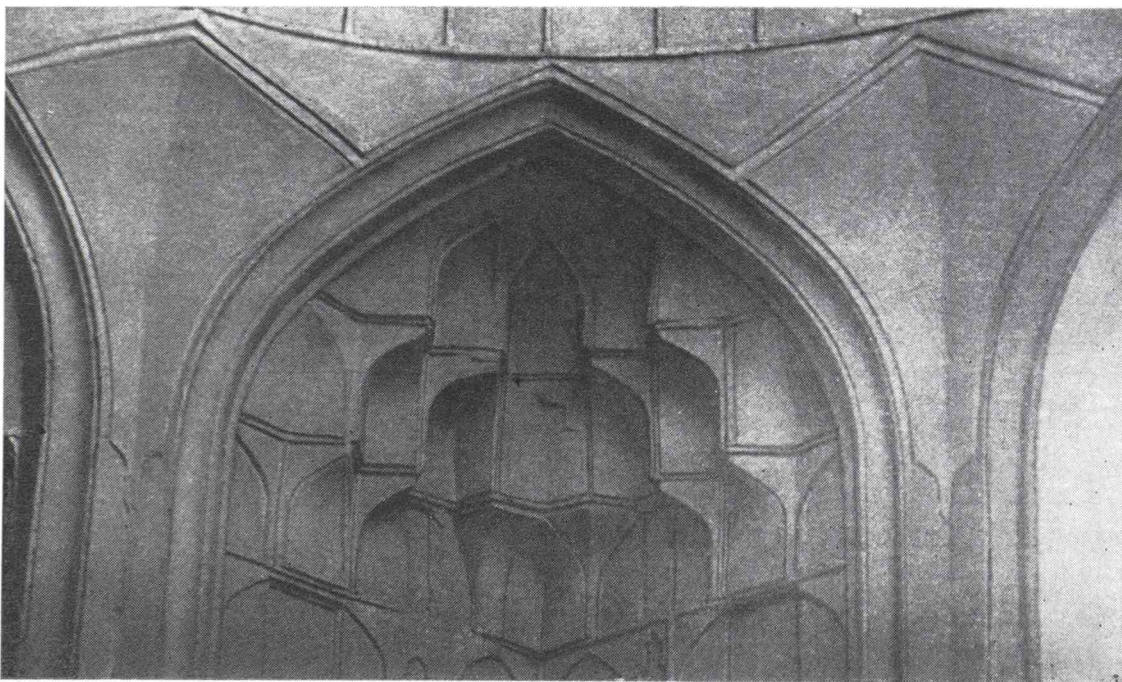
9. МАВЗОЛЕЙ КАЛДЫРГАЧ-БИЯ (Первая половина XV века).

Самый старый из сохранившихся памятников на территории Ташкента. Расположен в ансамбле построек Шейхантаурского кладбища, к северу от мавзолея шейха Хавенди Тахура. Прямых исторических сведений о времени возведения памятника нет. Датируется по архитектурным формам первой половиной XV века (арочные паруса с промежуточными щитовидными парусами известны, начиная с конца XIV в., по мечети Биби-Хапым). По Хафизу-Танышу (см. «Абдулла-намэ»), Калдыргач-бий был предком Ходжа-Ахрара и правителем Моголистана (4, с. 183).

По одной из народных легенд он был моголистанским царевичем из кипчаков (87, с. 98), по другой — казахским бием из рода дулат, правителем (первая половина XVIII в.) в Старшей Орде по имени Толебий, прозванным «Калдыргач» («Ласточка») (4, с. 119).

Мавзолей Калдыргач-бия — отдельностоящая купольная постройка, квадратная в плане. Кубический объем четверика — крес-

Мавзолей Калдыргач-бия. Общий вид.
Интерьер.

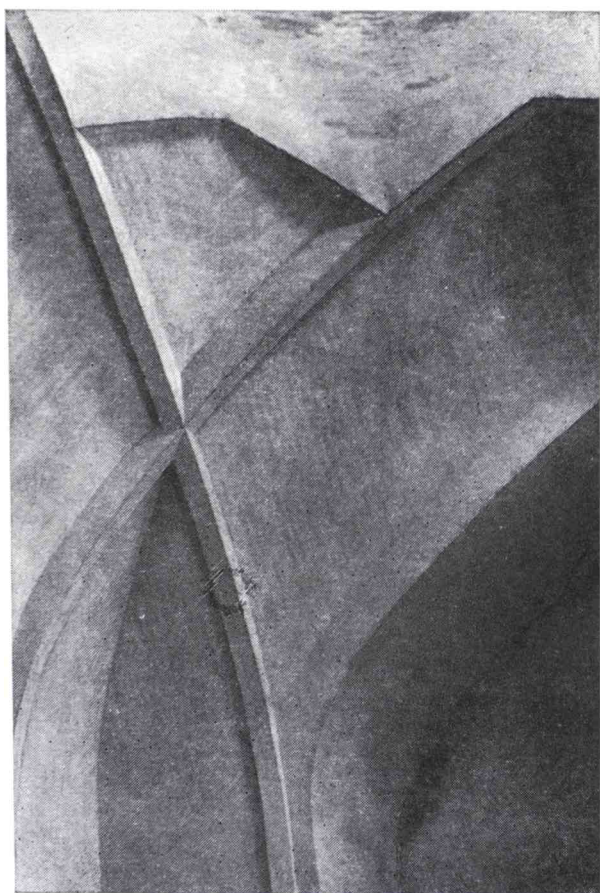

тообразный в плане зал с четырьмя нишами по осям стен, в углах которого помещаются четыре малых камеры, винтовая кирпичная лестница и худжры. Под главным залом находится небольшой квадратный склеп со входом с севера.

Кубический объём мавзолея прорезан единственным арочным входным проемом в южной нише зала. Вход с фасада не оформлен архитектурными формами. Ширина ниш соответствует стороне восьмигранника, вписанного в квадратный план зала. Ниши повышены, их своды совмещены с осевыми арками яруса парусов, дополнены в углах аналогичными по форме парусными арками с низко опущенными «висячими» пятами.

Между арками выложены щитовидные паруса.

Мавзолей перекрыт двойным куполом. Нижний был невысокого подъема, эллипсоидальный, судя по сохранившемуся отрезку кривой. Наружный, декоративный, был пирамидальным, как свидетельствуют старые фото и описания, на 12-гранном барабане

Мавзолей Юпус-хапа. Интерьер, пересечение арок, щитовидный парус. Портал (реставрация).

(10; 87, с. 90; 78, с. 119). Стены четверика основаны на двухступенчатом булыжном фундаменте, глубиной 1,5 м, с деревянными креплениями. Мавзолей сложен из квадратного кирпича (24—26 × 4,5—5 см в стороне, 10 р — 10 ш. = 58 см). Раствор — ганчевый, с очень значительной примесью лесса.

Фасады мавзолея выложены черной кладкой. Следов облицовки на фасадах нет. Интерьер несет несколько слоев ремонтных штукатурок. Ганчевые сталактиты в основании купола и в угловых парусных нишах — единственный сохранившийся элемент декора XV века.

Размеры: общие в плане — 9,48 × 9,48 м, зал — 6,6 м, высота четверика снаружи — 6,5 м, общая высота шатрового купола (реконструкция) — 13 м, ширина ниш интерьера — 2,2 м, глубина — 1,3 м.

Мавзолей Калдыргач-бия — единственный в Ташкенте образец центрического однокамерного мавзолея со склепом и редким в Мавераннахре многогранным шатровым двойным куполом. Памятник сохранил фрагменты сталактитового декора интерьера первой половины XV века.

В 1970-х годах купола восстановлены по проекту В. М. Филимонова.

Мавзолей обмеряли: в 1939 году — В. Л. Воронина (чертежи в архиве ГлавНПУ), в 1949—1950 гг. — Г. А. Пугаченкова (опубликован).

10. МАВЗОЛЕЙ ЮНУС-ХАНА (Конец XV в.).

Ташкент, проезд Шейхантаур, 3.

Один из самых древних и немногочисленных на территории Ташкента памятников эпохи тимуридов. Это — редкий в Средней Азии тип мавзолея — ханака Т-образного плана (аналоги — в Иране). Интересен также конструкцией перекрытия (купол на пересекающихся арках). Мавзолей был расположен на территории Шейхантаурского кладбища, к северо-западу от мазара шейха Хавенди Тахура. Ориентирован север-юг.

Выстроен в честь Юнус-хана (1416—1487 гг.), потомка Чингиз-хана, потерявшего моголистанский престол в борьбе с братом. В поисках пристанища попал ко двору Улугбека, потом к Шахруху. Тимуриды готовили его к войне против моголов. Втянутый в феодальные распри, Юнус-хан выступал то вместе с тимуридами, то против них. Наконец, он овладел Семиречьем и Восточным Туркестаном, в 1485 г. захватил Ташкент. Мавзолей выстроен, очевидно, в пределах 1487—1502 гг. на средства сыновей Юнус-хана, обеспечивших могилу вакуфом для ремонтов.

Утраченная ныне историческая надпись над входом, на щипцовой стене главного портала, гласила:

«Датой рождения Хазрета Юнус-хана чистоты аллахова дыхания был 818 г. хиджры (т. е. 1415/16 г. н. э.). В 892 (1486/87 г.) из мира тленного уход совершив... Их величества благородный возраст был 74 года. Великолепию ревака наступил конец в 979 г. х. (1571/72 г.)»

Далее следовали стихи, в хронограмме была зашифрована дата ремонта — 992 г. х. (1584 г. н. э.) и имя производившего его мутеваллия Баба-ходжи, сына Атахана. Они сохранились фрагментами:

«...Пештак величества Хазрет-хана благотворительный...
...Наступление времени той реставрации Баба-ходжи,
Мутевалли, сына Атахана

(Было) в году, чей тарих «похвала хана»,
(Да будет) милость истины всевышней (т. е. Аллаха)
К тому строителю».
/Цит. по М. Е. Массону, 1953, с. 180/.

Ниже сделана поздняя приписка — «Работа усто Ходжи Юнуса, сына Ходжи Сейида Мухаммеда», которая относится к 1321 г. х. (1903/04 г.) (4, с. 179—181). Более определенно свидетельствует о постройке мавзолея автор XVI века Хафиз Таныш («Абдулла-намэ»):

«...Юнус-хан, будучи разбит параличем, в 892 г. х. (1486/87) умер. Его труп погребли рядом с мазаром шейха Хавенди Тахура... И над его лучезарной могилой возвели высокие строения и возвышенные здания и покрыли их чрезвычайно высоким куполом, обнимающим собой чудесного вида худжры и в этой области этот мавзолей стал известен под именем Мазара-хана» (4, с. 194).

По преданию, строителем мавзолея Юнус-хана был Ахмед Ала-чахан, младший сын Юнус-хана (4, с. 179). Мавзолей Юнус-хана представляет собой тип многокамерного мавзолея-ханака с продольноосевой портално-купольной композицией. Индивидуальные особенности памятника: Т-образный план, образованный расширением крыльев по сторонам от главного портала, ориентированного на юг, и сильный выступ абсидной полуосьмигранной ниши на северном конце центральной оси композиции, с северного фасада. В корпус мавзолея вписан главный зал, крестообразного в плане очертания из-за четырех ниш по осям; северная ниша углублена упомянутой выступающей формой, предназначенной, возможно, для размещения основного погребения. В углах зала и крыльях главного фасада в два яруса выстроены жилые худжры.

Главный фасад мавзолея скомпонован в виде массивного портала с пониженными крыльями по сторонам. Пилоны портала, фланкирующие арку, расчленены декоративными западающими панно, с чередованием квадратных и прямоугольных фигур. Поверху портал венчался аркатурой-реваком, не сохранившимся до наших дней.

Стены мавзолея основаны на фундаментах неравномерной глубины (до одного метра) из бутового камня на ганччаке. Надземная часть сложена из жженого квадратного кирпича ($27 \times 27 \times 5$ см) на ганче.

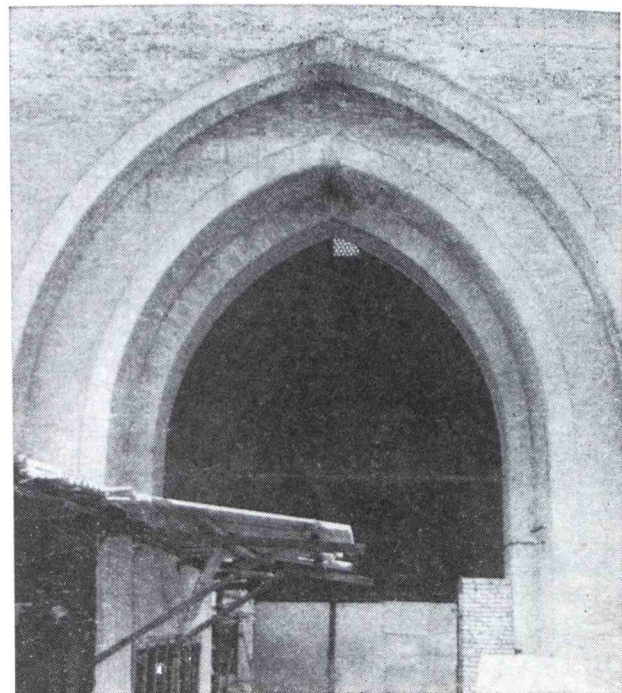
Купол главного зала опирается на систему четырех пересекающихся арок и выложенных в «елку» щитовидных парусов. Купол был двойным. Наружный утрачен, сохранилось лишь его восьмигранное основание на крыше. Перекрытия худжр выполнены в виде одинарных сфероконических куполов на щитовидных парусах.

Мавзолей не был декорирован, хотя декор предусмотрен. Место для надписей резервировано в нишах по сторонам от порталной ниши, по низу зала выложен отступ — гнездо для панели. В пятах арок видны неспиленные балки, которые могли поддерживать облицовку. Фасады частью остались в черной кладке, частью в штукатурке (южный). Единственная деталь декора — панджара главного фасада — деревянные и ганчевые. Резная входная дверь перенесена из разобранной квартальной мечети в 1933 г.

Декор интерьера составляют каменные трехчетвертные резные колонны, изъятые из медресе Барак-хана. В своде южной ниши нанесен сетчатый ганчевый гирих. Под аркой, в юго-восточном углу, заметны следы мелких сталактитов (муканнас), дополнявших декор плафона.

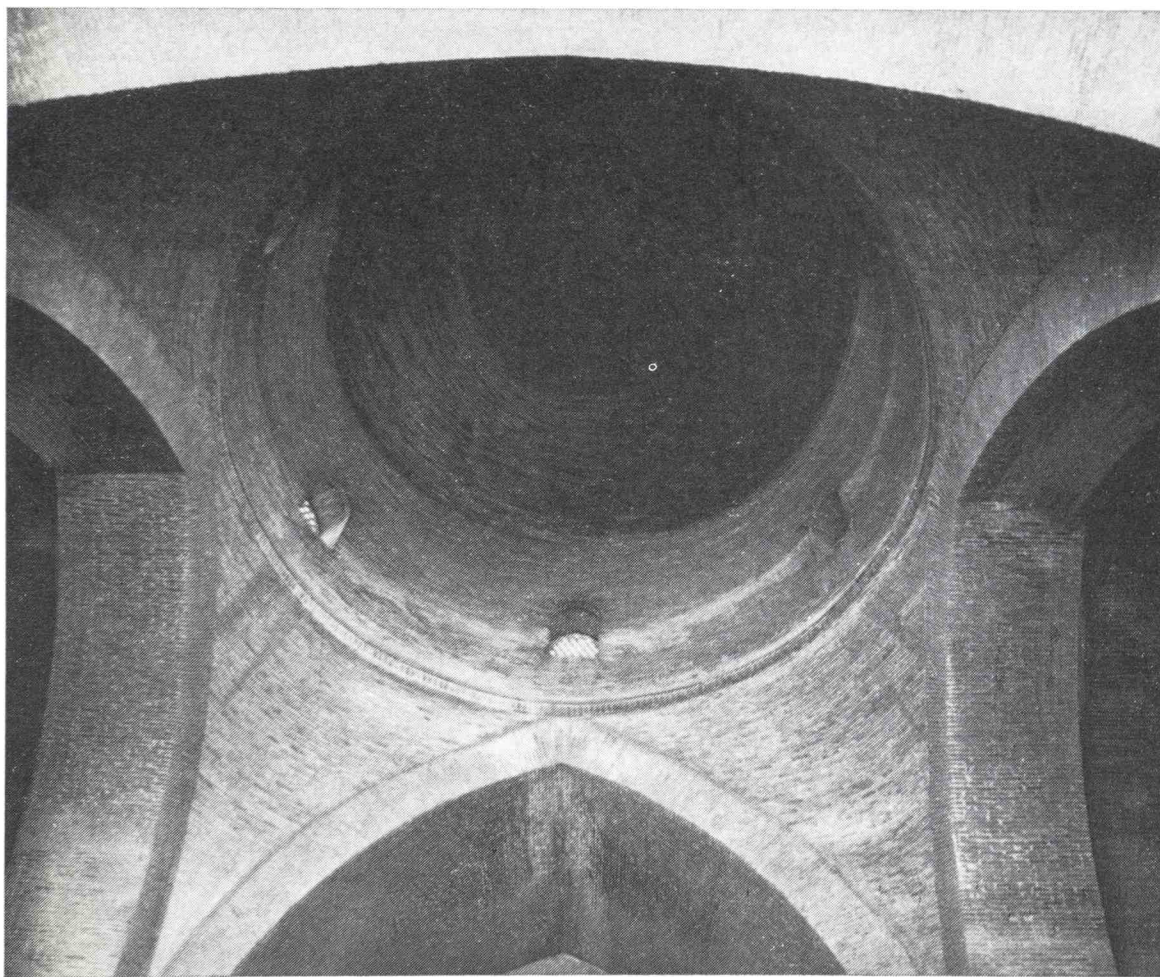
Размеры (общие в плане): длина по главной оси — 21,2 м, ширина главного портала — 22 м, ширина основного корпуса — 16 м, высота портала — 11,5 м, зал — 7×7 м.

Мавзолей дошел до наших дней с утратами. Ревак, венчавший

портал, обрушился в 1571 году, после XVI в. — то же постигло и наружный купол. Низ стен скрыт культурными наслоениями. Из-за многочисленных землетрясений стены прорвали сквозные трещины.

Памятник долго служил центром среднеазиатской реставрации, в 1950—1960 годах здесь размещалась специальная научно-реставрационная проектная мастерская, в 1951 г. было встроено

Мечеть Джамп. Общий вид здания. 1888 г. Портал. Интерьер.

перекрытие, разделившее зал надвое по высоте и пробиты квадратные окна. Мавзолей неоднократно подвергался ремонту: 1584 г. — восстановлен разрушенный верх пештака (ревак); 1903/4 г. (1321 г. х.) — состав ремонтных работ не выяснен; 1912/13 г. — кровля покрыта железом; 1932/33 г. — навешена дверь, перенесенная сюда из квартальной мечети; 1947 г. — заново переложены верх портала (с разборкой свода и выкладкой его заново) и внутренний купол, сделан ремонт крыши, прорублено прямоугольное окно в восточной стене; 1966 г. — после землетрясения мавзолей укреплен — заложены металлические связи в портале.

Генеральная реставрация памятника с восстановлением его наружного купола в формах XV века проведена в 1980—1981 гг. по проекту архитектора М. И. Бурштейна.

Мавзолей неоднократно обмеряли: в 1936 году — С. Полупанов, 1942 — Г. А. Пугаченкова, 1947 — Н. Н. Флавицкий, 1955 — Е. А. Муравский, 1967 — А. Акименко и Н. Кузьмина (архив ГлавНПУ).

Л и т е р а т у р а (о памятниках ансамбля Шейхантаур): Альхамова, Давидович, Литвинский, Массон (4), Воронин, Ратия (22, с. 72), Гаврилов (27), Добросмыслов (36), Калмыков (49), Кун (60), Маллицкий (67), Массальский (75), Массон (78), Пугаченкова (87, 89, 89 а), Семенов (97, с. 20; 98), Смирнова (100), Страмцова (105), Умняков (108, с. 26), Щербина-Крамаренко (117), Эварницкий (119).

АНСАМБЛЬ РЕГИСТАН

Площадь Чорсу.

11. МЕЧЕТЬ ДЖАМИ (XV—XVIII—конец XIX в.)

Ташкент, ул. Хакикат, 22.

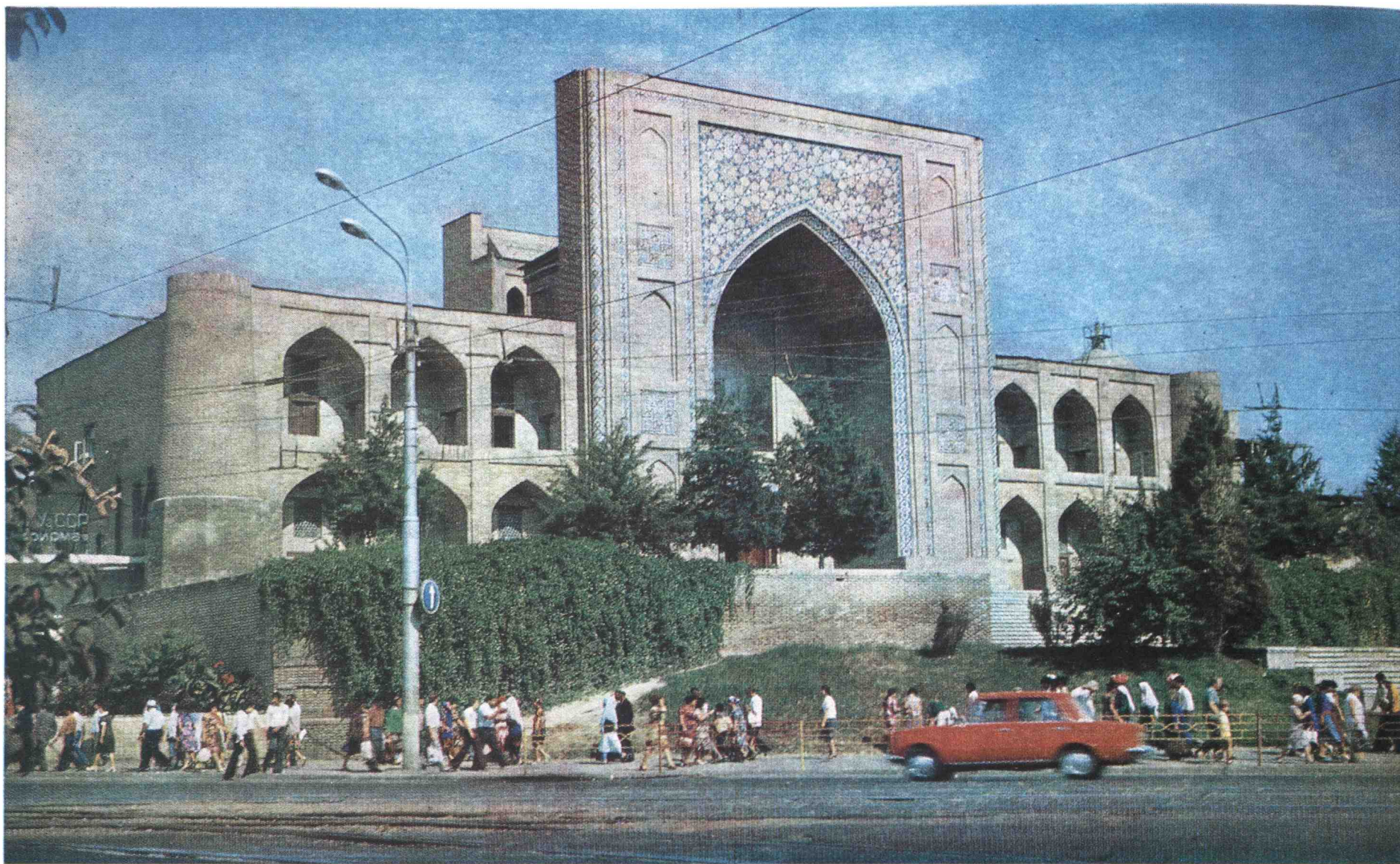
Мечеть Джамии — единственный в Ташкенте образец пятничной мечети дворового типа, бытовавшего в Средней Азии на протяжении всей эпохи развитого средневековья. Основа памятника (XV в.) еще археологически мало изучена.

В начале XIV—XV вв. Ташкент обрел значение города. Центр города — ансамбль Регистан — сложился в районе площади Чорсу, где основу ансамбля в середине XV века положили мечеть Джамии и медресе Ходжа Ахрара 855 г. х. (1451 г.) Оба здания построил Ходжа Ахрар. Получив образование в Самарканде (828—830 г. х. = 1424/25—1426/27 гг.), затем в Герате (830—835 г. х. = 1426/27—1431/32 гг.), он переселился в 836 г. х. (1432/33 г.) в Ташкент, а затем в Самарканд, где были его необъятные земельные владения — по историческим сведениям 80.000 десятин (отсюда и его прозвище — «деревенский шейх»). Скупость Ходжа Ахрара нашла отражение в легенде о том, что его ташкентское медресе выстроено на средства, вырученные от продажи ниток, выпадавших при продаже покупателям отрезов от цельных кусков материи в лавках Ходжа Ахрара: медресе разобрано в 1954 г. на кирпич для ремонта мечети Джамии (97, с. 20; 67, с. 79; 78, с. 122).

Памятник функционировал как джума-мечеть — городская соборная мечеть для еженедельных пятничных молитв — и имел замкнутую дворовую пространственную композицию.

Особенность плана Ташкентской мечети: очень вытянут в виде удлиненного прямоугольника, с крупным объемом здания мечети в конце продольной оси восток-запад. Вход не выделен архитектурными формами. Длинный двор был первоначально окружен однорядной одноэтажной арочно-купольной галереей.

К XVIII в. разрушилась галерея вокруг двора мечети Джамии, главное здание уже лежало в руинах. Тогда галереи были пере-

строены в худжры на средства казиза Зияуддина. В 1888 году капитально перестроили и главное здание — 13.208 рублей были отпущены на эти цели из царской казны. Поэтому впоследствии она получила название «Царская мечеть». Памятник сохранил, в лучшем случае, лишь свою древнюю планировочную основу и фрагменты конструкций.

Главное здание представляет собой кубический объем, перекрытый куполом с четырьмя оконцами в невысоком барабане. Восточная стена, обращенная во двор, прорезана крупной аркой. Скуфья купола сфероконическая, без декора. Купол основан на сферических парусах. Кривая арок-ниш и входного проема — стрельчатая, не среднеазиатского, а скорее готического абриса.

Фундаменты устроены из постелистого бутового камня на глиняном растворе. Под главным зданием глубина фундаментов 2,5 м, под пилонами портала фундамент сплошной — $4,5 \times 5,8$ м. Цоколь выложен жженым кирпичом, снаружи на ганче, внутри — на глине.

Стены мечети и столбы галереи сложены из квадратного жженого кирпича ($25 \times 25 \times 5$ см) на глине, с забуткой из кирпичного боя. Арочные и купольные перекрытия выложены на ганчевом растворе.

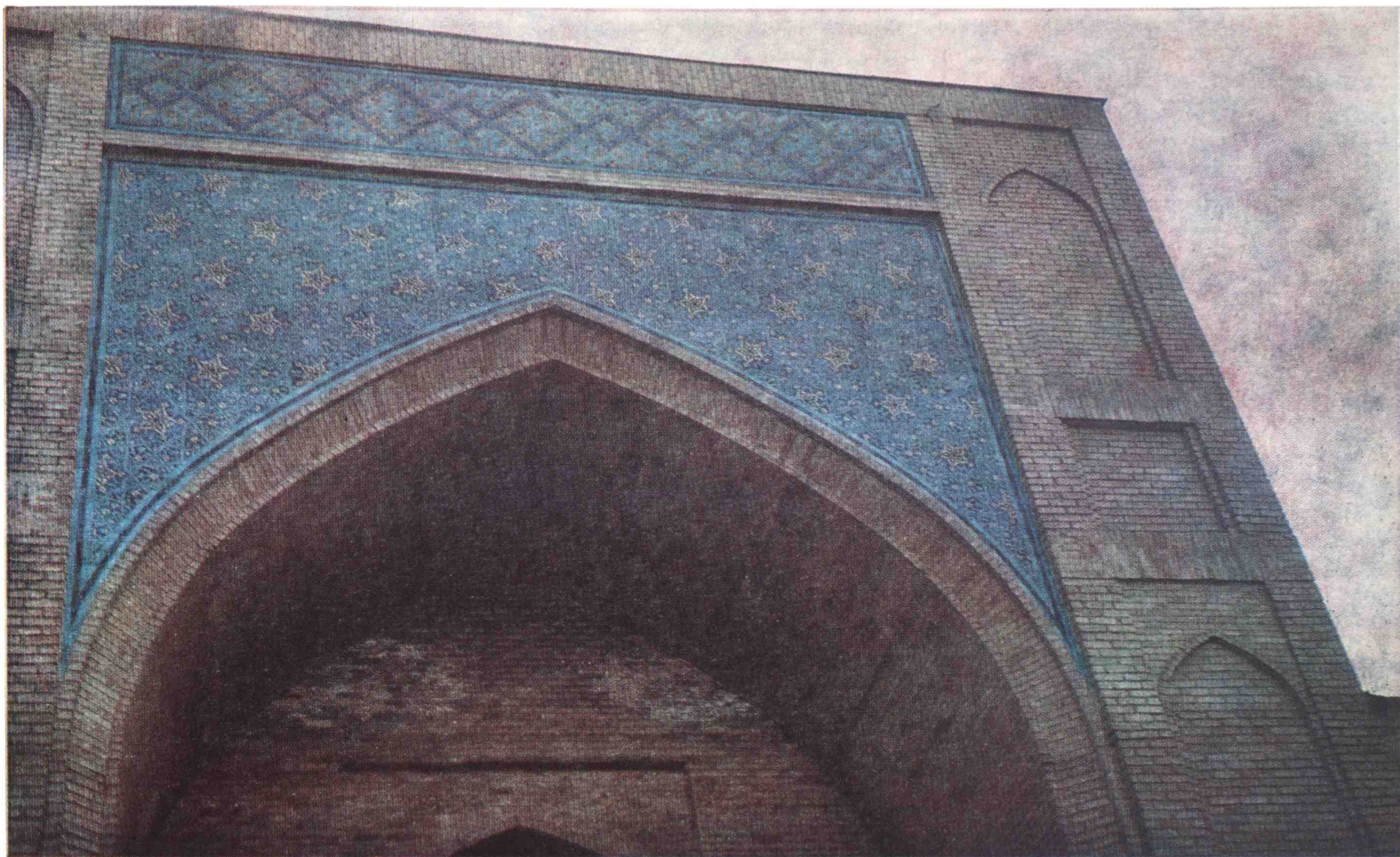
В купольных перекрытиях пазухи между пилонами галереи засыпаны кирпичным боем и щебнем на глине. Кровля выровнена и смазана глино-саманным раствором.

размеры: общие — $98 \times 36,5$ м, двор — $66,1 \times 23,36$ м, главное здание в плане — $16,2 \times 16,2$ м, высота — 15 м.

Мечеть реставрируется, в ней будет музей.

Обмеряли: в 1937 г. — Т. С. Страмцова, в 1962 г. — И. И. Дударов (чертежи в архиве ГлавНПУ).

Медресе Кукельдаш. Общий вид. Портал, вид со двора.

12. МЕДРЕСЕ КУКЕЛЬДАШ (50-60-е годы XVI в.)
Ташкент, ул. Навои, 46.

Медресе Кукельдаш расположено на высоком холме в районе площади Чорсу. Строителем медресе считается везир ташкентских ханов (1551—1575 гг.), прозванный Кукельдаш («молочный брат хана»)*. Сохранившаяся вакуфная грамота Дервиш-хана (1569—1570 гг.) завещает в пользу медресе караван-сарай, что свидетельствует о существовании в это время уже готового здания.

По свидетельству ташкентского купца Нур-Мухаммеда, рассказ которого был записан в 1795 году Оренбургской экспедицией, медресе в конце XVIII века использовалось как караван-сарай. К этому времени, видимо, относится обрушение венчаний башен — гульдаста. Существовавшие до 1800 года голубые купола над мечетью и дарсхойой, а также второй этаж худжр были разобраны на кирпич в 1830—1831 гг. при правителе Ташкента Бегляр-беке, строившем от своего имени медресе близ площади Регистан (не сохранилось). Вслед за тем последовал ремонт силами ташкентских мастеров, оставивших свои имена в надписях на майоликовых плитках над входными дверями:

«Это великолепное здание ремонтировалось руками мастера Аваз-Мухаммеда, сына Азима Вели в 1246 году хиджры (1830/31 гг.)». И далее: «Это здание искусно переделано главным командующим сановником двора, являющимся руководителем работ, Шадман-беком, сыном Джехангир-бека». «Смерть является неизбежностью человека, но произведенные им работы остаются навечно. Мастер кашинных работ Алимджан, сын мастера Салима» (плитки поздние).

Медресе служило кокандским ханам и крепостью (в 1860 г. из него вели пушечный обстрел восставших ташкентцев), и местом

* По одному из преданий строителем медресе считается вельможа Абдуллахана II — Кул-бобо Кукельдаш, правитель Ташкента в конце XVI в.

казни (до завоевания Туркестана Россией в 1865 г. с верхнего парапета на вышланную камнем площадку сбрасывали в мешках уличенных в неверности жен).

В 1868 и 1886 г., во время сильных ташкентских землетрясений, верх входного пештака разрушился до пят свода. После этих обрушений ремонтировали главный фасад, дворовые худжры, обрамления и тимпаны «русским кирпичом» ($26 \times 13 \times 6$ см). В 1902—1910 гг. сделан самый крупный ремонт: доложены остатки пилонов портала, достроен карниз, на пилонах установлены фонари, капитально отремонтированы стены, крыша. При этом игнорированы формы XVI века. Капитальные исследования и реставрационные работы вели в 30—60-е годы XX в. советские реставраторы.

Медресе Кукельдаш — одно из крупнейших сохранившихся медресе XVI в. в Средней Азии, с развитой планировкой, использующей характерные для своего времени приемы. При классической продольноосевой симметричной системе композиции введена поперечная ось, нанизывающая анфиладу помещений входной группы — купольных отсеков вестибюля, мечети и дарсхона. Выход во двор организован в виде традиционных коленчатых проходов, охватывающих южный айван двора. Двор двухайванный, со скошенными углами, с гранеными нишами, из которых организован вход в группу весьма тесно скомпанованных угловых худжр. Худжры были двухэтажными, в девять пролетов аркады по длинной стороне двора. Главный фасад был решен традиционно, как портал, с башнями-гульдаста на углах.

В мечети и дарсхоне, крестообразных в плане, были двойные купола на пересекающихся арках — характерный прием для Ташкента XV—XVI вв. Сохранились лишь внутренние купола и начало восьмигранных барабанов — наружных куполов. Купола в мион-сараях — на трехъярусных щитовидных парусах, грани их подчеркнуты занджарой. Кровля худжр купольная, выровнена наслоениями.

Размеры: общие в плане — $62,7 \times 44,9$ м, двор — $38 \times 26,9$ м, высота портала — 19,73 м, пролет порталной арки — 9 м.

Фундаменты медресе — из жженого кирпича, на глиняном растворе, имеют неравномерное заложение — за счет рельефа холма шахристана.

Медресе сложено из кирпича ($27 \times 27 \times 5,5$ см) на глиняном растворе (10 р + 10 ш = 72 см). Толщина наружных стен — 110 см = 4 кирпича. Конструкция стен — трехслойная, сердцевина стен забучена кирпичным боем на глиняном растворе. Этот прием неэффективен в сейсмических районах. Следствие: характерная деформация — выпучивание стен внизу. Облицовочный слой выполнен шлифованным кирпичом с расшивкой швов ганчаксм. Купола, арки, своды сложены на ганче.

Декорирован лишь один из фасадов. Голубые купола мечети и дарсхоны, существование которых подтверждают археологические находки 1935—1954 гг., утрачены. При расчистке завалов на крыше найдены расписные майоликовые сталактиты карнизов куполов. На главном фасаде сохранились остатки майоликовых тимпанов, с росписью на шестигранных плитках. Большой тимпан главного портала и угловые колонки пилонов облицованы майоликой с резными каменными вставками. Бордюры пилонов аркады худжр облицованы кирпичной мозаикой без шва. Членения аркады подчеркнуты шлифованной терракотой. В окна вставлены керамические шестигранные панджары с сине-бело-голубым рисунком. Второстепенные фасады — боковые и задний — выложены кирпичной кладкой с затиркой швов ганчем, но тыловые конструкции пештака со стороны двора покрыты майоликой.

Декор интерьеров весьма скуп. Стены помещений побелены по штукатурке. В мечети и дарсхоне сохранились ганчевые сталакти-

Медресе Сепд-Абул-Касым. Главный фасад.

ты в углах под пересечением арок. Украшением служит рисунок ганчевых сетчатых систем щитовидных парусов.

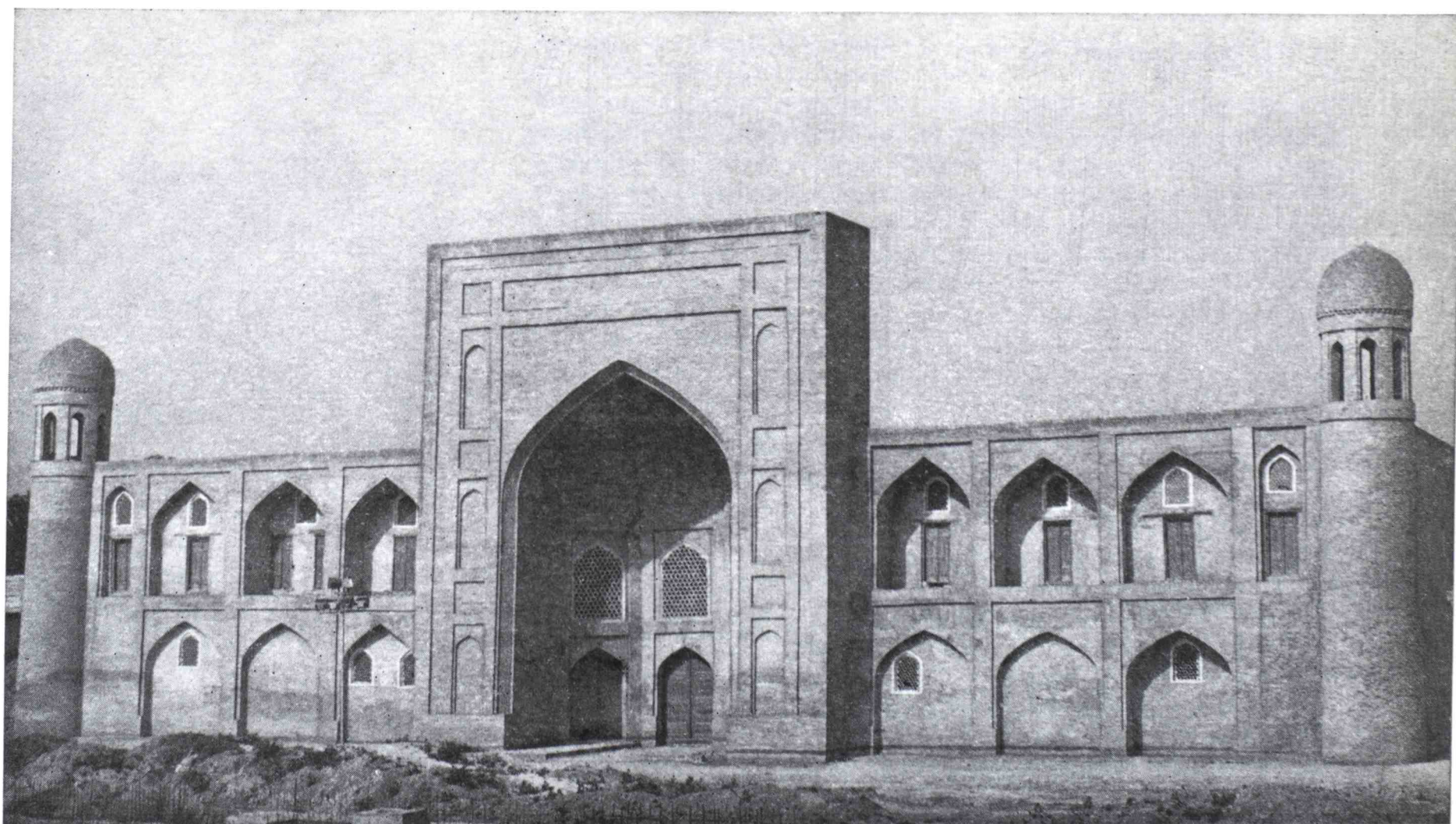
Исследованиями установлено, что план медресе Кукельдаш построен на модульной сетке (размер модуля — 9×9 м). Прямоугольник плана составляет 5×7 модулей, двор по ширине — три модуля, худжры — один модуль. Крупная модульная сетка кратна мелкой — масштабной сетке гязов, причем, гяз равен 57 см. Арка портала строится из трех центров, лежащих в середине пролета и на гранях арки, в месте пересечения с линиями построения, проведенными под 45° через середину. Арки галереи — четырехцентровые, с делением отрезка пролета на восемь частей.

Памятник большой историко-архитектурной ценности, медресе Кукельдаш, несмотря на аварийное состояние, было сохранено, реставрировано и заняло подобающее место в одном из крупнейших городских ансамблей Ташкента.

В 1937 г. Узкомстарис выполнил ремонт западного фасада, разобраны и выложены заново старым кирпичом стены; в 1954—1955 гг. переложены трещины южного фасада, сооружена подпорная стенка, суфы главного фасада; в 1956—1960 гг. под руководством архитектора К. С. Крюкова и инженера А. А. Асанова проведен большой комплекс реставрационных работ. В них участвовали мастера-реставраторы С. А. Патрикеев, Р. Ибатов, А. Рахматов и другие.

Крупные обмеры и исследования велись с 50-х годов XX века в связи с реставрацией.

Памятник обмеряли: в 1937 г. — Т. С. Страмцова, в 1947 г. — К. А. Пчельников, в 1953—1960 гг. — К. С. Крюков, И. А. Усманходжаев, Х. И. Мамышев, В. Н. Ловкачев, А. С. Фрейтаг, Т. И. Икрамов, в 1954—1956 гг. вели археологические раскопки В. А. Левина (Булатова) и К. А. Шахурин. Геологические и инженерные изыскания проделали К. Д. Ольшанский, В. Т. Рассказовский,

С. Г. Беспалый, Ф. Н. Мелихов, Н. Н. Воинов, В. Гугель, Я. Арадовский (ГлавНПУ).

Л и т е р а т у р а (о памятниках ансамбля Регистан): Гейер (28), Добросмыслов (36), Кариходжаев (48), Крюков (55, 56, 57, 58, 59), Кун (60), Маллицкий (67, с. 81), Массальский (75), Массон (78, с. 128), Поспелов (85), Пугаченкова (89), Пугаченкова, Ремпель (91, с. 122—123), Туркестанские ведомости (84), Щербина-Крамаренко (117), Эварницкий (119, с. 124).

13. АНСАМБЛЬ ХАЗРЕТИ ИМАМ

Ташкент, ул. Хамзы.

Абубекр Мухаммад Каффаль Шаши — один из первых имамов мусульманского мира, выходец из Шаша, проповедник и распространитель шафиитства в Ташкенте, известный мусульманский ученый, знаток корана, хадисов, мусульманского права и лексикологии.

По историческим сведениям Каффаль Шаши умер в 366 году хиджры (976/77 г.) и был погребен на территории, орошаемой арыком Кейкаус, где позже развился один из четырех городских районов — Сибзар. Могила была очень популярна и чтима, легенды о святости Каффаль Шаши связывали с прочими святынями Ташкента: существует предание о том, что к нему на поклонение подземным ходом из кукчинской части ходил святой шейх Зайнабдин-бобо, что свое прозвище ал Каффаль («замочник») он получил за изготовление удивительного замка с ключом весом в полкилограмма.

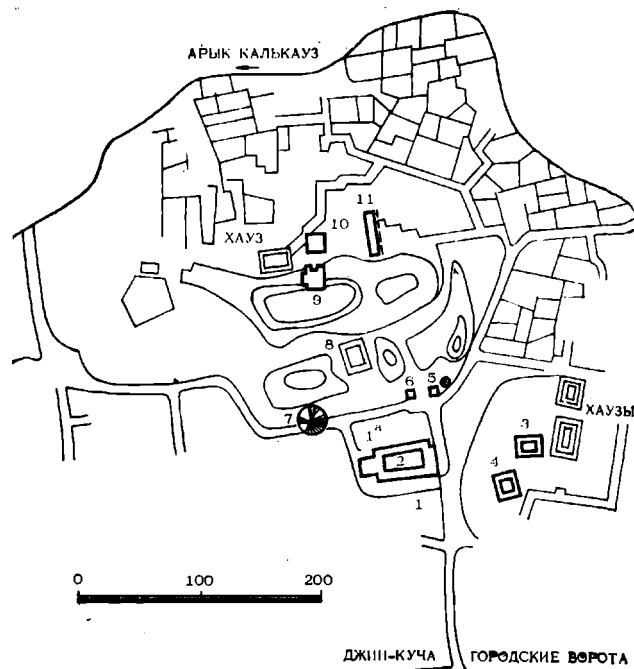
Абу-л-Фида (116) приводит отрывок стихотворения аш Шаши ал Каффалья по поводу снегопада:

Облака рассыпали с неба серебряные монеты,
И оделись горы в одеяние из этого урожая.
И дуновение ветра было таким холодным, будто это
Вздохи потерявшего все из-за любви к красавицам.

В XVI веке, когда при шейбанидах Ташкент стал развитым культурным и торгово-ремесленным центром Мавераннахра, на месте разрушенной старой постройки был вновь возведен мавзолей Каффаль Шаши, который был одной из главных святынь города. По имени шейха вся эта местность в сибзарской части старого города получила название Хазрет Имам (в современном произношении Хаст Имам). К югу разрослось большое, тенистое кладбище. Здесь рос чинар с двумя стволами, в обхвате — 12 м. Основу ансамбля составляло в середине XVI века, кроме мавзолея Каффаль Шаши, и медресе Барак-хана, объединившее в единый комплекс еще два мавзолея XV—начала XVI в. — Безымянный и Суюнидж-хана. В 1579 г. на средства Абдулла-хана II, напротив, был построен мавзолей шейха Бабаходжи, незадолго до того скончавшегося.

Ансамбль достраивали в XIX в. В 1856—1857 гг. напротив медресе Барак-хана кокандский хан Мирза Ахмед Кушбеги отстроил медресе Муй Мубарак, рядом с ним — здание одной из городских соборных мечетей (Тилла-шейха). В 1933 г. к мавзолею Каффаль Шаши был пристроен замкнутый кирпичной оградой дворик с чтимыми захоронениями. В XVIII — начале XIX вв. к востоку от мавзолея Каффаль Шаши была отстроена крупная девятинефная мечеть-намазгох.

Древний ансамбль кладбища нарушен. Сохранившиеся строения разрознены и как исторически единое целое уже не воспринимаются. В 1939 г. был разобран мавзолей Бабаходжи.

Ансамбль Хазрети Имам. Генплан: 1 — медресе Барак-хана, 2 — мавзолей Суюнидж-хана, 3 — джума-мечеть, 4 — медресе Муй-мубарак, 5 — чилляхона, 6 — вход на кладбище, 7 — чинар, 8 — хауз, 9 — мавзолей Каффаль Шаши, 10 — мавзолей Баба-ходжи, 11 — мечеть-намазгох.

14. МАВЗОЛЕЙ АБУБЕКРА МУХАММАД КАФФАЛЬ ШАШИ
(ХАЗРЕТИ ИМАМ)
(948 г. х.—1541/42 гг.)

Ташкент, улица Хамзы, 123.

Подквадратная в плане постройка с развитым порталным входом с севера, второстепенными нишевидными входами с юга и с востока, граненым выступом — с запада. Выступающая ниша — развитое пространство шириной 6 м, глубиной 3,5 м. В ней — надгробие некоего* шейха. Крестообразный план, двух- и трехъярусные квадратные и восьмигранные худжры в угловых пилонах, остатки ганчевых ребер в углах основного квадрата свидетельствуют о намечавшемся перекрытии зала пересекающимися арками; зал, однако, перекрыт куполом на восьмигранном ярусе арочных парусов в комбинации со щитовидными парусами, прикрытыми снаружи декоративным куполом на коническом барабане. От здания середины XVI века сохранились стены на высоту до пяти арок четверика. Несоответствие плана и перекрытия заставляет предположить либо перерыв в строительстве и завершение его некачественными мастерами, либо, вероятнее всего, ремонтное восстановление утраченного перекрытия. Характерно для XVI в. сохранение кирпичной фактуры фасадов — облицовочный слой выложен из подшлифованного кирпича, — и экономное применение изразцового декора, сосредоточенного на главном фасаде.

Лестница, ограда, входная арка сложены из прямоугольного современного кирпича. В стенах древней части мавзолея употреблен жженный плиточный кирпич (на западном фасаде 26×4 ; $25,5 \times 4,5$ — $25 \times 4,8$; на восточном — $25 \times 4,5$ — $26 \times 4,5$; 10 р. + 10 ш = 68,5 см). Раствор светлый, крепкий ганч. Цоколь — в ремонтных штукатурках: два слоя ганча и одна — цементная. В выкладке обрамления главной арки использован кирпич (36 — $37 \times 5,5$ — $6,5$ см). Худжры в пилонах портала перекрыты сводами «балхи».

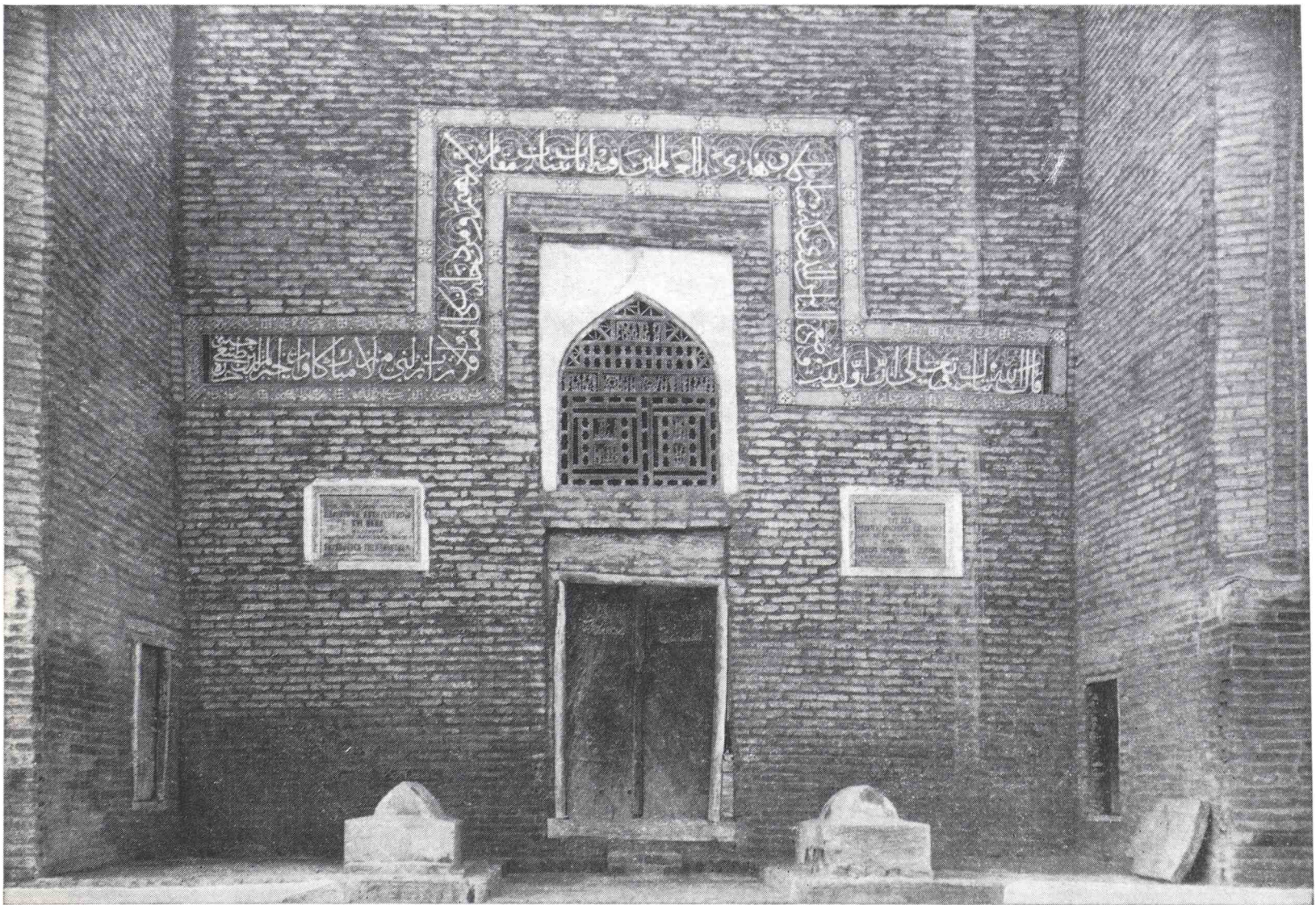
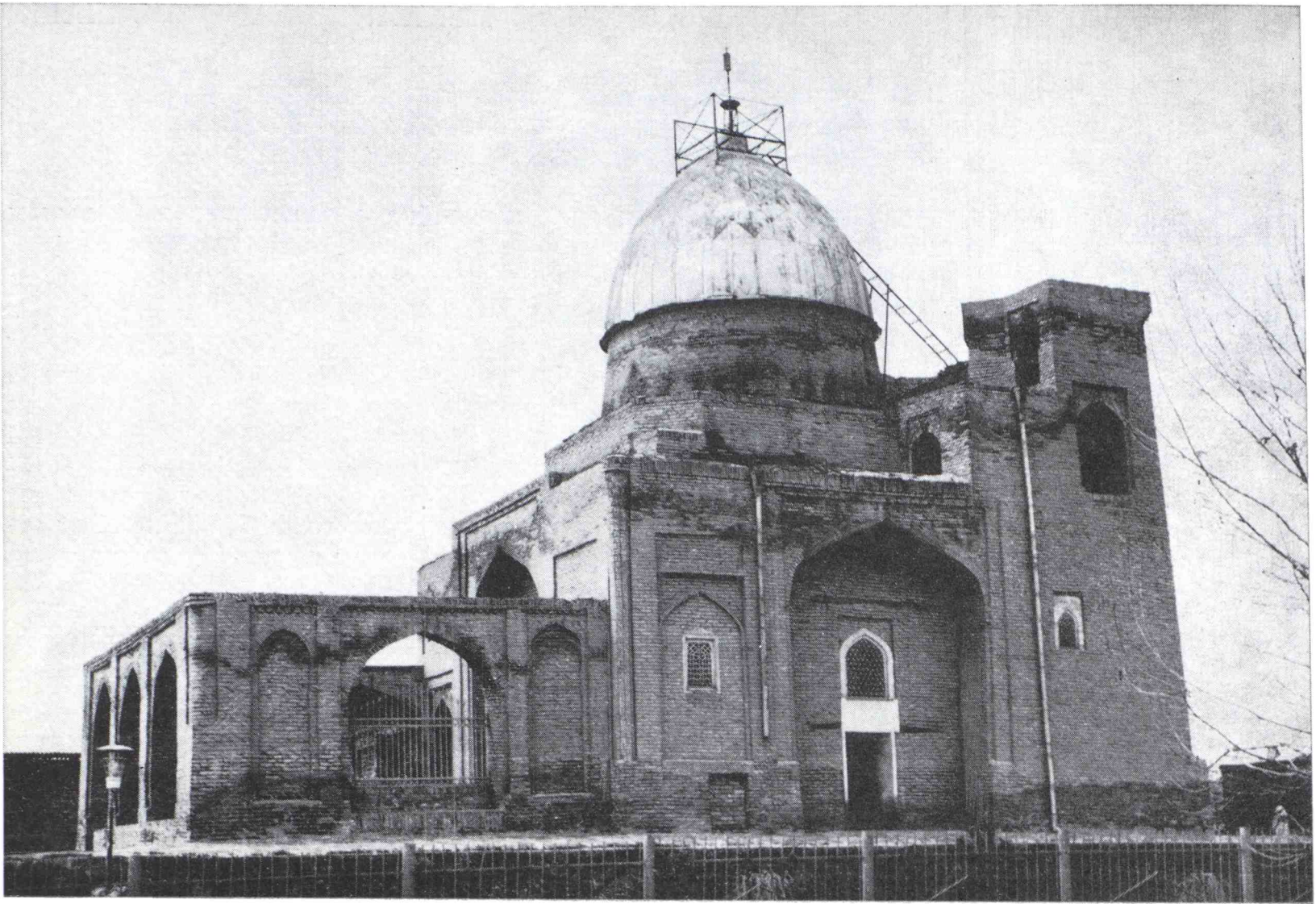
Фасады выложены кирпичной черной кладкой, на восточном фасаде применен шлифованный облицовочный кирпич (23×4 см), фигурная парная выкладка колонки сделана плетенкой. Главный фасад — в ремонтной штукатурке, в которую вмазаны, на старом месте, пояса майоликовых надписей (на синем фоне — белые и желтые буквы, голубые и зеленые побеги). В окна вставлены ганчевые панджары. Барабан купола обходила кораническая надпись. Над дверью была историческая надпись в майоликовом панно, написанная стихами и содержащая дату постройки — 1541/42 гг., имя зодчего — Гулям Хусейн и имя каллиграфа Катыб Кудрат**.

Персидская надпись была опубликована в «Туркестанской туземной газете»:

Когда ты прочтешь эту хорошую надпись,
За мою душу соверши благосклонную молитву.
Построитель этого безукоризненного здания
Есть предапный (богу) раб хан (а) Гулям Хусейн.
О, душа, дабы мудрый народ узнал год
окончания,
Писец Кудрат над сею узорчатою стеною
начертал его.
Боже! Прости писца и читателя его!
Это место для посетителей стало источником
улады,
Потому (буквы слов) «источник улады»
дают год его окончания, о господи!
О, сердце, не отворачивай лица от добродетельных людей...

* Не исключено, что первоначальное захоронение было совершено вне здания, служившего лишь для отправления поминальных обрядов.

** В современном прочтении Ю. Н. Заводовского имя каллиграфа звучит иначе: Хусайни Таби'й (Архив ГлавНПУ).

Мавзолей Каффаль Шаши. Общий вид. Фрагмент главного фасада (реставрация). Фрагмент надписи на двери. Фрагмент майолики фасада.

Цифровое значение букв дает 948 год хиджры (1541/42 г.).

На дверях мазара были еще две надписи, но их вырубил топором какой-то фанатик в припадке иступления. От декора интерьера сохранились на соффитах ниш врезные ганчевые гирихи; видно начало плоских ячеек сталактитов, покрывавших древний купол (6 рядов); могила шейха отгорожена наборной деревянной панджара двух разных построений (звенья — крупнее, створки — мельче).

Размеры: в плане — $13,3 \times 12,5$ м, высота портала — 12,1 м, высота купола — 16,4 м.

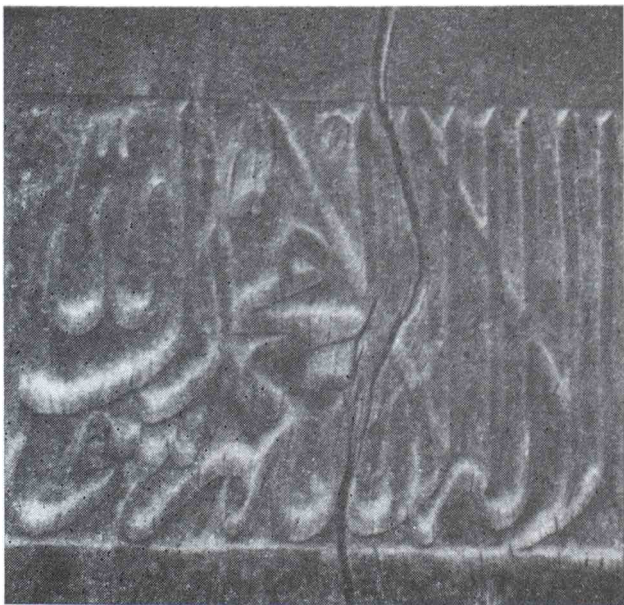
Здание неоднократно ремонтировали. В первой половине XIX века перестроены купола и изменены подкупольные конструкции, кровля и скуфья покрыты железом; в 1934 г. разобран и заново выложен свод главного портала, повторена деформированная килевидная форма свода; в 1948 г. переложена трещина, появившаяся после землетрясения 1946 года.

Мавзолей Каффаль Шаши представляет собой редкую разновидность многокамерных мавзолеев-ханака середины XVI в. с асимметричной планировкой; он сохранил уникальный для Ташкента декор — майолику XVI века с исторической надписью, содержащей имя мастеров-зодчих и дату. Памятник представляет большую историческую и художественную ценность.

Обмеряла в 1937 г. Т. С. Страмцова (чертежи в архиве ГлавНПУ), в 1941 и 1944 гг. — студенты СЛЗПИ под руководством Н. И. Френкель (чертежи опубликованы).

15. МЕДРЕСЕ БАРАК-ХАНА (30-50-е годы XVI в.)

Ташкент, ул. Хамзы, 103.

Выдающийся памятник Средней Азии. Расположен в бывшей сибзарской части старого города, на территории кладбища Хазрет Имам. Строительство медресе велось в несколько этапов: сначала был построен в восточном углу двора (предположительно Ходжа Ахраром) центрический мавзолей № 1 «Безымянный», затем мавзолей № 2, посвященный, предположительно, Суюнидж-хану (умер в 1525 г.) — до 1531 г. (позднее его названия — Гумбаз Барак-хан или Кок-Гумбаз). Мавзолей № 2 возведен при сыне Суюнидж-хана Кельды Мухаммаде. Внутри находилось несколько поздних погребений, среди которых, однако, нет Барак-хана: он умер в 1556 г. и похоронен в Самарканде (78, с. 126).

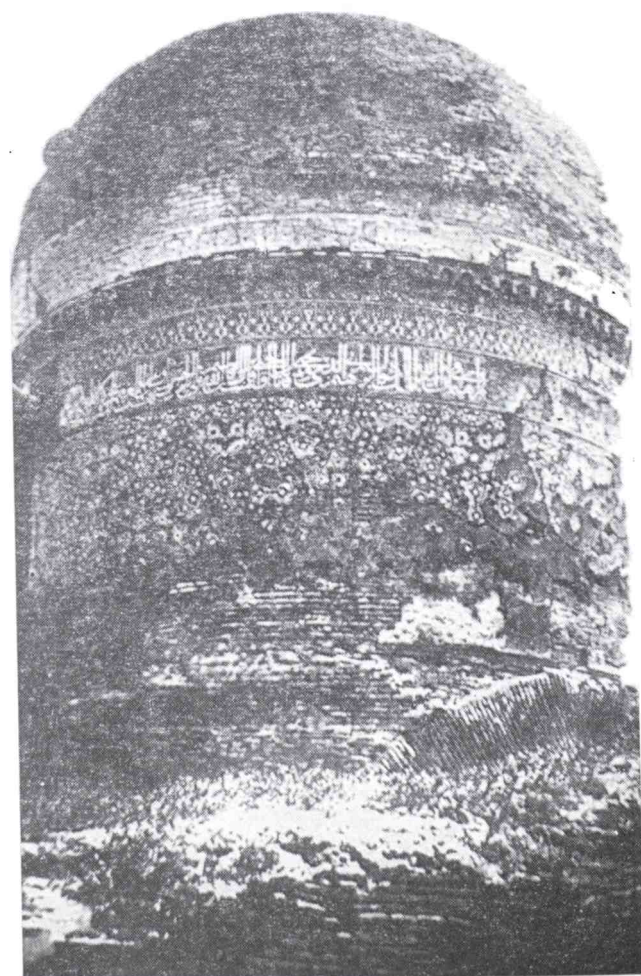

История строительства медресе связана с началом правления в Средней Азии династии кочевых узбеков из присырдарьинских степей. Основатель династии Шейбани-хан был внуком Абулхайр-хана, который способствовал восшествию на самаркандский престол в 1451 г. тимурида Абу-Саида; за это ему был пожалован город Туркестан и в жены — дочь Улугбека — Рабия Султан-Бегим. Сын Рабии, Суюнидж, приходился дядей Шейбани, происшедшему от другой жены Абулхайра, из кипчакского рода. Захватив в 1502 г. самаркандский престол, Шейбани назначил Суюнидж-хана своим наместником в Ташкенте. Завоевателям было необходимо придать своей власти законный характер, первые шейбаниды очень скоро начали понимать значение культуры, как орудия идеологического воздействия, воспринимая высокие традиции литературы, зодчества, художественного ремесла предшествующей эпохи тимуридов. В Ташкенте сложился придворный литературный круг, подобный бухарскому или самаркандскому, но для воспитания наследников хан пригласил наставника из Герата — известного поэта и культурного деятеля — Зайнаддина Восифи, который и был приставлен к двум его сыновьям — Кельды Мухаммаду и Наурузу. Науруз — будущий правитель Ташкента Барак-хан — больше увлекался верховой ездой и упражнениями с оружием; впоследствии он вел феодальные войны и разрушал культурные ценности. Под конец жизни с 1551 по 1555/56 гг. он правил всем Мавераннахром. По приезду в Ташкент, Зайнаддин Восифи преподнес Суюнидж-хану поэтическую «Оду Ташкенту», и по его заказу составил текст арабской эпитафии для его надгробия. Текст эпитафии, приведенный в мемуарах Восифи, совпадает с текстом, высеченным на надгробии Суюнидж-хана, найденном в Туркестане, в мавзолее Ходжа Ахмада Яссави (15, с. 214). Вторая арабская эпитафия, приведенная в мемуарах, предназначалась для здания усыпальницы Суюнидж-хана:

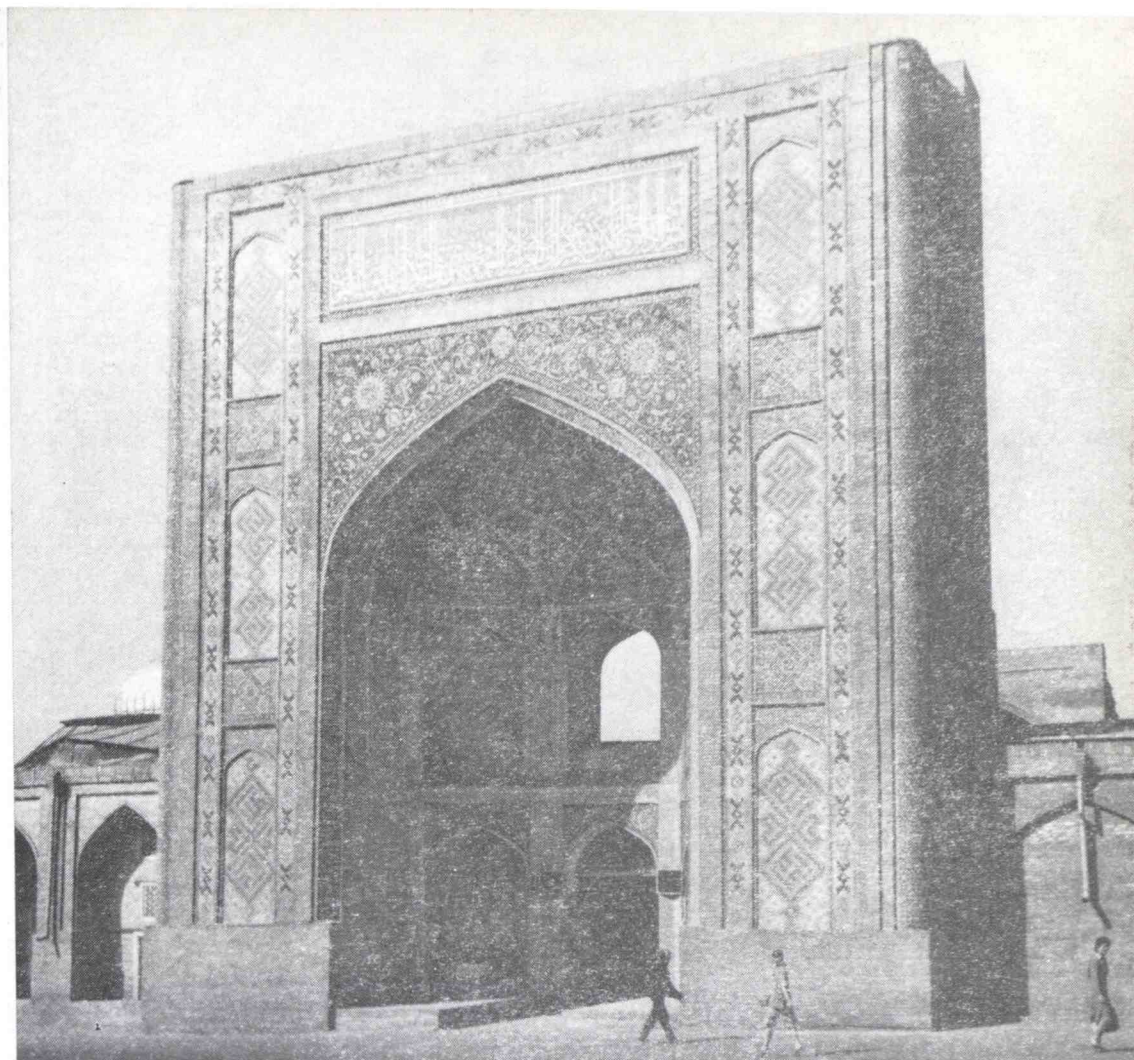
«Окончено сие сооружение, являющееся усыпальницей Суюнидж-Ходжа-хана, сына Абульхайр-хана, по приказу его наследника Музаффараддина Абульгази Султан-Мухаммед-бахадур-хана в 935 году хиджры» (1528/29 г.) (15, с. 343). Мемуары умал-

Медресе Барак-хана. Общий вид двора с мавзолеем Суюнидж-хана.

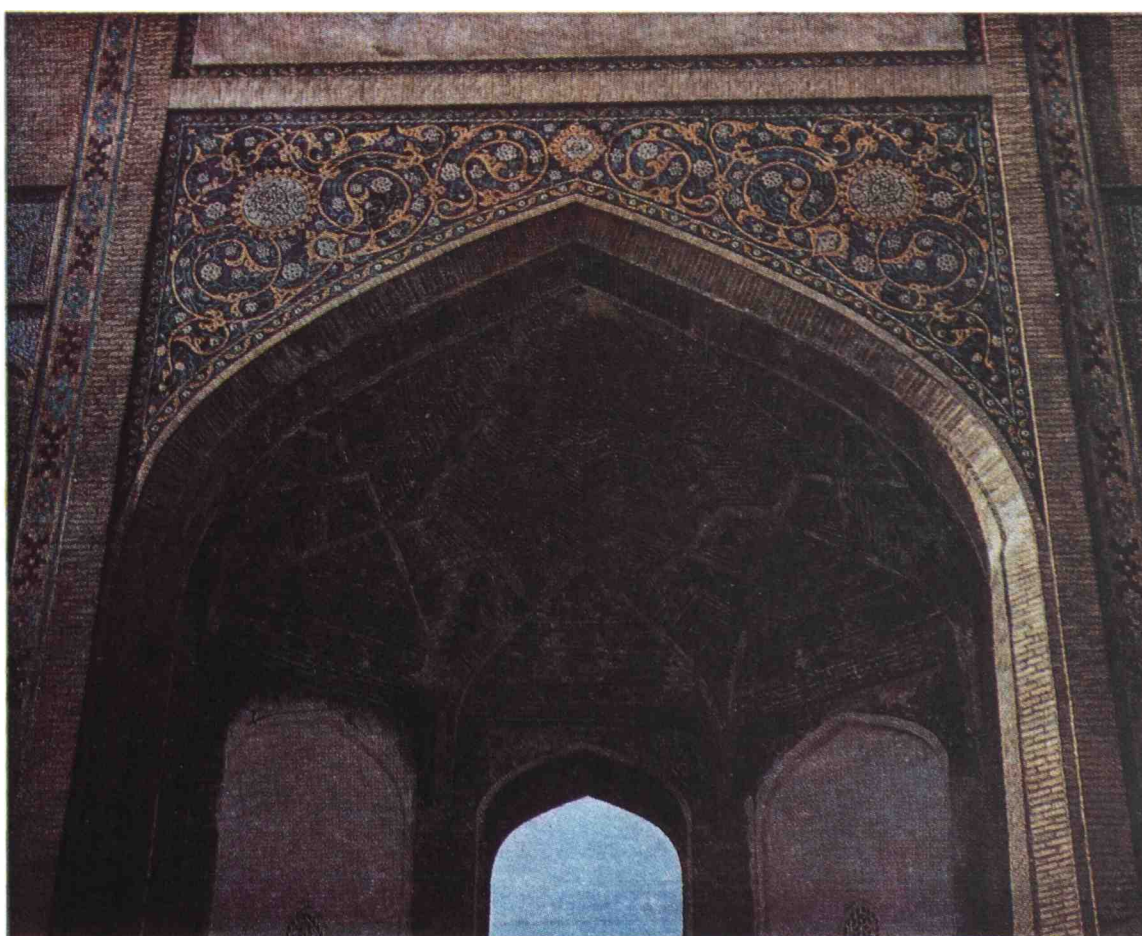
Мавзолей Суюнидж-хана. Мозаичный купол Кок Гумбаз. Фото 1866 г. из коллекции Ермакова.

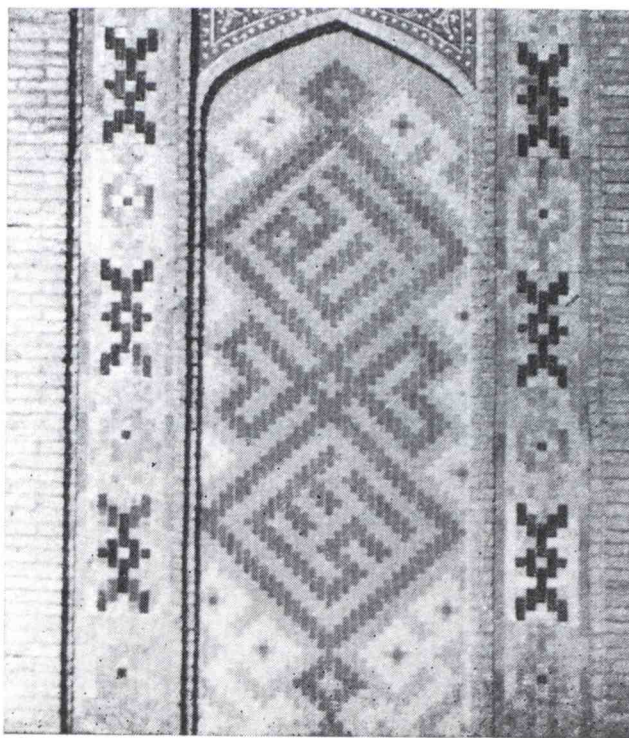
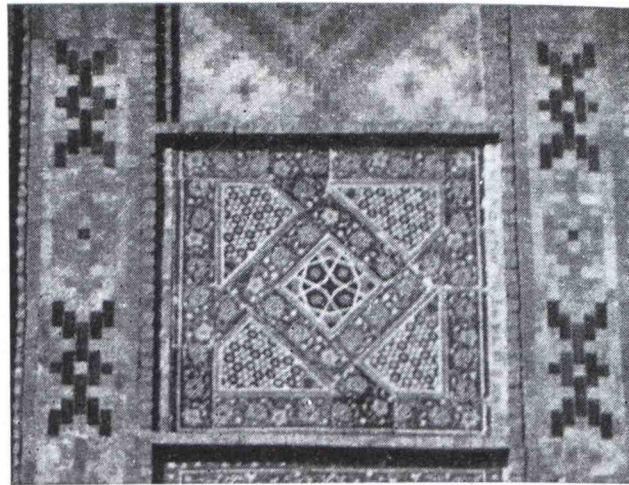

Медресе Барак-хана. Портал (реставрация).

чивают о сооружении такой усыпальницы; не сохранилась такая надпись и в натуре ни на одном из ташкентских памятников. Однако именно этот крупный мавзолей логичнее всего считать мавзолеем отца Науруз-Ахмеда; и именно к нему отнести сведения о

том, что в 1531/32 г. на мавзолее Суюнидж-хана поместили изразцовую надпись, составленную поэтом Зайнаддином Восифи, восхваляющую сооружение с его «голубым фасадом и тысячеглазными панджарами» (91, с. 148).

Начало преобразования комплекса в медресе относится к середине XVI в. Третий этап — строительство портала и худжр южной стороны. Худжры медресе с северной стороны построены позже (очередность установлена археологически в 1935 году). Строительство медресе связывается с именем Барак-хана (Науруз-Ахмеда). Уже в XVII в. мавзолей Суюнидж-хана реставрировали (78, с. 130).

«...Есть там великие, старинные и хорошей архитектуры строения, кои наподобие христианских церквей имеют главы, и внутри изрядной работою украшены и называются по тамошнему медресы, то есть училища». «...В одной из оных погребен старинный их хан Барак, и она перед прочими гораздо лучшего убранства была, ибо много золоченной и костями выложенной работы имела, но в таком небрежении у граждан осталась, что в ней ныне скотину запирают», — писал о памятнике в конце XVIII века П. И. Рычков.

В пору кокандского владычества (XVIII—XIX вв.) в реакционных кругах Ташкента медресе Барак-хана считалось «вольнодумным», так как в нем разрешалось играть в шахматы учащимся и преподавателям.

Из медресе исчезли резные двери с инкрустацией из кости; резные колонки панели перенесены в мавзолей Юнус-хана.

Медресе Барак-хана. Облицовки портала.

Деталь кирпичной мозаики.

Медресе Барак-хана сложилось как культово-мемориальный комплекс: мавзолей в комбинации с медресе. Комплекс менял свое назначение исторически: служил и мемориалом, и медресе, и мечетью-намазгох. Поэтому планировка сложилась с отступлениями от типовых схем, но в рамках традиционной замкнутой дворовой пространственной системы. В плане медресе Барак-хана представляет собой сильно вытянутую с востока на запад трапециевидную застройку, группирующуюся вокруг продолговатого двора. Южная боковая сторона застройки скошена, на западном торце сильно выступает крупный объем мавзолея Суюнидж-хана.

В прямоугольном дворе, обведенном одноэтажными нишами худжр, единственный портал на главной оси — у входа в мавзолей № 2. Углы двора по традиции XVI в. скошены, лишь северный угол — прямой. Входная группа — трехкупольная, асимметрична, с прямым проходом во двор. К северу от входа размещены три худжры, с юга — мавзолей № 1, центрический, четырехпортальный, наглухо вросший в застройку медресе, используемый как дарсхона. Симметричного помещения мечети на севере нет.

Мавзолей № 2, также центрический, — мавзолей-ханака, значительно крупнее первого. Он остался свободным со всех сторон для обзора. Из четырех порталов развит по высоте только один, обращенный во двор, с расширенной порталной нишей. Внутри обоих мавзолеев — крестообразные залы, перекрытые некогда двойными куполами на четырех пересекающихся арках и пиловидных парусах. В угловых пилонах размещены худжры.

Фундаменты комплекса сложены из рваного камня, частью на глине, частью — на сухой земле. Глубина заложения различна: под мавзолеем № 1 — глубина 40—50 см, под мавзолеем № 2 — 5,5 м от современного пола (минус 70 см наслоений до древнего пола), с обрезами по 30—40 см. Под пештаком глубина фундамента — 0,5—2,5 м, от уровня XX в., обрезы его уходят на 2,3 м — к востоку, на 1,5 — к северу от пештака: основание было забучено несравненно шире, чем сам пештак (с целью либо уплотнения грунта, либо был запроектирован большой портал).

Стены медресе из жженого плиточного кирпича. В мавзолее № 1 размеры его — $26 \times 26 \times 5$ (10 р + 10 ш = 77 см), в мавзолее № 2 — $27 \times 27 \times 5,5$ в пештаке — $26 \times 26 \times 4,5$ (10 р + 10 ш = 66 см), в южных худжрах — тот же кирпич. Худжры северной стороны сложены из тонкого кирпича (3,5—3,75 см) на алебастре и глине. Толщина стен — до 3 метров, в порталах внутри — забутка (битый кирпич, мусор).

Декор фасадов был распределен только на главных объектах — входном пештаке медресе, портале и куполе Мавзолея Суюнидж-хана. По документальным фото и историческим источникам известно, что скуфья купола мавзолея № 2 была покрыта голубыми изразцами, барабан купола украшал звездчатый гирих с рисунком восьмигранных звезд и крестовин, набранный из мозаики. Поверху шел традиционный эпиграфический фриз из майолики, орнаментальный пояс и майоликовый же сталактитовый карниз (шарафа). Сейчас восстановлен декор входного пештака медресе: мозаичный гуртовый свод «колаб-кори», кирпичная мозаика блочного набора в традиционных членениях пилонов главного портала (чередование удлиненных стрельчатых и квадратных панно). Тимпан входной арки собран из шестигранных майоликовых плиток, на которые нанесен растительный орнамент, составляющий единую композицию. В боковых трехчетвертных колоннах портала облицовка собрана из разъемных цилиндрических мозаичных блоков, составляющих бесконечный звездчатый гирих, подчеркнутый тонкими цветными полосками на терракотовом фоне.

Мавзолей Суюнидж-хана в интерьере в древности покрывала сплошная живопись «кундаль» по ганчевой штукатурке. Темой орнаментации (на основании находок в шурфах) был раститель-

ный узор. Древняя панель состояла из позолоченных шестигранных, яркозеленых, расписанных золотом плиток. В углах были резные колонки.

Размеры: общие — 82×44 м, двор — 46×27 м, мавзолей Суюнидж-хана — $21,5 \times 22,5$ м, помещение — 9×9 м, высота — до 22 м.

Комплекс медресе дошел до наших дней с большими утратами и деформациями. В 1859 г. по распоряжению ташкентского правителя Канаатхана были восстановлены разрушившиеся худжры с северной стороны двора и учрежден вакуф для содержания медресе. В 1868 г., во время землетрясения, достигшего восьми баллов, рухнул купол большого мавзолея. Время обрушения купола

Мечеть Памазгох. Общий вид. Интерьер галерей.

малого мавзолея не установлено. При ремонтах были разрушены вершушки порталов, заделаны ниши и проемы в мавзолеях, пробиты двери и окна в худжрах. Живопись при этом утрачена. Известно, что в 1904—1905 годах в медресе вел ремонт ташкентский мастер-строитель Ходжа Абдул Касым.

Научная реставрация памятника была подготовлена и проведена советскими специалистами с участием известного народного зодчего Усто Ширина Мурадова. В 1950—1960 годах укреплен и восстановлен утраченный свод и завершение портала, переложены своды и арки в худжрах, купола вестибюля и других помещений.

Ведется подготовка к восстановлению утраченного наружного купола мавзолея Суюнидж-хана, форма которого известна по документальным фото 60-х годов XIX века.

Медресе подробно обмерили: в 1935 г. — Ш. Е. Ратия, в 1955—1956 гг. — А. Н. Виноградов, И. Ф. Бородин, изучено археологическими раскопками: 1935—1936 гг. — М. Е. Массон, В. Д. Жуков, 1955—1956 гг. — В. А. Левина.

16. МЕЧЕТЬ НАМАЗГОХ (Середина XIX в., 1845—1867 гг.)

Ташкент, улица Хамзы.

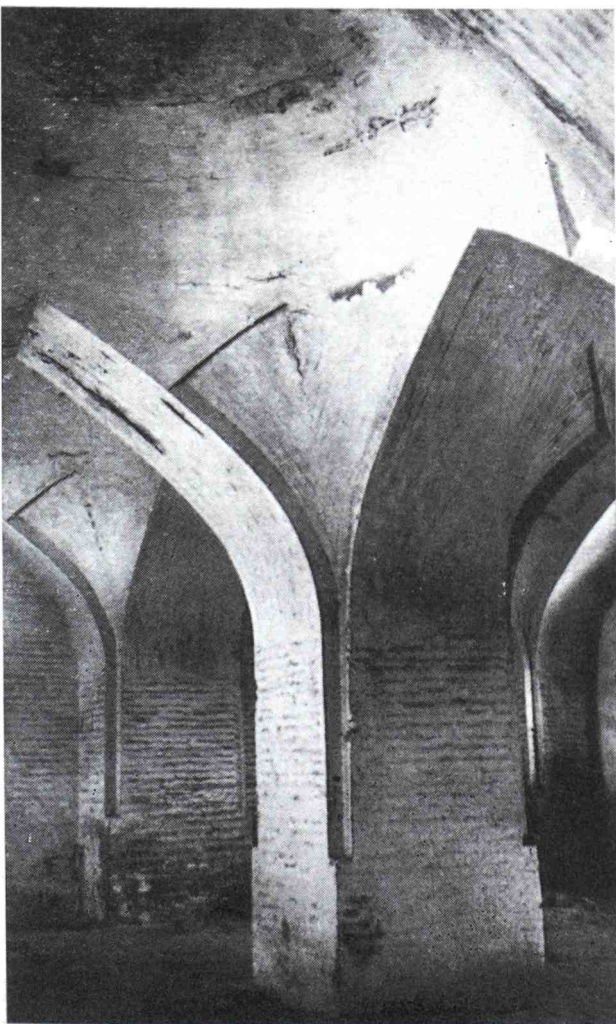
Мечеть Намазгох входила в ансамбль кладбища Хазрети Имам сибзарской части старого Ташкента (махалля Парчбаф). Находится в 40 м от мавзолея Каффаль Шаши и обращена к нему западным глухим фасадом. Вдоль фасада проходит современная улица. Главный фасад выходит во внутренний, сейчас небольшой, дворик.

Точных исторических данных о времени постройки нет. Известно лишь, что она возведена в пору Кокандского ханства (первая половина XIX в.). Археологические шурфы на территории мечети дают наиболее ранние культурные слои, относящиеся к XVII в. Известно, что в Ташкенте существовала более ранняя мечеть — намазгох, след о которой остался в названии махалля Иски-намазгох в полукилометре к юго-западу от медресе Кукельдаш. Время строительства неизвестно.

Строительство новой намазгох при кокандских ханах, владевших Ташкентом с 1810 года, — свидетельство роста и процветания города за счет его торговых связей с Россией. Праздничная мечеть была перенесена ближе к городу, по местному преданию во время правления Худояр-хана (1845—1875 гг.). Это могло произойти лишь до присоединения Ташкента к России в 1867 г. В праздники курбан и фитр сюда с ночи собирались солдаты Ташкентского гарнизона, чтобы утром, когда солнце поднимается над горизонтом на высоту одного копы, начать молитву.

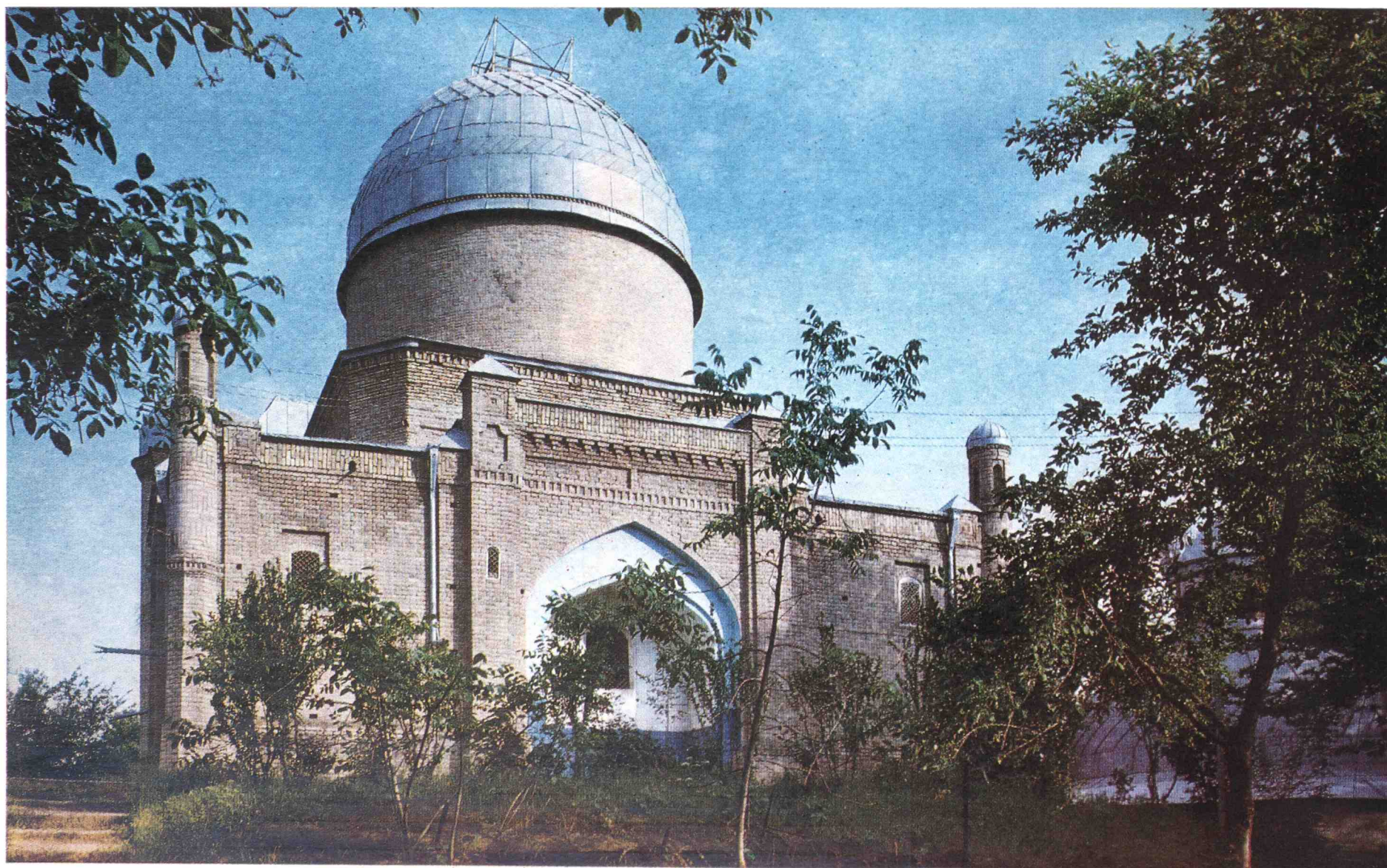
Здание ташкентской мечети-намазгох представляет собой в плане удлинённый прямоугольник. Доминирует центральный объём зимнего зала мечети, от которого отходят пониженные крылья купольных галерей: по четыре пролета в два ряда купольных отсеков в каждом крыле. По фронту галерей, в одной плоскости с главным зданием, крылья затеняются деревянным айваном с колоннами, расставленными в ритме пилонов галерей. Интерьер главного объёма представляет собой крестообразный просторный зал, расширенный четырьмя нишами, перекрытый куполом на четырех пересекающихся арках. Одинарный купол на высоком цилиндрическом барабане не отделен от пространства внутри зала. Сквозь штукатурку просматривается кладка угловых щитков «в елку», вертикальные отрезки впаученных сводов между арками.

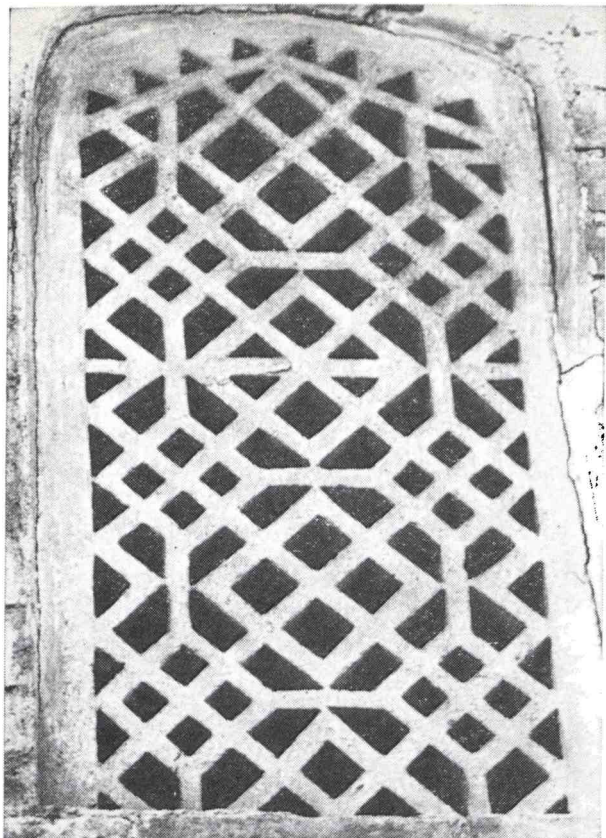
Центральный объём со стороны уличного фасада выглядит приземистым, уступчатым: от четверика переход к барабану осуществлен через три восьмерика, отступающих ступенями. Цилиндриче-

Мавзолей Зайнадина-бобо. Портал. Общий вид. Ганчевая панджара в окне бокового фасада. Деревянная панджара над входом.

ский барабан отчеркнут зубчатым карнизом от купола. Пилонь галерей сделаны с характерными для XV—XVI вв. выбранными до панели четвертями.

Стены мечети сложены из жженого плиточного кирпича ($26 \times 26 \times 3,5-4$ см). Раствор — ганч, светлосерый, землистый, с коричневыми керамическими включениями крупностью 1—1,5 мм.

Галереи перекрыты одинарными сфероконическими куполами на щитовидных парусах. Айван перекрыт плоским балочным перекрытием на деревянных колоннах, без резьбы.

Фасады оставлены в черной кладке; уличный фасад — в ремонтной штукатурке. Айван имел расписной плафон, ныне утраченный. Интерьеры мечети не декорированы. Единственная деталь их — михрабная ниша в главном зале, небольшая, плоская, с грубыми сталактитами — муканнас в своде. Поверху его обходит занджара. Интерьер оштукатурен, забелен известью.

Размеры: общие в плане — $56 \times 14,5$ м, высота центрального купола — 14,2 м, главный зал — 6×6 м, диаметры куполов галерей — 4 м.

В настоящее время памятник перестроен под общежитие, интерьеры искажены.

Мечеть обмерил в 1946 г. К. Пчельников (ГлавНПУ).

Л и т е р а т у р а (о памятниках ансамбля Хазрети Имам): ан-Насави (116), Альхамова, Давидович, Литвинский, Массон (4), Болдырев (14; 15), Воронин, Ратия (22), Крюков (57), Кочнев (53), Маллицкий (67, с. 81), Массон (78, с. 125—126), Пугаченкова, Ремпель (91, с. 148 сл), Рычков (95), Семенов (97, с. 20), Смирнова (101), Туркестанская туземная газета (107), Френкель (109), Щербина-Крамаренко (117), Эварницкий (119, с. 124).

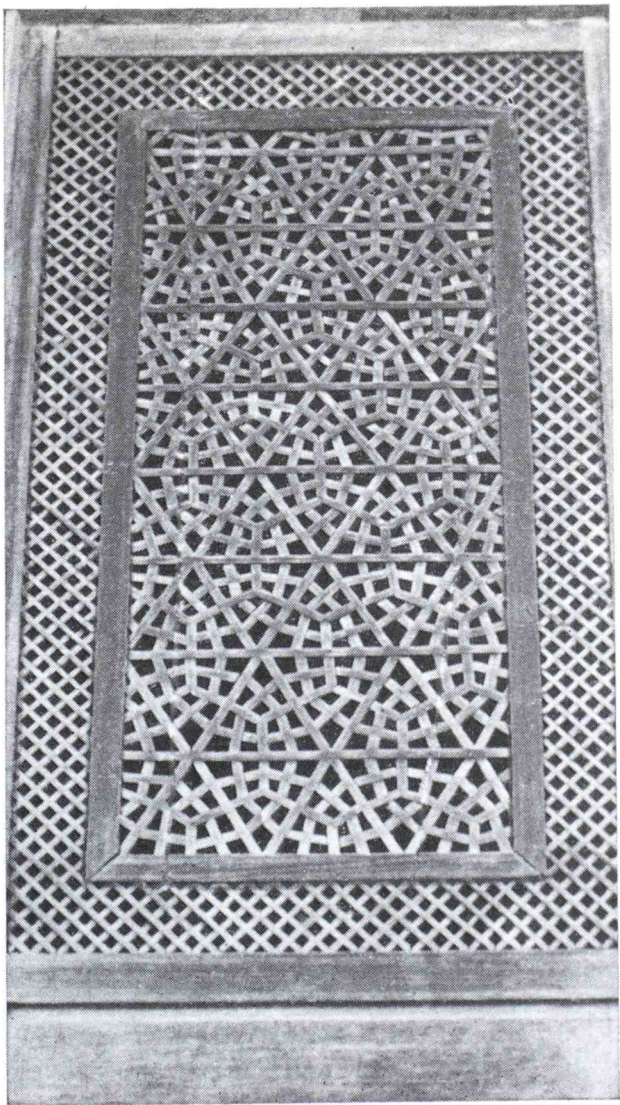
17. МАВЗОЛЕЙ ЗАЙНАДДИНА-БОБО (XII, XIV—XVI, XIX вв.)

Ташкент, Кукча, ул. Вилает.

Один из самых интересных и крупных памятников Ташкента. Расположен в глубине древнего, возникшего в XI в. кладбища, на пологом холме. К нему ведут пандус и прямая тополевая аллея. Мавзолей и примыкающая к нему чилляхона стоят на культурно-приращивающем слое: в XIII в. здесь было загородное селение Арифон.

Представляет собой многокамерную продольноосевую четырех-портальную купольную постройку с высоким развитым пештаком, выделяющим юго-восточный фасад, как главный. Обширный квадратный зал, заключенный внутри прямоугольной призмы основного корпуса, крестообразен в плане за счет четырех глубоких ниш по центрам его стен. Щипцовые стены их прорезаны проемами, оформленными с фасадов в виде порталных ниш, в плоскости стены, без подъема над кровлей. Объемно памятник подобен зданиям ханака XVI—XVII вв. Зал перекрывает двойной купол с высоким цилиндрическим барабаном над пологим внутренним куполом, покоящимся на арочных парусах с двумя промежуточными щитками между арками.

Стены интерьеров не оштукатурены, оставлены в конструктивной кладке. Из художественных деталей выделяются образцы декоративно-прикладного искусства: входная двустворчатая деревянная резная дверь, покрытая растительным орнаментом. Над ней — окно с уникальной деревянной решеткой (панджара): широкая рама с мелкой сеткой, в центральном панно — крупный звездчатый гирих, построенный на равностороннем треугольнике. Ганчевые панджара разнообразных построений оформляют большие и малые оконные проемы второстепенных фасадов. Размеры

здания: общие в плане — 16×18 м, высота до зенита купола — 20,7 м, высота портала — 14,5 м.

Мавзолей посвящен историческому лицу — шейху Зайнаддину Куи Арифони, сыну шейха Шихабаддина Абу Хафса-ас-Сухраверды, главы багдадских суфиев, «шейха шейхов», основателя школы, к которой принадлежал позже Шамсаддин Куляль, духовник эмира Тарагая — отца Тимура и самого Тимура. Шейх Зайнаддин родился в 1214 году.

Легенда, записанная со слов хранителя мавзолея, гласит, что 600 лет назад, по указанию отца, шейха Шихабаддина, Зайнаддин переехал из Багдада в Ташкент, тут он жил в чилляхоне. После смерти почитатели воздвигли над его могилой маленький мавзолей (чортак). Позже Тимур перестроил чортак, было еще три-четыре ремонта (61, с. 78). Известны и легенды религиозного содержания.

Сложная периодизация строительства мавзолея установлена путём историко-археологического исследования в 1951 году (61).

Самое древнее строение XII—XIII вв. — подземная чилляхона, примыкающая к западному углу мавзолея. На месте существующего здания был древний, разрушенный чортак конца XIV века, его остатки лежат ниже существующего здания. Стены внизу относятся к XVI веку. Верх здания от парусов и выше, а также портал, капитально перестроены в конце XIX века.

Археологически установлено, что первоначальный план мавзолея имеет иные членения, не совпадает разбивка ниш боковых фасадов, не было угловых гильдаста у главного фасада. Северная стена мавзолея XVI века покоится на полуразрушенной стене чилляхоны (61, с. 76).

Стены XIX—XX вв. сложены из жженого прямоугольного кирпича ($26 \times 12 \times 6$), низ стен в интерьере XVI в. — из квадратного плиточного кирпича ($26 \times 26 \times 5,5$ см и $27 \times 26,5 \times 5$ см). Стены чортака XIV в. сложены из кирпича ($25 \times 25 \times 5$ см).

Надписи мавзолея поздние, относятся к его ремонтам.

На филенке деревянной двери начертано: «Мастер Мир-Шараб Абду-Мумин-оглы», дата срезана.

В надписи на юго-западном устое портала указана дата капитального ремонта здания — 1339 г. х. (1920/31 гг.) (61, с. 76).

Этот ремонт и последующий — 1927 г. — исказили облик памятника. Он еще не реставрирован.

До ремонта 1920—1921 гг. пештак был покрыт глазурованными изразцами. При археологических раскопках в слое строительного мусора обнаружены фрагменты майоликовых плиток тимпана.

Л и т е р а т у р а: Абу Тахир Ходжа (2, с. 181), Бартольд (9), Маев (64), Левина-Булатова (61), Маллицкий (68), Предание (86), Семенов (99).

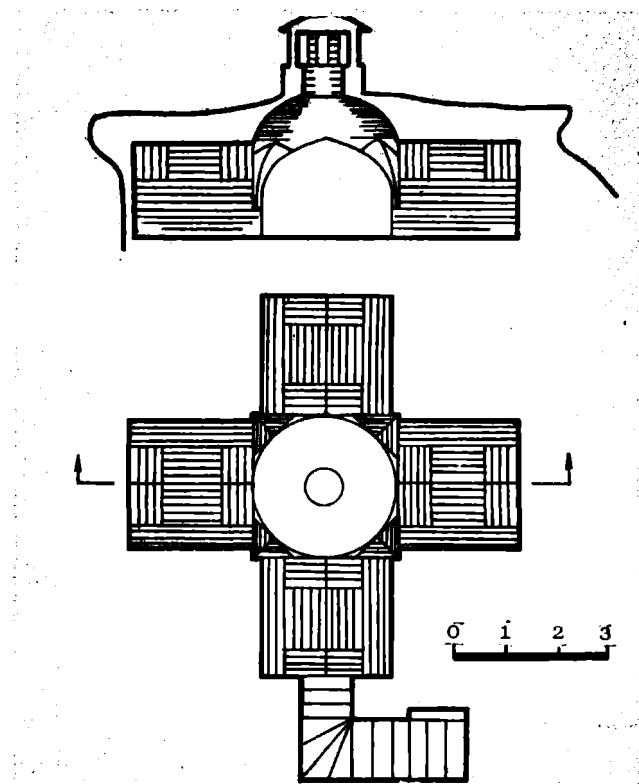
Исследование исторической топографии района произвела в 1943—1944 гг. кафедра археологии САГУ; в 1944 и 1950 гг. сделаны архитектурные обмеры (Т. Г. Смирнова, А. С. Берштейн), хранятся в архиве ГНПУ.

18. МАВЗОЛЕЙ ХОДЖА АЛАМБАРДОРА (ХОДЖИ АЛАНДАР-БУВА) (XIX в.)

Ташкент, ул. Большевик.

Расположен в бывшей бешагачской части Ташкента, на месте старых Камеланских ворот, на старом мусульманском кладбище.

Время постройки точно неизвестно. По преданию, мавзолей построен над могилой «святого», со времени смерти которого прошло более 1300 лет. Ходжа Аламбардор («знаменосец») считается

Мавзолей Аламбардора. Чилляхона. Разрез, план. Общий вид мавзолея.

сподвижником Абубакра Мухаммада Каффаль Шаши, был одним из первых распространителей ислама в области Шаш. Известно несколько Аламбардоров, имена которых очень почитаемы в истории ислама. Археологические шурфы показали, что непосредственно под мавзолеем находится культурный слой XVIII в. На глубине двух метров от подошвы фундаментов найдены остатки жилого дома X в. (отмостка, тандыр, керамика). Возможно, что мавзолей отстроен в честь традиционного культа, сохранившегося с X века. Архитектурные формы мавзолея позволяют считать его сооружением позднефеодального времени (конец XVIII—XIX вв.).

Однокамерный портално-купольный мавзолей Ходжа Аламбардора возвышается на естественном холме, к которому ведет

глубоко врезанная в слои кладбищенской земли мощенная кирпичом тополевая аллея. В 9 м к востоку от мавзолея расположена подземная чилляхона, купол которой возвышается над землей.

Мавзолей Ходжа Аламбардора прост и лаконичен по композиции: призматический объем четверика увенчан массивным куполом на цилиндрическом барабане. Вход с севера отмечен слабо выступающим из корпуса здания низким порталом. Четверик в плане имеет подквадратную форму, вытянут в поперечном направлении (восток-запад), включает в себя единственное квадратное помещение с четырьмя нишами по осям стен. Ширина ниш равна стороне вписанного в квадрат восьмигранника. Своды ниш подняты на уровень яруса парусов и архитектурно слиты с угловыми парусными арками, с низко опущенными «висячими» пятами. Между арками выложены грубые щитовидные паруса кладкой «в елку». На них покоится двойной сфероконический купол характерного для позднего времени пологого очертания внутри и снаружи. В углах боковых стен, северной и южной, выложены узкие низенькие нишки (для чирагов?).

Входной портал — чуть выше четверика, обведен простой П-образной рамой.

Стены мавзолея сложены из сырцового кирпича, жженный кирпич использован в углах, в портале, в перекрытиях ($25 \times 25 \times 5$). Раствор в стенах — глина, в куполах — ганч. Штукатурка интерьеров — ганчхак. Фундаменты кирпичные, опускаются на 95 см ниже современного уровня земли, без каких-либо выступов. Сложены из жженого квадратного кирпича ($23-25 \times 5-5,5$ см) на глиняном растворе. Под порталом подложен слой керамического шлака и плиты камня-известняка (раскопки 1967 г., М. Филанович).

Мавзолей не декорирован.

Размеры: общие в плане — $8,87 \times 8$ м, высота купола — 10,3 м, ширина портала — 5 м, выступ — 1,5 м, помещение — $6,08 \times 6,08$ м.

Чилляхона — крестообразное в плане центрическое подземное помещение, перекрытое одинарным сфероконическим куполом с десятигранным световым фонариком в зените, выступающим над землей, с шатровым перекрытием.

Основная камера — квадратна, ниши во всех четырех стенах настолько широки, что от стен основного квадрата остаются небльшие заплечики; на высоте 0,5 м от пола грани соседних ниш соединяются под прямым углом. Купол поддерживают одинарные щитовидные паруса между арками ниш. Спуск в чилляхону по Г-образной кирпичной лестнице с востока. Чилляхона сложена из жженого квадратного кирпича ($24-26 \times 5$ см) на алебастровом растворе.

Размеры: основное помещение — $3,3 \times 3,3$ м, ширина ниш — 2,95 м, глубина ниш — 2,75 м, высота камеры до зенита купола внутри — 3,1 м.

Обмеры памятника: 1944 г. — Т. Г. Смирнова, 1952 г. — Ю. Халдеев, С. Шойхет (хранятся в ГлавНПУ).

Литература: Добросмыслов (36, с. 77), Маньковская, Пулатов (74, с. 23), Масальский (75, с. 618), Эварницкий (119, с. 197).

19. КОМПЛЕКС ХАЙРАБАД-ИШАН (XVIII в.).

Ташкент, Катартал.

Катартал и Зенги-ата были дачными местами жителей бешагачской части Ташкента.

В центре нового жилого массива многоэтажной застройки, на развилке городских магистралей, сохранились старое заросшее кладбище, мавзолей, мечеть с айваном и хауз, расположенный пе-

ред мечетью, в тени тополей,— характерный пример организации малого архитектурного комплекса старого Ташкента. Территория комплекса обнесена металлической сеткой.

Точных исторических данных о времени постройки нет. По сведениям, сохранившимся в памяти старожилов, комплекс построен на средства ишана Хайрабада, под руководством мастера Кара Ходжа. Сначала был возведен мавзолей, предназначенный для ишана Хайрабада, затем мечеть. Ишан умер, не завершив строительства: его довели до конца его сыновья и мюриды.

Триста лет тому назад здесь был пустырь. По другому преданию, крымскому татарину Хайрабаду во сне послышался голос, возвестивший: «Завтра к порогу твоего дома придет белый верблюд. Садись на него и дай ему волю. И когда он остановится и ляжет,— освой эту землю и живи там». Утром Хайрабад сел на верблюда и долго ехал. Наконец верблюд остановился и лег на кургане, где сейчас стоят мечеть и мавзолей. Эта местность с тех пор называется Ногай-курган, т. к. ее заселили ногаи — крымские татары.

20. МАВЗОЛЕЙ ХАЙРАБАД-ИШАНА.

В плане — неправильная трапециевидная подквадратная фигура, расширенная к главному фасаду, который отмечен выступом неглубокого портала. Помещение тоже трапециевидно, рассчитано лишь неглубокими нишками по центрам стен, в уровне арочных парусов. Мавзолей перекрыт одинарным сфероконическим куполом на низком цилиндрическом барабане. Кривая купола явно позднего начертания, низкого подъема, со спрямленным коническим плоским завершением, купол выложен небрежно. От барабана отделен карнизом-зубчаткой. Неточность разбивки плана, приземистость пропорций, низкое качество кладки свидетельствуют о постройке мавзолея в период упадка строительного мастерства, который характеризует XVIII век.

Мавзолей сложен из жженого плиточного кирпича на ганчевом растворе. Его фасады оставлены в кирпичной фактуре, без украшений. Сохранилась лишь деревянная резная решетка, собранная из отдельных элементов и вставленная в дверной проем.

Интерьер также не оштукатурен. Надгробие Хайрабад-ишана в виде стрельчатой сагана установлено на поперечной оси мавзолея.

Размеры: в плане — $7,5 \times 7,7$ м, высота — $8,5$ м, стороны помещения — $5,5 \times 5,5 \times 6$ м, ширина портала — $5,3$ м, пролет арки портала — $3,2$ м, глубина портала — $0,8$ м.

21. МЕЧЕТЬ ХАЙРАБАД-ИШАН

В первооснове представляла тип портално-купольной мечетикоска, бытовавшего в Средней Азии с древнейших времен. На территории Ташкента подобный тип редок. Пристройка айвана превратила ее в квартальную монументальную мечеть. Памятник заслуживает сохранения и реставрации.

Мечеть состоит из купольного здания и примыкающего к нему с востока и с севера колонного айвана, служившего также летней мечетью. Зимний зал в плане трапециевиден, прорезан одинарными дверными проемами по центрам восточной и северной стен, ведущих на айван: две двери с окнами над ними выходят на южный фасад. Западная стена глухая, в ней со стороны интерьера устроена граненая михрабная ниша. Зал перекрыт одинарным сфероконическим куполом на четырех арочных парусах, расположенных низко и не выявленных вовне восьмериком. Купол установлен на невысоком цилиндрическом барабане. Деревянный айван имеет балочное кессонированное перекрытие, поддержанное с востока

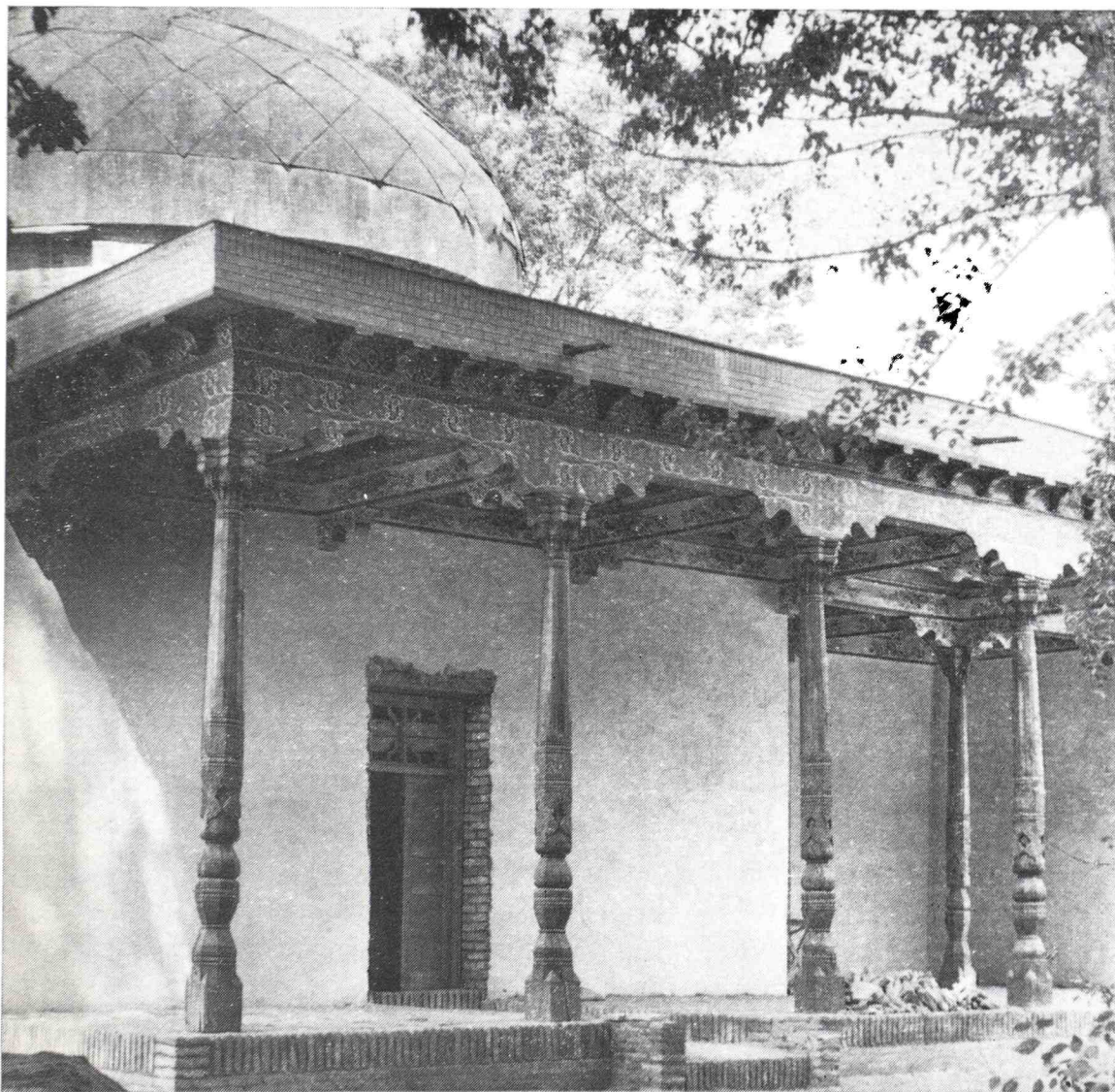

Мавзолей Хайрабад-ишан. Общий вид.

одним, с севера — двумя рядами колонн. Плафон его расчленен на 7 квадратов.

Плафон айвана расписан оригинальной живописью растительных мотивов, масляной краской по дереву. Подбалки колонн оклеены холстом и расписаны по нему орнаментом. Фасады мечети оштукатурены.

В первоначальном виде здание мечети было таким же, как и мавзолей, лишь по углам ее стояли четыре декоративные башенки, сохранилась одна.

Мечеть в комплексе Хайрабад-ишан. Айван (реставрация).

Мечеть Хайрабад-ишан. Роспись плафона айвана.

Размеры: в плане — $12,5 \times 16,5$ м, высота — 10,6 м, основной объем — 9×9 м, помещение — $6,6 \times 6,7$ м.

В 1968 г. комплекс был обследован и обмерен группой студентов архитектурного факультета ТашПИ под руководством В. А. Нильсена и Х. Ш. Пулатова.

Л и т е р а т у р а: Маньковская, Пулатов (74, с. 22—23).

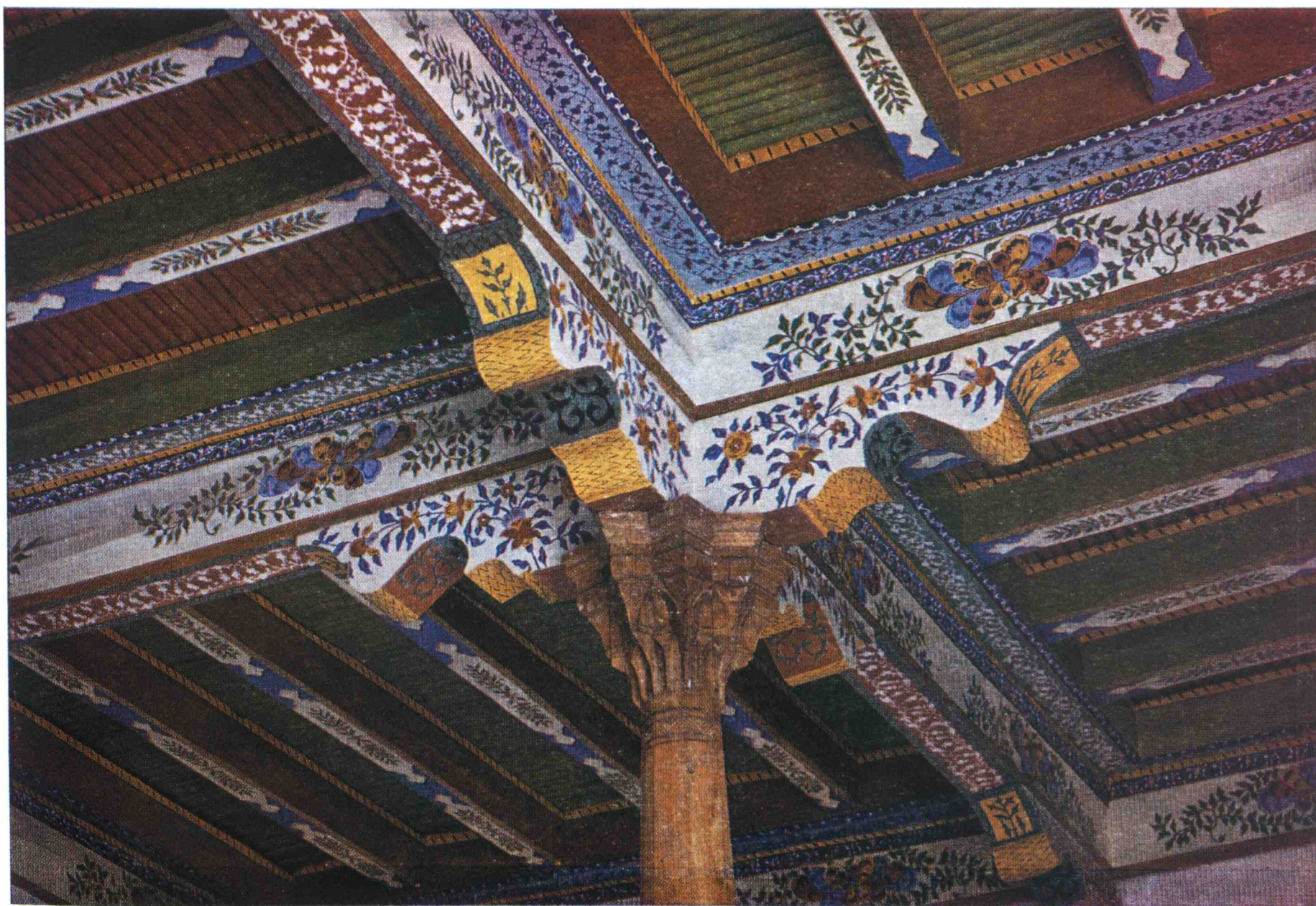
22. КОМПЛЕКС ЧУПАН-АТА (XVIII—XX вв.)

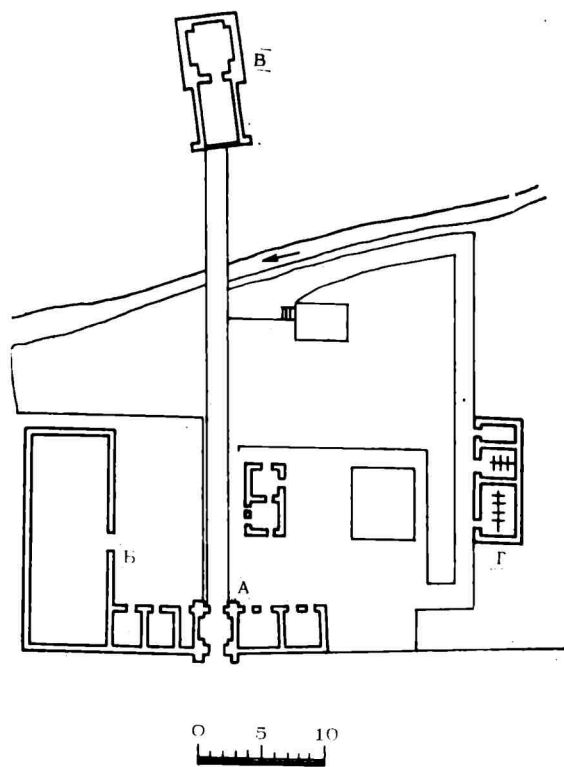
Ташкент, ул. Гафура Гуляма.

Комплекс построек позднефеодалного времени на кладбище Чупан-ата расположен за пределами старого Ташкента. Исторических данных о времени сложения комплекса нет.

Культовый комплекс построен во входной части действующего мусульманского кладбища. С улицы вход оформлен портално-купольной дарвазохона с минаретом-мезана над куполом, придающим своеобразный стиль этому сооружению. По сторонам к дарвазохона примыкают по два-три небольших подсобных помещения, где сейчас размещаются администрация и сторожа.

К западу от худжр размещается обширная мечеть, обращенная развернутым фасадом к прямой мощеной дорожке, проложенной от дарвазы к мавзолею Чупан-ата, обсаженной высокими тополями. Перспективу тополевой аллеи замыкает фасад портала мавзолея, напоминающего дарвазохона острокопечными завершениями башенок. К востоку от дорожки, напротив мечети, выст-

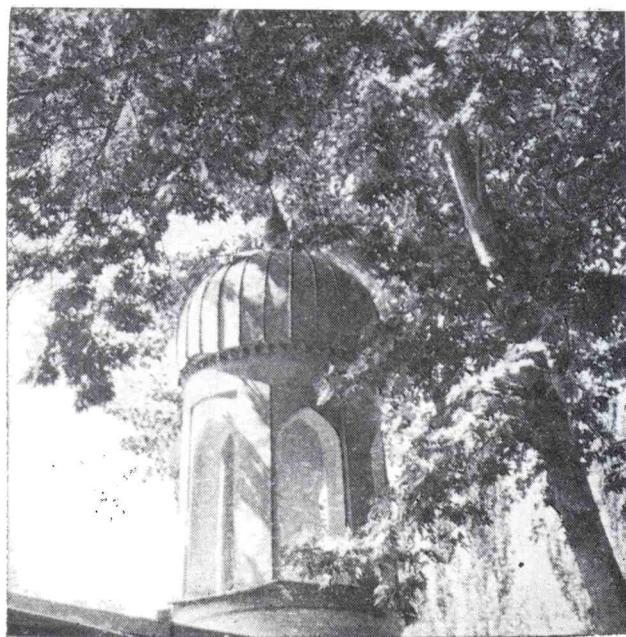

Комплекс Чупан-ата. Общий вид мавзолея. Дарвазахона.

Комплекс Чупан-ата. Генплан: а — дарвазахона, б — мечеть, в — мавзолей, г — тохаратхона.

Комплекс Чупан-ата. Фрагмент мезаны

роен из современного кирпича павильон, за ним — квадратный озелененный хауз.

Мавзолей, положивший основание культовому комплексу, еще мало изучен. Он относится к типу портално-купольных с прямоугольной призмой основания, где в композиции преобладает портал. Подобные композиции были свойственны временам расцвета среднеазиатского зодчества, и в мавзолее Чупан-ата, они возрождены в период позднего феодализма. Мавзолей интересен фигурными и кирпичными выкладками, оригинальным силуэтом. Памятник, несмотря на малые размеры, интересен для исследователей и как прототип «типовых» мавзолеев, появившихся после него в Ташкенте (мавзолей Ходжа Бахретдин-дона, Муин Хальфа-бобо).

По археологическим данным относится к концу XVIII века. Существует несколько легенд. По одной из них, мавзолей был построен по приказанию Тимура за городом, где жили калмыки, и раньше носил название «Казах-мазар». По второй, мавзолей строил Улугбек, которому во сне явился Чупан-ата и упрекнул, что его могила ничем не отмечена. Улугбек отправил из Самарканда в Ташкент мастера со строительными материалами и указал, где строить, хотя в действительности захоронения там, может быть, и нет. Чупан-ата, по легенде, был освоителем этих мест, он привел сюда воду посохом от Кагартала до тепе Махалля. Культ Чупан-ата посвящен покровителю пастухов бараньих стад.

Мавзолей Чупан-ата в Ташкенте — это скорее всего «кадам-жой» (просто «святое место»). Однокамерный портално-купольный мавзолей прямоуголен в плане, четкость прямоугольника нарушена лишь выступами угловых гильдаста, фланкирующих главный фасад, оформленный в виде портала. За «порталом» расположено единственное помещение, решенное в виде квадратного зала с четырьмя одинаковыми арочными нишами по сторонам, развитыми до размеров сторон. Конструктивные арки выходят наружу над крышей мавзолея. Зал перекрыт одинарным сфероконическим куполом, покоящимся на щитовидных парусах в четырех углах. Скуфья поднята на стройном, чуть утоняющемся кверху барабане. Мавзолей освещен единственным окном в западной стене.

Барабан купола, щипцовая стена портала, колонны (гильдаста) выложены фигурной кирпичной кладкой с чередованием вертикальных и горизонтальных рядов кирпичей. Небольшие фонари, венчающие гильдаста, расчленены на вертикальные западающие панно, украшенные звездчатым гирихом в технике «часпак» (черный контур гириха, белое заполнение). Портал оштукатурен и побелен, остальные фасады оставлены в черной кладке. Основание купола выложено фигурной кирпичной кладкой, как и барабан снаружи, большими ромбами и плетенкой. Интерьер неоштукатурен. В центре мавзолея стоит одно крупное надгробие — сагана.

Мавзолей сложен из жженого квадратного кирпича ($24,5 \times 3,5 - 4$ см, 10 р + 10 ш = $61 - 62$ см). Раствор глиняный в кладке стен, ганчевый — в арках и куполе.

Размеры: общие в плане — $4,6 \times 5,6$ м, высота — $7,2$ м, внутренний диаметр купола — $2,6$ м.

Мечеть первоначально состояла из прямоугольного зимнего зала и одностороннего прямоугольного айвана с северного торца. В 1950 г. к старому зданию мечети с севера был пристроен еще один продолговатый зимний зал, а по фронту, с востока — обширный остекленный айван. К этому времени относятся и новые росписи мечети.

По расспросным сведениям мечеть была построена 300 лет назад (в середине XVII в.) в уже сложившемся культовом комплексе.

В настоящем виде мечеть прямоугольна в плане, фронтальна,

Мавзолей Чупан-ата. Интерьер. Фигурные кладки купола.

вытянута с юга на север, обращена главным фасадом на восток, состоит из замкнутого продолговатого зимнего зала и остекленного одностороннего айвана: асимметрична по внутренней структуре.

Зимний зал разделен двумя квадратными столбами на три части. В южной, служившей хонако до перестройки, по центру западной стены имеется заложенный проем, видимо, на месте первоначального михраба. Вход в зал с востока был организован через две двери, ныне заполненные глухими остекленными перегородками. Центральная подквадратная в плане часть также отделена от айвана стеклянными перегородками, встроенными между двумя столбами с дверью посередине. Эта часть служила в первоначальной композиции мечети айваном, раскрытым с двух сторон. В центре этого отсека — михрабная ниша. Северный отсек не симметричен южному, еще более вытянут, стены его архитектурно не расчленены, есть лишь остекленный проем на айван, рядом с центральным залом. Старая часть мечети имеет балочное перекрытие с обнаженной конструкцией: по периметру стен и по центрам несущих опор лежат прогоны, поперечно к ним подходят с обеих сторон балки, образуя двускатную кровлю; между балками — заполнение из васса. В северном отсеке к балкам подшит фанерный потолок. К узкому корпусу мечети примыкает просторный айван, вдоль которого по центру широко расставлены пять простых стоек, поддерживающих перекрытие; конструкция его скрыта фанерой. Плафон мечети и айвана расписан во время ремонта 1950 г. Полы в залах и на айване — досчатые. Стены пристройки сложены из сырцового, старого зала — из жженого кирпича, сплошь оштукатурены внутри и снаружи. По низу стены зала обходит деревянная гидроизоляционная обвязка.

Размеры: общие — $25,3 \times 17$ м, айван — 25×10 м, отсеки зимнего зала — $7 \times 5,35$ м; $5,7 \times 5,35$ и $9,9 \times 5,4$ м.

Обмеры комплекса произведены в 1969 г. группой студентов ТашПИ под руководством Х. Ш. Пулатова, обследование и обмер мавзолея в декабре 1970 г. — Л. Ю. Маньковской и Х. Ш. Пулатовым, мечети — в 1976 г. Л. Ю. Маньковской.

Л и т е р а т у р а: Маньковская, Пулатов (74, с. 21).

23. МАВЗОЛЕЙ ИБРАГИМ-АТА (XV—XVII вв.)

Ташкент, ул. Карасарайская, кладбище Ибрагим-ата.

Расположен в центре одного из живописных старых кладбищ Ташкента, в районе, где были выселки жителей сибзарской части. Рядом, к западу от мавзолея, есть чилляхона, заглубленная на 1,5 м по отношению к современному уровню земли. Разрушенная фасадная стена к западу от мавзолея свидетельствует о том, что рядом были еще какие-то строения. Поздний навес у восточного фасада и отдельно стоящий шийпан — у западного служат складами погребального инвентаря.

Об истории постройки мавзолея пока нет достоверных сведений. Судя по легенде, мавзолей посвящен отцу Ходжа Ахмада Яссави — Ибрагиму-ата, похороненному в действительности в Сайраме.

Однокамерный портално-купольный мавзолей Ибрагим-ата строго прямоуглен в плане, ориентирован продольной осью на юг-север. Камера в плане крестообразна за счет ниш во всю ширину сторон подкупольного квадрата. Боковые ниши мельче продольных. Помещение освещено единственным низко расположенным окном в западной нише чортাকা и четырьмя малыми оконцами, расположенными в диагональных направлениях в барабане. По центру помещения установлена большая сагана. Главный фасад мавзолея представляет повышенный портал с неглубокими раскре-

повками в виде двух рам, охватывающих стрельчатую нишу и сре-
занных на уровне цоколя. Входной проем — прямоуголен, над
ним — квадратная панджара.

Чилляхона — цилиндрическое помещение с неглубоким михра-
бом в северо-западном секторе. Михраб — прямоугольная в плане
нишка, глубиной 17 см, с подковообразным арочным завершени-
ем. Помещение освещено небольшим оконцем в куполе, на уровне
земли.

Пол в мавзолее выстлан плиточным кирпичом, в чилляхоне пол
земляной.

Мавзолей сложен из жженого плиточного кирпича ($26-28 \times$
 $\times 28 \times 5,5$ см; $10 \text{ p} + 10 \text{ ш} = 70$ см), раствор лессовый, швы снару-
жи затерты ганчем; в чилляхоне (кирпич $24-25 \times 5,5-6$ см;
 $10 \text{ p} + 10 \text{ ш} = 74$ см) раствор лессовый.

Мавзолей перекрыт одинарным сфероконическим куполом,
поднятым на коническом барабане, который основан на щитовид-
ных парусах. Скатная кровля мавзолея скрывает основание бара-
бана, она покрыта оцинкованным железом, как и скуфья купола
(в наше время, при ремонте). Чилляхона перекрыта плоским
кольцевым куполом, снаружи засыпана землей в виде оплывше-
го холма.

Фасады оставлены в черной кладке. Облицовок на них никогда
не было. На южном и западном фасадах в окна вставлены резные
наборные панджара — древние и хорошей работы. Стены в мав-
золее и в чилляхоне оштукатурены ганчевым раствором.

Чилляхона, по справке хранителя памятника, была построена
одновременно с мавзолеем, т. е. в XV веке, но разрушилась и была
восстановлена 200 лет назад.

Размеры: мавзолей — $6,7 \times 9,34$ м, высота стен — 4,5 м, высота
портала — 5,65 м, чилляхона — внутри — диаметром 3 м.

В 1915 г. верх portalной арки переложен плиточным кирпич-
ем, во время капитального ремонта с востока устроен контрфорс.

Малоизученный интересный памятник по архитектурным фор-
мам можно датировать в пределах XV—XVII вв.

В 1940 г. мавзолей обследовала Т. С. Страмцова (104; 105),
в 1970 г. обмерили Л. Ю. Маньковская и Х. Ш. Пулатов.

Л и т е р а т у р а: Маньковская, Пулатов, 1970 (74, с. 20).

24. МАВЗОЛЕЙ МУИН ХАЛПА-БОБО (Середина XIX в.)

Ташкент, ул. Карасарайская, 89.

Был основой культового комплекса, ныне не сохранившегося.
По расспросным сведениям мавзолей строил для себя Муин-бува,
хальфа (цеховой староста), родом из Самарканда, получивший
образование в Карши. По происхождению он из дехкан, мастеров-
строителей пригласил из Самарканда. Его надгробие — основное в
мавзолее. Второе захоронение принадлежит его сыну — Умар-
хану. По сведениям старожилов, постройку закончили в 1845 году.

Однокамерный портално-купольный мавзолей прямоуголен в
плане, содержит одну квадратную камеру с четырьмя мелкими
пристенными нишами, расширенными так, что квадрат основного
объема фиксируется лишь выступающими углами разделяющих
их пилонов. Портал образован продолжением боковых стен и по-
вышением главного фасада. П-образные рамы охватывают неглу-
бокую стрельчатую нишу портала, превращенного в символиче-
скую форму, рудимент отживших пештаков. Помещение освещено
единственным прямоугольным окном в западной стене, забран-
ным простой решеткой из плиточного кирпича. По продольной оси
мавзолея ориентированы крупные надгробия, занимающие почти
всю поверхность пола. В объемно-пространственной композиции

доминирует массивный купол на цилиндрическом барабане, которому кубический объем четверика служит лишь постаментом.

Мавзолей выстроен из жженого плиточного кирпича ($24 \times 25 \times 3,5$ см), на глиняном растворе. Швы с фасадов затерты ганчем. Арки и купол сложены на чистом ганче ($10 \text{ р} + 10 \text{ ш} = 59 - 61$ см).

Мавзолей перекрывает одинарный сфероконический купол на низком барабане, основанном на ложно-сферических парусах.

Декор фасадов — кирпичная фактура стены с затиркой швов. Деталей — минимум: кирпичная шарафа, очеркивающая скуфью купола. Интерьер неоштукатурен, фактура стен — черная кирпичная кладка. По архивольтам арок вставлены ганчевые шаблоны.

Размеры: в плане — $5,48 \times 6,16$ м, камера — $3,05 \times 3,05$ м, арки портала — $3,43$ м.

Л и т е р а т у р а: Маньковская, Пулатов (74, с. 22), Страмцова (105).

25. МАВЗОЛЕЙ ХОДЖА БАХРЕТДИН-ДОНА (КУШЧИ-МАЗАР) (Середина XIX в.).

Ташкент, ул. Чигатай, кладбище Кушчи.

По местному преданию Ходжа Бахретдин-дона служил у богатого бая, был популярен у киргизов и казахов. Мавзолей расположен на холме, среди кладбища. Территория его ограждена металлической решеткой. К западу от мавзолея расположена каркасная постройка (зиаретхона), состоящая из квадратной комнаты и айвана с юга. Во дворике, между зиаретхоной и мавзолеем, есть два захоронения.

Поздний портално-купольный однокамерный мавзолей подобен ташкентским мавзолеям Чупан-ата, Ибрагим-ата, Муин-Халпа-бобо с порталом в общем объеме прямоугольной призмы основного корпуса.

Мавзолей прямоуголен в плане, ориентирован главным фасадом в виде скромного портала на юг. Вход сделан в боковом западном фасаде: проем в центре портала служит окном. Боковые и задний фасады глухие, без декора. Камера квадратна, с четырьмя плоскими нишами в стенах, пролеты ниш равны стороне подкупольного квадрата. Помещение перекрыто сфероконическим куполом на цилиндрическом барабане, опирающемся на арки ниш и ложносферические паруса между ними. Барабан заметно сокращается кверху. Скуфья купола расширена по отношению к барабану, нависание образовано выносом кирпичного карниза — зубчатки.

Мавзолей сложен из жженого кирпича средневекового формата ($24,5 - 25 \times 4,5$), на глиняном растворе ($10 \text{ р} + 10 \text{ ш} = 57$ см). Кладка внутри — впустошовку, на фасадах — с затиркой швов ганчем.

Размеры: в плане — $4,6 \times 5,43$ м, высота — $6,6$ м, сторона подкупольного квадрата и внутренний диаметр купола — $2,52$ м, глубина ниш — 26 см.

Л и т е р а т у р а: Бородина (16; 17), Маньковская, Пулатов (74), Страмцова (105).

26. МАВЗОЛЕЙ ГУМБЕЗ-БОБО (XI—XII вв.)

Ташкентская область, г. Ангрен.

Расположен на огороженном небольшом участке старого кладбища. Культурные слои скрывают основание стен почти на метр, войти в единственную дверь можно только ползком. Главным фа-

садом ориентирован на юго-восток. Перед главным фасадом, на 1,5 м возвышается булыжная платформа — остатки еще одного прямоугольного в плане сооружения ($5,86 \times 3,85$ м), вытянутого поперек корпуса мавзолея.

Портально-купольный мавзолей с замкнутым кубическим объемом очень архаичен на вид, стены его наклонны внутрь, глухие со всех сторон, кроме главного фасада, где расположен единственный входной проем в нише обрушенного портала, от которого сохранились лишь пилоны (южный пилон явно пристроен). Камера мавзолея квадратна, без ниш. В углах выведены ступенчатые консольные кирпичные паруса, в шесть ярусов по два ряда кирпича в каждом и четыре яруса — по одному ряду кирпича, так что общая высота паруса составляет 108 см, занимая треть высоты четверика. Это единственная архитектурная деталь интерьера.

К северной стене мавзолея примыкает торцом надгробие ($127 \times 388 \times 122$ см), явно более позднее, чем сама постройка. Восьмигранник в основании купола образован балками, срезающими угол. Балки замаскированы ступенчатой кирпичной кладкой, поддержанной диагональными консольно выпущенными с углов балками. Свесы купола сглажены по 16-граннику напуском трех рядов кирпича.

Размеры общие: в плане — $7,86 \times 6,42$ м, сохранившаяся высота внутри — 3,64 м, помещение со сторонами — 4,62—4,52 м, вынос пилонов портала — 1,6 м, пролет арки — 2,8 м, общая ширина портала — 4 м.

Фундаменты не изучены. Цоколь под пилонами портала — булыжный.

Стены сложены из жженого плиточного и продолговатого кирпича ($27-28 \times 5$ см) на глиняном растворе (10 р + 10 ш = 74,5 см). В интерьере, в цоколе два нижних ряда сложены продолговатым кирпичом ($35 \times 17 \times 5-7,5$, $41 \times 20 \times 5-7$ см).

Купол мавзолея обрушен. Судя по основанию он был выложен кольцевой кладкой и, вероятно, имел сфероконическую форму. Сейчас перекрытие позднее, ремонтное — на стропилах, с покрытием кровли волнистой асбофанерой.

Фасады сложены черной кирпичной кладкой, без декора.

Л и т е р а т у р а: Маньковская (69).

27. КЫЗЫЛ МАЗАР (XVI—XVII вв.)

Ташкентская область, Бекабадский район, кишлак Токачи.

На пустынной, заросшей дикими травами территории старого кладбища, недалеко от кишлака Токачи возвышается один из самых крупных архитектурных памятников Ташкентской области, известный под названием Кызыл мазар. Легенды связывают эту постройку с именем тимуридского царевича, основателя династии Великих Моголов в Индии — Султана Бабура.

По одному из преданий, во время похода Бабура в Индию, при выходе из Андижана погиб один из видных военачальников, которому и посвятили мавзолей. Другая легенда гласит, что на месте, где стоит теперь кишлак Токачи, войско Бабура, следующее в Индию, вступило в бой с андижанцами. Бой длился несколько дней. Среди воинов выделялся отвагой один, оказавшийся прекрасной девушкой-индианкой. Она покорила сердце Бабура, но погибла. В честь нее, по приказу Бабура, построили мавзолей, получивший в народе название Кызыл мазар.

По архитектурному типу постройки Кызыл мазар представляет собою позднесредневековый мавзолей-ханака портально-купольной композиции. Он завершает линию развития квадратных в плане, центрических в основе зданий, в которых главный фасад отме-

чен выступающим скромным порталом. Подобные композиции встречались на всех этапах развития среднеазиатского зодчества.

В XVI—XVII вв. крупное портално-купольное здание мавзолея, с центральным, крестообразным в плане купольным залом, раскрытым вовне на все четыре стороны дверными проемами в глубоких стрельчатых нишах, напоминало зачастую постройки ханака, с их крупным обрядовым залом и мелкими худжрами и лестницами в боковых пилонax (например, мавзолей-ханака Зайнаб-бобо в Ташкенте и др.).

Композиция Кызыл мазара представляет собой сочетание центрального кубовидного объема, раскрытого на все четыре стороны дверными проемами по центрам ниш крестообразного зала, с небольшим объемом скромно выступающего портала (от портала сохранились лишь пилоны до уровня пят свода). Ширина ниш в единственном помещении мавзолея развита почти до размеров стороны подкупольного квадрата, причем от стен оставлены уголки шириной 25 см. В углах основного объема размещены четыре винтовые лестницы, с разнообразно расположенными входами (два — с заднего, северного фасада, и два — из интерьера, из западной и южной ниш зала). Основной объем в плане — $11,3 \times 11,3$ м, общая длина здания с порталом — 13,1 сторона подкупольного квадрата зала — 5,9 м, общая высота памятника — около 11 м, при высоте стен — 7,1—7,2 м, ширина портала — 8,5 м, пролет его свода — 5,4 м.

Мавзолей сложен из жженого плиточного кирпича ($25 \times 2,5 \times 5$ —5,5 см) на лессовом растворе. Норма кладки — 10 р. + 10 ш. = 71 см — характерна для памятников развитого и позднего средневековья, но кладка небрежная и разбивка в плане не идеальна. Арка и купол сложены на ганчевом растворе. Купол, перекрывающий зал, — одинарный, сфероконический, переход к нему от квадрата зала осуществлен ложносферическими парусами, выложенными кольцевой кладкой.

Основание купола, сложенного кольцевой кладкой, — не стро-

Кызыл мазар. Общий вид.

гий круг, а как бы заваленный квадрат. Выходные площадки лестниц на крышу перекрывались некогда сводами «балхи». Стрельчатые оконца над дверьми выкладывались по ганчевым шаблонам, оставленным в кладке со стороны интерьера. Фасады памятника не были рассчитаны на облицовку, они выполнены в фактуре кирпичной кладки. Декоративные членения в виде плоских арочных ниш по сторонам от дверей и четырехпролетной аркатуры поверху стен — повторяются на трех второстепенных фасадах. Фасад пилонов пештака на главном фасаде был крепован плоскими западающими нишками, чередующимися с квадратными панно.

Интерьер помещения оштукатурен, лишен декора. Внутри помещения несколько надгробий, ось которых несколько отклонена от направления оси симметрии мавзолея.

Мавзолей в относительно хорошем состоянии, несмотря на то, что кровельного покрытия он, по существу, не имеет.

Значительный по размерам, выполненный со знанием хороших архитектурно-строительных традиций Средней Азии, памятник можно отнести к эпохе XVI—XVII вв. Более поздние времена для Ташкентского оазиса характеризуются строительством очень мелких мавзолеев, иным стандартом плиточного кирпича и иными формами объемов.

Л и т е р а т у р а: Маньковская (69).

1. Абу-л-Касим ибн Хаукаль. Извлечения из книги «Пути и страны» (пер. Е. К. Бетгера), Труды САГУ, Археология Средней Азии, в. IV. Ташкент, 1957.
2. Абу-Тахир-Ходжа Самарня. СКСО на 1898 год, в. VI. Самарканд, 1899.
3. Азадаев Ф. Ташкент во второй половине XIX века. Ташкент, 1959, с. 127—129.
4. Альхамова З. А., Давидович Б. А., Литвинский Б. А., Массон М. Е. Историко-археологическое изучение мавзолея Юнус-хана. Труды САГУ, в. XLIX. Археология Средней Азии, Ташкент, 1953, с. 171—199.
5. Балаев А. Отчет об обследовании квартальных мечетей Самаркандской и Бухарской областей, 1949, ГлавНПУ, рукопись № 1918.
6. Бартольд В. В. Барак-хан. Соч., т. II(2), 1964, с. 509—512.
7. Бартольд В. В. К вопросу об асуариях Туркестанского края. Соч., т. IV, 1966, с. 154—171.
8. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. Соч., т. III, М., 1965, с. 97—231.
- 8а. Бартольд В. В. Ташкент. Соч., т. III, с. 499—502.
9. Бартольд В. В. О погребении Тимура. Соч., т. II(2), 1964, с. 423—454.
10. Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Соч., т. II(1), М., 1963, с. 23—108.
11. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1., М., 1963.
12. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
13. Бирунн Абу Райхан. Индия. Соч., т. III, Ташкент, 1963.
14. Болдырев А. Н. Мемуары Зайнабдина Восифи. ТОВЭ, т. II, Л., 1940.
15. Болдырев А. Н. Зайнабдин Восифи. Сталинабад, 1957.
16. Бородин И. Ф. Дневник обследования памятников архитектуры Ташкента. ГлавНПУ, рукопись, 1954.
17. Бородин И. Ф. Отчет об обследовании памятников архитектуры Ташкента. ГлавНПУ, рукопись, 1957.
- 17а. Булатов М. С. К развитию каркасной системы в зодчестве Узбекистана. Сборник научных трудов НИИ по строительству АСИА СССР в Ташкенте, вып. 3. Ташкент, 1962, с. 75—89.
18. Булатов М. С., Булатова В. А. Из прошлого Ташкента (к вопросу о названии и возрасте города), рукопись, 1975.

19. Б у р я к о в Ю. Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975.
20. Б у р я к о в Ю. Ф., З и л ь п е р Д. Г. Археологические наблюдения на городище Минг-Урюк в Ташкенте. Труды ТашГУ, в. 172, Ташкент, 1960.
21. Б у р я к о в Ю. Ф., К а с ы м о в М., Р о с т о в ц е в О. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент, 1973.
22. В о р о н и н Л. Н., Р а т н я Ш. Е. Медресе Барак-хана. «Архитектура СССР», 1936, № 11, с. 67—72.
23. В о р о н и н а В. Л. Народная архитектура северного Таджикистана. М., 1961.
24. В о р о н и н а В. Л. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951.
25. В о р о н и н а В. Л. Об узбекских банях. СЭ, № 1, 1951, с. 114—137.
26. В о р о н и н а В. Л. Строительные методы зодчих Ферганской долины XVI—XIX вв. «Архитектурное наследие», в. 22, М., 1974, с. 97—108.
27. Г а в р и л о в М. О святом шейхе Хованд Тахуре. «Туркестанские ведомости», 1911, № 173.
28. Г е й е р И. Путеводитель по Туркестану. Ташкент, 1901.
29. Г у л я м о в Я. Г. О надгробии Зенги-ата. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961, с. 267—271.
30. Д а в и д о в и ч Е. А. Вторая монета саманида Нуха пби Аббаса, ЭВ, IX, Л., 1954.
- 30а. Д а в и д о в и ч Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в. М., 1972.
31. Д ж а б б а р О. С. Сквозное проветривание квартир в многоэтажных жилых домах вертикальными токами воздуха через шахту способом «хаштака». САУ, № 9, 1969, с. 17—20.
32. Д ж а б б а р О., Х а р т о ф и л а к а с А. О возможностях планировочных решений квартир жилых домов из панелей ТДСК. САУ, № 7, 1970, с. 30—36.
33. Д и в а е в А. А. Легенда о Казыкуртовском ковчеге. «Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области», т. V. Ташкент, 1896.
34. Д и в а е в А. А. Предание о возникновении азиатского города Ташкента. ПТКЛА, год V, 1899—1900. Ташкент, с. 145—151.
35. Д м и т р и е в В. М. О возможности использования приема шипанг в современной практике. САУ, № 1, 1961, с. 15—19.
36. Д о б р о с м ы с л о в А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Издание Туркестанского кружка любителей археологии, вып. 1, Ташкент, 1911, вып. 2, Ташкент, 1912.
37. Д р е в н и й Т а ш к е н т. Ташкент, 1972.
- 37а. Д р е в н о с т и Т а ш к е н т а. Ташкент, 1973.
38. Ж у к о в В. Д. Дукентский клад. ИМКУ, в. 1, Ташкент, 1959, с. 176—207.
39. З и я е в Х. Ценные материалы по истории Ташкента. ОНУ, № 4, 1971, с. 53—55.
40. З а х и д о в П. Ш. Архитектура шийпана и вопросы проветривания. САУ, № 5, 1961, с. 28—29.
41. З а х и д о в П. Ш. Самаркандская школа зодчих. Ташкент, 1965, с. 53—55.
42. З е м ц о в С. М. Развитие города в XVIII в. «Ленинград». Сборник статей. М.—Л., 1943, с. 16, план Санкт-Петербурга, Петропавловская крепость.
43. З и л ь п е р Д. Г. Минг-Урюк — первичное городское образование на территории Ташкента. Средневековые города Казахстана и Средней Азии. Тезисы к совещанию в г. Фрунзе, 1970, с. 34—35.
44. И б н - а л ь - А с и р. Книга ал-каmil фи-т-тарих. МИКК, в. 1, М., 1973, с. 52—76.
45. И с т а х р и. Книга масалик ал-мамалик. МИКК, в. 1, М., 1973, с. 15—23.
46. И с т о р и я У з б е к с к о й С С Р. Т. 1, Ташкент, 1967.

47. Казбеков Ю. Праздник в Зенги-ата. «Туркестанские ведомости», 1875, № 34.
48. Кариходжаев Мухаммед Салих. Тарихи джанди. 1880—1883. Ташкент, рукопись на персидском языке.
49. Калмыков А. Д. Основные вопросы среднеазиатской археологии. Мечеть. ПТКЛА, год 14, 1910, с. 91—108.
50. Коломенский В. Н., Маньковская Л. Ю. К вопросу о трансформации жилища. «Сборник научно-технической информации», ТашЗНИИЭП. № 7, Ташкент, 1965, с. 31—39.
51. Коробовцев Г. И. Поиск пути реконструкции старгородской части Ташкента. САУ, № 3, 1974, с. 34—39.
52. Коробовцев Г. И. Ташкент. «Старый» город, каким тебе быть? САУ, № 10, 1971, с. 18—26, САУ, № 12, 1971, с. 20—29.
53. Кочнев Б. Д. Средневековые загородные культовые сооружения Средней Азии. Ташкент, 1976.
54. Крачковский Ю. И. Избр. соч., т. 1, М.—Л., 1957.
55. Крюков К. С. Исследование и реставрация медресе Кукельдаш в Ташкенте. «Материалы и исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана». Ташкент, 1967, с. 33—42.
56. Крюков К. С. Медресе Кукельдаш. Ташкент, 1968.
57. Крюков К. С. Модуль в памятниках среднеазиатского зодчества. «Архитектурное наследие», 1964, № 17, с. 155—166.
58. Крюков К. С. Построение арок в архитектуре Средней Азии IX—XVII вв. «Сборник научных трудов», в. III. АС и А СССР, НИИ по строительству в Ташкенте. Ташкент, 1962, с. 121, рис. 1 р.
59. Крюков К. С., Лукинская Н. М. Квартальные мечети Бухары. «Архитектурное наследие», № 19, М., 1972.
60. Кун А. Л. Туркестанский альбом 1871—1872 гг.
61. Левина-Булатова В. А. К истории мавзолея Зейнабдин. Сб. «Архитектурное наследие Узбекистана» АН УзССР, Институт искусствознания. Ташкент, 1960, с. 75—84.
62. Левина В. А. Материалы раскопок у медресе Кукельдаш в Ташкенте в 1959 году. ГлавНПУ, рукопись.
63. Лившиц В. А. Согдийский посол в Чаче. СЭ, 1960, № 2, с. 92—108.
64. Маев Н. А. Азиатский Ташкент. «Материалы для статистики Туркестанского края», в. IV, Ташкент, 1876, с. 266—268.
65. Маллицкий Н. Г. История Ташкента. Рук. ЦГА УзССР. Ф. Р.—2231, д. 146, л. 31, об. 32.
66. Маллицкий Н. Г. О происхождении названия ташкентского арыка Дарвазакент. Труды ТашГУ, вып. 200, Ташкент, 1963, с. 161—162.
67. Маллицкий Н. Г. Ташкент. Исторический очерк. «Известия Ташкентской городской думы». Ташкент, 1915, вып. 1, 2.
68. Маллицкий Н. Г. Ташкентские махалля и мауза. Сб. в честь Бартольда. Ташкент, 1927, с. 108—124.
69. Маньковская Л. Ю. Мавзолеи Кызыл мазар и Гумбез-бобо. ОНУ, № 10, 1970, с. 70—72.
70. Маньковская Л. Ю. Архитектурные памятники Кашкадарьи. Ташкент, 1971.
71. Маньковская Л. Ю. Неизвестные памятники зодчества Хорезма. САУ, 10, 1970, с. 32—34.
72. Маньковская Л. Ю. Памятники Иски-Лянгара и Китаба, САУ, № 11, 1969, с. 23—32.
73. Маньковская Л. Ю., Джумаев К., Усманов Т. Новое о мавзолеях Узбекистана. САУ, № 6, 1975, с. 25—28.
74. Маньковская Л. Ю., Пулатов Х. Ш. К изучению архитектурного наследия Ташкента. САУ, № 6, 1972, с. 20—23.
75. Масальский В. И. Туркестанский край. «Россия». Полное географическое описание нашего отечества. Издание Девриена, т. XIX, СПб, 1913.

76. Массон М. Е. Из прошлого Ташкента. «Пионер Востока», 1939, №№ 25, 29, 55, 72, 73, 75.
77. Массон М. Е. Клад утвари фальшивомонетчика XIV в. под Ташкентом. «Материалы Узкомстариса», вып. 4, Ташкент, 1933.
78. Массон М. Е. Прошлое Ташкента. «Известия АН УзССР», 1954, № 2, с. 105—132.
- 78а. Массон М. Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.
79. М(естные) И(звестия). Возобновление мечети Ходжа Ахрар в Ташкенте. Газ. «Туркестанские ведомости», 1888, № 33.
80. Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. Ташкент, 1966, с. 39—40.
81. Мухаммед Салих Ходжа. Тарихи джадиде йн-Ташкент. Рук. Ин-та востоковедения АН УзССР, № 7791.
82. Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история. Ташкент, 1956.
83. Назаров Филипп. Записки о некоторых народах и землях Средней Азии. СПб, 1821, с. 36—38, 90—92.
84. Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда. Душанбе, 1974.
85. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году. «Вестник русского географического общества», кн. 1, 1851, с. 1—56.
86. Предание о квартале Парчбаб Сибзарской части и о шейхе Зайнуддине-бобо. ПТКЛА, 26/II 1896.
87. Пугаченкова Г. А. Мавзолей Калдыргачбия. «Известия АН КазССР», № 80, серия архитектурная, вып. 2, Алма-Ата, 1950, с. 90—94.
88. Пугаченкова Г. А. Неизвестные памятники горных районов Узбекистана. «Искусство зодчих Узбекистана», в. III, Ташкент, 1965, с. 86. План мечети в Бешире аннотирован в статье ошибочно как мечеть Дехимуран.
89. Пугаченкова Г. А. Памятники архитектуры Средней Азии эпохи Навои. Труды САГУ, новая серия, вып. СУШ, исторические науки, кн. 22, Ташкент, 1957.
- 89а. Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии, XV век. Ведущие тенденции и черты. Ташкент, 1976.
90. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М., 1965.
91. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958.
92. Пулатов Х. Ш. Из гражданского зодчества Ташкента. САУ, 6, 1976, с. 29—31.
93. Пулатов Х. Ш. Комплекс Янги-махалля в Ташкенте. САУ, 10, 1976, с. 3—12.
94. Ртвеладзе Э. В., Ртвеладзе Л. Л., Первый фельс Иахьи ибн Асада. ЭВ, XXI, 1972, с. 30—31.
95. Рычков И. Н. История оренбургская (1713—1950). Оренбург, 1896.
96. Семенов А. А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. СВ, т. V, 1948, с. 137—153.
97. Семенов А. А. Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии. Сталинабад, 1945.
98. Семенов А. А. Ташкентский шейх Хаванд-Тахур (Шейхантаур) и приписываемый ему «кулях». ПТКЛА, год XX, в. 1, 1915, с. 25—31.
99. Семенов А. А. Уникальный памятник агнографической среднеазиатской литературы XVI в. «Известия УзФАН СССР», № 3, Ташкент, 1941, с. 52—62.
100. Смирнов Е. Т. Древности в окрестностях Ташкента. ПТКЛА, год 1, 1895, приложение к протоколу от 22/I 1896 г.
101. Смирнова-Сильниченко Т. Г. Мавзолей Ташкента и Зенгата. ГлавНПУ, рукопись.

102. Соколов Ю. А. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965, с. 42—43.
103. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований у узбеков Южного Хорезма. М., 1969, с. 240, 248—250.
104. Страмцова Т. С. Архитектурный облик феодального Ташкента. ГлавНПУ, рукопись.
105. Страмцова Т. С. Дневник обследования Ташкента. ГлавНПУ, рукопись.
106. Тверской А. М. Русское градостроительство до конца XVII в. М.-Л., 1953, с. 133, рис. 100-а; с. 119, рис. 93.
107. «Туркестанская туземная газета» 2 сентября 1892 г., № 37.
108. Умняков И. И. Архитектурные памятники Средней Азии. Исследования. Реставрация. 1920—1928 гг. Ташкент, 1929.
- 108а. У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982.
109. Френкель Н. И. Мавзолей Абубекра-Мухаммад Каффаль Шаши в Ташкенте. «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», М., 1950, с. 73—84.
110. Френкель Н. И. Полевой дневник обследования памятников Кашкадарьинской области. 1954, ГлавНПУ, рукопись.
111. Ходжаева С. Ш. О некоторых квартальных мечетях Ташкента. САУ, 9, 1974, с. 34—36.
112. Чехович О. Д. Бухарские документы XIV в. Ташкент, 1965, док. № 1, 1325 г.
113. Чехович О. Д. Городское самоуправление в Ташкенте XVIII в. Сб. «История и культура народов Средней Азии», М., 1976, с. 149—160.
114. Шишкин Б. А. Мазары в Зенги-ата. Сб. «В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927, с. 165—170.
115. Шишкин В. А. Узбекистанская археологическая экспедиция АН УзССР. ИМКУ, вып. III, Ташкент, 1961, с. 5—18.
116. Шихаб-ад-дин-Мухаммад-Насави. Жизнеописание султана Джалалад-дина Манкбурны (пер. Буннатов З. М.), Баку, 1973, с. 311, прим. 2 к гл. 10.
117. Щербина-Крамаренко Н. Н. По мусульманским святыням Средней Азии. СКСО, в. VI, Самарканд, 1896.
118. Щербина-Крамаренко Н. Н. По развалинам Средней Азии. «Зодчий», вып. V, 1896, с. 45—60.
119. Эварницкий Д. Н. Путеводитель по Средней Азии. Ташкент 1893.
120. Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв. Ташкент, 1964.
121. Якубовский А. Ю. Главные вопросы изучения истории городов Средней Азии. Труды таджикского филиала АН СССР. Т., XXIX, Душанбе, 1951, с. 3—17.
122. Якубовский А. Ю. Об одном раннесаманидском фельсе. КСИМК, XII, М.-Л., 1946, с. 103—111.

СОКРАЩЕНИЯ

А С и А СССР	— Академия строительства и архитектуры СССР
ГлавНПУ	— Главное научно-производственное управление памятников Министерства культуры Узбекской ССР.
ИМКУ	— «История материальной культуры Узбекистана». Сборник Института истории и археологии АН УзССР.
ИРКИСВА	— «Известия русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии». Петербург.
ЗВОРГО	— «Записки Восточного Отделения Русского Географического Общества», Петербург.
МИКК	— Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1, М., 1973.
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции.
ОНУ	— «Общественные науки в Узбекистане». Журнал отделения общественных наук АН УзССР.
ПТКЛА	— Протоколы и сообщения Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент.
ТашГУ	— Ташкентский государственный университет имени В. И. Ленина.
ТДСК	— Ташкентский домостроительный комбинат.
ТОВЭ	— Труды отдела Востока Эрмитажа. Ленинград.
САУ	— «Строительство и архитектура Узбекистана».
САГУ	— Среднеазиатский государственный университет.
СВ	— «Советское востоковедение». Москва.
СКСО	— Справочная книжка Самаркандской области.
СЭ	— Советская этнография.
ЦГА	— Центральный государственный архив.
ЭВ	— «Эпиграфика Востока». Ленинград.

Айван	— полуоткрытое пространство; в народном зодчестве — навес, терраса с балочным перекрытием на колоннах; в монументальном — портал (пештак).
Аркатура	— ряд небольших арок или арочных ниш.
Балхи	— купол, возводимый над квадратным или прямоугольным помещением путем наращивания арок от углов к центру.
Вакф	— имущественный институт в исламе, устанавливающий размеры владений и доходов в пользу какого-либо учреждения (медресе, ханака, мавзолеей и пр.).
Восьмерик	— восьмигранный объем здания или его части.
Ганчхак	— местная разновидность гипса (ганч) с примесью лесса.
Гирих	— геометрический орнамент.
Гиштор	— мастер, выделяющий обожженный кирпич.
Гульдаста	— угловая башня; иногда гульдистой называют сталактитовый карниз.
Гурхона	— усыпальница.
Гяз	— единица измерения длины. Размеры его колебались в разные исторические эпохи и в разных местностях.
Дарваза	— ворота, въезд.
Дарсхона	— аудитория.
Даха	— городской район.
Долон	— проход, прихожая.
Дахлиз	— передняя.
Джамаатхона	— помещение для общих собраний в ханака.
Знаретхона	— помещение для свершения поминальных обрядов.
Караван-сарай	— место остановки караванов, заезжий двор, купеческое подворье.
Каркас	— конструкция зданий, при которой нагрузка от перекрытия сосредоточивается на отдельных несущих ее опорах. В народном зодчестве каркасные стены состоят из системы рам и подкосов, заполненных сырцовым кирпичом или

Кашии	комьями глины, перекрытие опирается на стены и колонны внутри здания и на айване.
Китобхона	— глазурованные изразцы для мозаики с силикатной керамической основой, позволяющей выпиливать тонкие криволинейные элементы орнамента.
Кешк	— библиотека.
Колабкори	— средневековый укрепленный замок.
	— декоративный ганчевый свод, имитирующий пересечение стрельчатых арок. Сложные своды такого типа имеют звездчатые пространственные построения.
Куфй	— древнейший из почерков арабской письменности, отличающийся строгостью и угловатостью линий.
Кыр	— кладочный раствор с известковой основой и добавками толченого древесного угля и золы. Отличается влагостойкостью.
Кубба	— завершение (навершие), которое устанавливается в верхней точке купола. Изготавливается из керамики или металла в виде одного-двух шаров с пиком.
Мактаб	— начальная школа.
Махалля	— городской квартал.
Медресе	— высшая школа в исламе.
Мечеть	— молитвенное здание или помещение в исламе.
Минарет	— специальная башня, с которой возглашался призыв мусульман на молитву (азан). Минареты воздвигались и отдельно, и в соединении с монументальными зданиями.
Михраб	— в архитектуре культовых зданий ислама так называется ниша, ориентирующая молящихся лицом к Мекке во время молитвы. В Средней Азии михраб устраивается в западных или юго-западных стенах, в Хорезме — в южных.
Муканнас	— системы объемных или ячеистых сталактитов, в отличие от плоских сталактитов «ироки», — вид ганчевого декора куполов и сводов.
Мусалля	— место молитвы; этим словом иногда обозначаются загородные мечети, где богослужения происходят два раза в год (в праздники курбан и фитр).
Намазгох	— здание мечети, предназначенной для праздничных молений (см. «мусалля»).
Некрополь	— комплекс погребальных сооружений.
Ошхона	— столовая, трапезная.
Парус	— конструкция перехода от квадратного основания здания к куполу.
Пештак	— арочный портал в архитектуре Востока.
Рабад	— торгово-ремесленный пригород средневекового города.
Ревак	— ряд арок, венчающих верх портала.
Сферокопический (купол)	— форма, образованная вращением стрельчатой кривой, включающей в себя сферическую часть у основания и коническую — у вершины.
Сагана	— сводчатый склеп для одиночного наземного захоронения.
Сульс	— один из основных каллиграфических почерков арабской письменности, отличающийся округлостью и пластичностью форм.
Так	— арка; это название связывается с типом торгового здания, пассажа, в виде арочно-купольной постройки.

Т и м	— торговый пассаж со специализированной торговлей, конструкции и формы различны.
Т у й н у к	— вытяжной фонарь над кухонным очагом.
Х а у л и	— укрепленная усадьба, дословно — двор.
Х а л и м х о н а	— помещение, где готовили ритуальное блюдо — халим.
Х а м м о м	— баня.
Х о н а	— комната, помещение, зал.
Х а н а к а	— центр дервишеского ордена, обитель странствующих дервишей и паломников, место высшего духовного совершенствования в исламе.
Х а у з	— искусственный открытый водоем.
Х у д ж р а	— келья, жилая комната.
Ч е т в е р и к	— основной объем квадратного в плане помещения.
Ч и л л я х о н а	— келья для сорокадневного отшельничества.
Ч о р т а к	— дословно «четыре арки». В архитектуре Востока этим словом обозначались здания различного назначения, но одинаковые по структуре: четыре арки, несущие купол.
Ш а р а ф а	— сталактитовый карниз из ячеек (муканнас).
Ш а х р и с т а н	— собственно город средневековья.
Ш и й п а н	— архитектурный прием «кашгарча», обозначающий разные формы (возвышенная беседка в саду, крытый дворик с вертикальным проветриванием, зимний айван второго этажа и т. д.).
Э п и г р а ф и к а	— вид прикладного искусства, характерного для ислама: каллиграфические надписи на зданиях, керамических изделиях, оружии, металлической посуде и других предметах быта.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	21
ИСТОРИЯ ГОРОДА	25
АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ	43
ПАМЯТНИКИ ЗОДЧЕСТВА. КАТАЛОГ	76
ЛИТЕРАТУРА	132
СОКРАЩЕНИЯ	137
СЛОВАРЬ АРХИТЕКТУРНЫХ ТЕРМИНОВ	138

ВЕРА АНДРЕЕВНА БУЛАТОВА
ЛИЯ ЮЛЬЕВНА МАНЬКОВСКАЯ

Памятники зодчества Ташкента
XIV—XIX вв.

Редактор Д. А. Быховский
Художник Н. А. Взенконская
Художественный редактор Г. Ф. Ким
Технический редактор Т. И. Смирнова
Корректор Т. И. Красилюникова

ИБ № 2268

В книге использованы фотографии В. Л. Ворониной, Л. Ю. Маньковской, В. А. Клепко, А. Н. Зуева, Е. Н. Юдичского, В. Н. Назарова. На переплете — фотографии Н. А. Василькина. На фотографиях Н. А. Василькина и В. А. Клепко в начале книги: купола мавзолея Шейхантаура, купол мавзолея Калдыргач-бия; фонарь угловой гильдасты медресе Кукельдаш; заросли на кладбище Зенги-ата; набережная Калькауза; крытая улица в жилом квартале; мавзолей Аламбардора; мавзолей Зенги-ата; купол гурхоны мавзолея Шейхантаура; портал медресе Кукельдаш; облицовки медресе Кукельдаш; портал медресе Сеид-Абул-Касым; фрагмент портала медресе Сеид-Абул-Касым.

Чертежи выполнены по обмерам и реконструкциям: М. И. Филанович — Ак-тепе Чиланзарское, В. А. Булатовой — схемы расположения тепе и археологического материала, М. Е. Массона — генпланы ансамблей Регистан, Шейхантаур, Хазрети Имам, Г. А. Пугачевой — медресе Ходжа Ахрара, мечеть Джами, мавзолей Калдыргач-бия, А. Н. Виноградова — медресе Барак-хана, план ансамбля и мавзолей Зенги-ата, Т. С. Смирновой — мавзолей Амбар-биби, Л. Ю. Маньковской и Х. Ш. Пулатова — мавзолей Ибрагим-ата, Муин-халпа-бобо, Чупан-ата, Кушчи-мазар, Л. Ю. Маньковской — мавзолей Аламбардора, чилляхона, Л. Ю. Маньковской и А. Р. Мухамеджанова — Кызыл мазар, Л. Ю. Маньковской и О. М. Ростовцева — мавзолей Гумбез-бобо, Х. Ш. Пулатова, В. А. Нильсена и др. — комплекс Хайрабад-ишан, Е. А. Муравского — мавзолей Юнусахана, А. С. Берштейн — мавзолей Зайнабдин-бобо, К. Пчельникова — мечеть Намазгох, А. Балаева — жилые дома-кашгарча, Л. Маньковской, Р. Хайрутдинова — ровонлик-айван в проезде Айрлыш.

Сдано в набор 31.01.83. Подписано в печать 18.8. 83. Р.18545. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага мелованная. Обыкновенная новая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр. отт. 44,31. Уч.-изд. л. 15,05. Тираж 5000. Заказ № 1546. Цена 2 р. 90 к.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

ГП ТППО «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ташкент, ул. Навои, 30.

85.113(2У)
Б 90

Булатова В. А., Маньковская Л. Ю.
Памятники зодчества Ташкента XIV—XIX вв.,— Т.: Изд-во
лит. и искусства, 1983.—144 с. ил.

1. Соавт.

ББК 85.113(2У)
72(С52)

2 р. 90 к.

Книга впервые наиболее полно освещает значение и место средневековых памятников Ташкента в истории водчества Средней Азии. Историко-топографический очерк посвящен истории жизни и деятельности человека на территории Ташкента с древнейших времен. Историко-архитектурный обзор впервые рассказывает об архитектурном наследии Ташкента; в публикуемом каталоге о каждом значительном памятнике дано подробное толкование, освещающее историю его строительства.

Издательство литературы и искусства имени Г. Гуляма